С. Я. Бѣляцкинъ.

Новое авторское право въ его основныхъ принципахъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Юридическаго книжнаго склада „ПРАВО“.
1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предлагаемый очеркъ былъ, въ части, доложенъ въ СПБ. Юридическомъ О-вѣ 29 февраля 1912 г.*) По условіямъ времени, отводимаго для докладовъ, авторъ въ Юридическомъ О-вѣ не могъ коснуться многихъ сторонъ своей темы, въ особенности это относится къ объекту и субъекту авторскаго права. Въ настоящее время предметъ изложенъ съ полнотой, доступной автору.

Соотвѣтственно своей задачѣ спеціальнаго изслѣдованія основныхъ принциповъ авторскаго права, въ связи съ новымъ закономъ, авторъ не сосредоточивалъ главнаго вниманія на отдѣльныхъ постановленіяхъ закона, но тѣ или иныя существенные вопросы института авторъ старался ввести въ сферу обсужденія, хотя бы это даже грозило стройности изложенія...

Въ концѣ книги приложено самое Положеніе объ авторскомъ правѣ 20 марта 1911 г. и помѣщенъ Предметный указатель къ тексту.

1 Сентября 1912 г.

---

*) Отчетъ напечатавъ въ „Правѣ" за 1911 г. № 14

Общій взглядъ на законъ объ авторскомъ правѣ 20 марта 1911 г.

Изданное съ одобренія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта Положеніе объ авторскомъ правѣ отъ 20 марта 1911 г., нашедшее себѣ много комментаторовъ [1]) и примѣняемое на практикѣ, явилось въ области нашей гражданско-правовой жизни еобытіемъ первостепенной важности.

На смѣну отжившимъ постановленіямъ X т. I ч. о правѣ собственности на произведенія наукъ, словесности, художества и искусствъ (прил. къ ст. 420), вышедшимъ изъ цензурнаго устава, смѣшивавшимъ начала полицейскія съ началами цивильными, отражавшимъ старинные взгляды на существо авторскаго права и защиту послѣдняго, казуистичнымъ, дробнымъ, формальнымъ и схематичнымъ, сталъ законъ, впитавшій въ себя современные принципы права вообще и авторскаго права въ частности, блещущій цвѣтами новѣйнихъ правовозрѣній Запада. Всѣ области авторскаго права преобразованы, объединены и подчинены общимъ принципамъ [2]). Права автора, моральвыя и

---

[1]) Пиленко, Новый законъ объ авторскомъ правѣ, Канторовичъ Авторское право на литературныя, музыкальныя, художественныя и фотографическія произведенія, Коптевъ, Законъ объ авторскомъ правѣ Займовскій, Авторское право, и др.

[2]) Положеніе объ авторскомъ правѣ заключаетъ въ себѣ нормы права литературнаго, музыкальнаго, художественнаго и даже фотографическаго, одновременно обсужденныя и одновременно издан-

матеріальныя, признаются новымъ закономъ и вмѣстѣ съ тѣмъ согласуются съ интересами и правами общества и общественными требованіями. Но не въ этомъ одномъ достоинство Положенія. Въ цѣляхъ наилучшаго огражденія интересовъ духовнаго творчества Положеніе использовало новѣйшіе пріемы регламентаціи гражданско-правовыхъ отношеній, удѣлило должное мѣсто справедливому судейскому усмотрѣнію, предоставило надлежащій просторъ судейской совѣсти.

Безъ преувеличенія можно сказать, что законъ объ авторскомъ правѣ представляетъ собою значительный и яркій феноменъ на горизонтѣ нашей правовой жизни, долженствующій бросить свѣтъ не только въ сферу юридическихъ отношеній между писателями, художниками, издателями и публикой, но и въ прочія области частнаго права, которыя не останутся въ данномъ случаѣ безъ вліянія. Послѣ изданія новаго закона отношеніе къ авторскому праву должно у насъ существенно измѣниться: въ то время, какъ прежде вниманіе обращалось на творческую работу по созданію началъ нашего авторскаго права, въ виду предстоявшей реформы, нынѣ первой задачей представляется изученіе изданнаго закона съ точки зрѣнія положенныхъ въ него принциповъ для практическаго и цѣлесообразнаго согласованія закона съ требованіями жизни.

ныя. Такого единства не достигъ родственный нашему Положенію Германскій законъ. обнимавшій ранѣе только произведенія литературы и музыки (Gesetz vom 19 Iuni 1901), а также издательскій договоръ въ этой области, и только впослѣдствіи (Gesetz vom 1 Januar 1907) дополненный самостоятельной новеллой о произведеніяхъ художества и фотографіи, причемъ въ области художества постановленія объ издательскомъ договорѣ отсутствуютъ до сихъ поръ „вслѣдствіе необычайной сложности предмета“. См. Allfeld, Kommentar zu dem Gesetze betreffend das Urheberecht an Werken der bildenden Künste und der Photographie, 1908, S. 15. Однородный и объединенный законъ объ авторскомъ правѣ для Германіи еще только дѣло будущаго.

Конечно, новый законъ при крупныхъ достоинствахъ заключаетъ въ себѣ немалые недостатки.

Законодатель допустилъ нѣкоторую нерѣшительность творческой работы, недоконченность... Выясненіе этихъ недостатковъ небезынтересно даже съ точки зрѣнія будущихъ преобразованій. Однако очередной задачей теоріи и практики являются все-таки извлеченіе изъ закона его истиннаго смысла, выясненіе его облика. Совершенное ознакомленіе съ новымъ закономъ, детальное изученіе его постановленій возможны будутъ всего лучше на почвѣ примѣненія этихъ постановленій въ отдѣльныхъ судебныхъ дѣлахъ. Но уже въ настоящее время возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ животрепещущаго характера, требующихъ отвѣта: какова правовая идея, заложенная въ новомъ законѣ, насколько эта правовая идея нашла отраженіе въ отдѣльныхъ нормахъ и въ чемъ конкретно заключается то новое, что приноситъ съ собой Положеніе объ авторскомъ правѣ для юриста, судьи и общества?

ГЛАВА I.

Природа авторскаго права.

Авторское право есть продуктъ позднѣйшаго времени. Какъ право страховое или воздухоплавательное, оно не имѣетъ глубокихъ корней въ исторіи и ведетъ свое происхожденіе отъ новыхъ условій общественной жизни и культуры [1]) Только въ нынѣшнихъ правовыхъ

---

[1]) Мысль о томъ, что самовольное пользованіе чужимъ произведеніемъ искусства предосудительно, не чужда была народамъ древности, но до правильной защиты твореній духа древнее право не додумалось. Въ то время, какъ сами поэты и художники находили убѣжище и покровительство у отдѣльныхъ вліятельныхъ лицъ, творчество поэта и художника ограждалось отъ посягательствъ общественнымъ мнѣніемъ. У Ювенала, Горація, Марціала Виргилія и др. мы находимъ эпиграммы, бичующія пла-

теченіяхъ могло развиваться здоровое ученіе о правѣ писателя и художника. Основной характеръ современнаго права это, какъ извѣстно, стремленіе уйти отъ механическаго подчиненія внѣшне-логическимъ формуламъ, построеніямъ, конструкціямъ, и вступить въ тѣсный союзъ съ жизнью, идти въ ногу съ поступательнымъ движеніемъ прогресса и къ нему приспособляться. Право чувствуетъ необходимость эмансипироваться, оно желаетъ быть общественнымъ. Индивидуальное благо должно находиться въ постоянномъ союзѣ и мирѣ съ благомъ общимъ. Всестороннее господство индивидуальныхъ интересовъ, ограниченное господствомъ интересовъ общественныхъ—правовой девизъ нашего времени. Авторское право, регулирующее наиболѣе драгоцѣнные интересы народа, его святая святыхъ—отношенія по литературѣ, искусству, просвѣщенію, всего сильнѣе запечатлѣно чертами соціологическими.

Собственно говоря, рѣдко какое право исчерпывается интересами опредѣленной единичной категоріи: въ большинствѣ правъ мы замѣчаемъ въ этомъ отношеніи сочетаніе разнообразныхъ чертъ, изъ которыхъ тѣ или иныя преобладаютъ. Въ правѣ на вещь, правѣ имущественномъ, приходится учитывать весьма часто личные интересы особой привязанности владѣльца и

гіатъ, какъ недостойное занятіе. Въ средніе вѣка плагіатъ и всякія недобросовѣстныя дѣйствія съ чужимъ манускриптомъ считались посягательствомъ на чувство чести, правила морали и добрые нравы, а римское право въ этихъ случаяхъ не отказывалось давать потерпѣвшему actio iniariarum. См. Pouillet, Traité théorique et pratique de la proprieté littéraire et artistique, 1908, p. 2—4, Dahn, Zur neuesten deutshen Gesetzgebung über Urheberecht, Zeitsehrift für Gesetzgebung und Rechtspflege, B. V, 1871, S. 6 ff. Лишь послѣ открытія искусства книгопечатанія и гравированія возникаетъ болѣе или менѣе интенсивная юридическая защита произведеній искусства, начинающая достигать вѣрной постановки въ наше время

особаго пристрастія (Affectionsinteressen—портреты родственниковъ, семейныя цѣнности и бумаги и пр. [1]); съ личнымъ правомъ, вытекающимъ изъ союза брачнаго или семейственнаго, связано право на содержаніе и пропитаніе, осуществляемое въ формѣ имущественнаго требованія. Право на промышленное изобрѣтеніе, будучи экономическимъ правомъ, не лишено и нѣкоторыхъ личныхъ чертъ, а также и чертъ общественныхъ въ виду непосредственной заинтересованности общества въ расширеніи сферы интеллектуальныхъ благъ прикладного характера [2]). Однако преобладающій элементъ является настолько характернымъ во всѣхъ этихъ правахъ, что окрашиваетъ собой почти вполнѣ связанныя съ ними юридическія отношенія.

Въ авторскомъ правѣ элементы личный, имущественный, общественный, выступаютъ съ одинаковой рельефностью, имѣютъ каждый свое собственное, независимое значеніе. Именно на такомъ исключительномъ соединеніи различныхъ моментовъ основаны главныя особенности института авторскаго права. Послѣднее есть право имущественно — лично — общественнаго свойства.

Духовная близость и связь, какія существуютъ между авторомъ и его произведеніемъ, между „дѣтищемъ“ искусства и творцомъ, и которыя не исчезаютъ во все время жизни автора, дѣлаютъ произведеніе неотчуждаемымъ и неотъемлемымъ личнымъ достояніемъ автора. Эти отношенія между авторомъ и произведеніемъ чувствовались и сознавались вездѣ и во всѣ времена, никогда произведеніе не мыслилось отдѣльно

---

[1]) Ср., напр., ст. 572 Проекта Гражд. Улож. (изд. 1905 г), которая говоритъ объ особомъ отношеніи опекуна къ такимъ вещамъ опекаемаго, „съ которыми соединены историческія или семейныя воспоминанія“.

[2]) Только вещи рыночнаго обмѣна—предметы торговли—неизмѣнно носятъ въ себѣ чисто имущественный, денежный субстратъ.

отъ творца. Гуттенберговское изобрѣтеніе, давшее возможность распространять произведеніе въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, еще болѣе связало личность художника и литератора съ ихъ твореніями, усиливъ отвѣтственность авторовъ передъ большой публикой. Отвѣтственность эта растетъ вмѣстѣ съ ростомъ средствъ воспроизведенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ духовная и юридическая связь автора съ его дѣтищемъ не ослабляется, а усиливается и крѣпнетъ.

Авторъ творитъ въ виду живущей въ немъ потребности дѣлиться своими мыслями, чувствами и настроеніями съ равными себѣ. Если есть авторы, которые творятъ для денегъ и богатствъ, то это такое же нормальное явленіе въ нашей жизни, какъ если бы фабрикантъ создавалъ продукты для славы и почестей.

Авторъ заинтересованъ въ полной неприкосновенности своего творенія, какъ части своей индивидуальной физіономіи, въ томъ, чтобы его произведенія, изданнаго или неизданнаго, не коснулись самовольно ни чужая рука, ни чужое имя, такъ что одно воспроизведеніе сочиненія или картины, безъ разрѣшенія автора, можетъ быть нарушеніемъ его личныхъ правъ.

Въ силу близости автора съ произведеніемъ первому принадлежатъ не только моральныя выгоды, но и матеріальная прибыль отъ распространенія произведенія. Въ настоящее время нельзя уже серьезно спорить о томъ, что именно служитъ экономическимъ основаніемъ права автора на доходъ отъ произведенія, потраченный ли авторомъ трудъ, [1]) необходимость обезпеченія автора и его семьи [2]) или что-либо другое.

---

[1]) Renouard Traité de droit d'auteur, p. 460: „Ile faut que ce travail comme tout autre, recoive son salaire ef qu' un prix materiel le recompense".

[2]) Шершеневичъ, Авторское право на литературныя произведенія, 1861 г., стр. 8 —Съ одной стороны несомнѣнно, что трудъ автора ничего общаго не имѣетъ ни по силѣ, ни по значенію съ трудомъ,

На самомъ дѣлѣ имущественное право автора вовсе не нуждается въ какомъ либо особомъ, специфическомъ обоснованіи: оно принадлежитъ автору потому и только потому, что исключительно въ пользу автора можетъ итти денежная выгода отъ его произведенія [1]).

Связь автора съ его произведеніемъ, духовная и экономическая, признаніе и охрана этой связи не суть все, что занимаетъ законодателя въ авторскомъ правѣ. Общество, ради котораго творитъ и къ которому направляетъ идеальный предметъ своего творчества авторъ, имѣетъ несомнѣнное основаніе предъявлять права, въ опредѣленныхъ границахъ, на произведеніе искусства. До момента опубликованія произведенія интересъ общества заключается лишь въ томъ, чтобы произведеніе существовало и было опубликовано, однако общество не можетъ истребовать произведеніе отъ

производящимъ экономическія цѣнности и направленный на внѣшній объектъ, съ другой—„матеріальное обезпеченіе автора" едва ли играетъ главную роль при установленіи юридической защиты авторскаго права.

[1]) Что такое "Монополія въ производствѣ и обращеніи особаго вида экономическихъ благъ-книгъ", ограждающая, по словамъ Г. Ф. Шершеневича, ук. соч. стр. 14, и Schönberg'а, авторскій доходъ съ произведенія? Въ сущности это напоминаетъ привиллегію, которая въ прежнее время даровалась автору свыше и считалась источникомъ его правъ. Хотя г. Шершеневичъ указываетъ, что „эта одна изъ тѣхъ немногочисленныхъ монополій, которыя не могутъ возбудить общественнаго неудовольствія въ виду безусловной ихъ необходимости и справедливости", но въ настоящее время не приходится уже болѣе говорить ни о какихъ монополіяхъ автора, всѣ правомочія котораго и въ томъ числѣ притязаніе на доходъ выводятся изъ существа авторскаго права. Эпоха, когда на доходъ автора съ его произведеній смотрѣли, какъ на что то исключительное (и даже нодостойное), когда писатели и художники, уступая эти доходы другимъ, сами должны были, по словамъ нѣмецкаго поэта-сатирика, вылеживаться на соломѣ, какъ добрые фрукты, миновало и, нужно полагать, безвозвратно. Придумывать оправданіе праву автора на доходъ теперь уже не приходится болѣе.

автора, какъ не можетъ адресатъ истребовать отъ адресата письмо, написанное, но еще не посланное сколь бы важно и существенно ни было для адресата полученіе этого письма. Но съ того времени, какъ произведеніе передано гласности, общество имѣетъ реальный и правовой интересъ въ сохраненіи произведенія. Право общества на произведеніе искусства основано не на томъ, какъ думаютъ нѣкоторые, что всякое произведеніе искусства преемственно связано съ предшествующей работой сподвижниковъ искусства, являясь какъ бы продолженіемъ прежнихъ трудовъ. Такое отношеніе существуетъ и въ мірѣ матеріальнаго производства, не мыслимаго безъ предшествующей работы и болѣе раннихъ образовъ. Притязанія общества покоятся на томъ, а) что въ духовномъ порывѣ автора, родившемъ на свѣтъ произведеніе искусства, доля участія принадлежитъ обществу (или даже человѣчеству), в) что, опубликовавъ свое произведеніе, авторъ фактически присоединилъ общество къ предмету своего творчества и с) что общество имѣетъ особый, специфическій интересъ въ твореніяхъ духа, обусловливающихъ культурное существованіе человѣка. При иномъ, чѣмъ нынѣшнее, устройствѣ общества послѣднее могло бы въ какой-либо опредѣленной формѣ выражать свое участіе въ осуществленіи правомочій по отношенію къ произведенію искусства и въ охранѣ произведенія, какъ предмета права. При нынѣшнемъ устройствѣ гармоніи интерсовъ приходится достигать другимъ путемъ. Авторъ, субъектъ права въ первую очередь, безраздѣльно осуществляетъ и защищаетъ свое право, извлекая изъ произведенія всѣ личныя и матеріальныя выгоды, въ теченіи своей жизни. Но такъ какъ личность съ физической смертью ея носителя не исчезаетъ окончательно и какъ бы переходитъ еще на нѣкоторое время въ домашній кругъ семьи и близкихъ, то авторское право,

въ ограниченномъ размѣрѣ, остается въ средѣ приближенныхъ автора послѣ его смерти столько, сколько можетъ, примѣрно, существовать одно поколѣніе. Періодъ этотъ исчисляется обыкновенно въ 30—50 лѣтъ [1]). При жизни автора общество не проявляетъ реальнаго интереса въ судьбѣ призведенія искусства, исходя изъ того, что авторъ самъ лучше охранитъ свое дѣтище, озаботится современнымъ опубликованіемъ и распространіемъ призведенія. По смерти автора индивидуальные элементы авторскаго права сосредоточиваются въ лицѣ указанныхъ ближайшихъ наслѣдниковъ, насколько это соотвѣтствуетъ представленію о продолженной личности автора. Наслѣдники могутъ охранять и защищать репутацію и имя автора, неприкосновенность и достоинства произведенія, но вносить, напр., измѣненія въ него они, по общему правилу, не вправѣ, за исключеніемъ особыхъ случаевъ. Право измѣненія принадлежитъ лично автору, только его неограниченную компетентность въ этомъ отношеніи признаетъ общество. Имущественная цѣнность произведенія могла бы, конечно, переходить къ наслѣдникамъ на общемъ основаніи. Въ этомъ отношеніи между имущественною цѣнностью авторскаго права и другими имущественными правами, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, никакой разницы проводить нельзя было бы, и доколѣ существуетъ извѣстная система наслѣдованія въ имуществѣ, она должна была бы примѣняться и къ доходамъ отъ произведенія искусства. Но предоставленіе экономической выгоды наслѣдникамъ, какъ вѣчнаго права, противо-

---

[1]) Тридцать лѣтъ -это тотъ періодъ, который принимается за время жизни близкаго умершему поколѣнія и въ другихъ случаяхъ. См. ст. 68, кн. 4 проекта гражд. улож., изд. 1903 г. о нѣкоторыхъ спеціальныхъ завѣщательныхъ распоряженіяхъ и объяененія къ этой статьѣ на стр. 199: „Тридцатилѣтній срокъ, ограничивающій дѣйствительность условнаго завѣщательнаго распоряженія и т. д., соотвѣтствуетъ приблизительно жизни одного поколѣнія“.

рѣчитъ правамъ общества, заинтересованнаго въ томъ, между прочимъ, чтобы произведеніемъ могли свободно пользоваться и чтобы въ расходы на пріобрѣтеніе не входили никакія иныя издержки, кромѣ издержекъ воспроизведенія [1]). Когда исчезаетъ окончательно личность (продолженная) автора, право общества получаетъ неограниченную силу: авторское право отдѣльныхъ лицъ падаетъ, разрушается личная и экономическая связь автора и его правопреемниковъ съ произведеніемъ, отпадаетъ право денежной эксплоатаціи произведенія, и послѣднее становится цѣликомъ общественнымъ достояніемъ (Gemeingut). [2]).

Изложенный взглядъ на авторское право, усвоенный въ большей или меньшей мѣрѣ новѣйшими законодательствами и въ томъ числѣ нашимъ новымъ закономъ, идетъ въ разрѣзъ съ ученіемъ, до послѣдняго

---

[1]) Только въ лицѣ автора художественные и имущественные интересы могутъ найти примиреніе, дробить эти элементы между разными субъектами (каковы общество съ одной стороны и наслѣдники съ другой) не представляется возможнымъ. При такомъ дробленіи оказалось-бы, помимо всего прочаго, что въ то время, какъ личность автора совершенно исчезла и должно наступить полное господство общества надъ произведеніемъ, существовали бы управомоченные, для которыхъ произведеніе—предметъ денежнаго торга и которые, стало быть, властны распоряжаться временемъ, мѣстомъ и способомъ публикованія произведенія, а можетъ быть и совершеннымъ изъятіемъ произведенія изъ оборота (на время или даже навсегда).

[2]) Разнообразныя и сложныя черты авторскаго права вызывали и вызываютъ массу контраверзъ вокругъ вопроса о природѣ авторскаго права. Авторское право привлекало къ себѣ вниманіе такихъ изслѣдователей, какъ Кантъ, Гегель, Фихте, Прудонъ, Блюнчли, Іерингъ, Гирке. Имъ занималось множество юристовъ (и экономистовъ) въ Германіи, Франціи и Англіи. У насъ объ авторскомъ правѣ писали Спасовичъ, Муромцевъ, Шершеневичъ. Напряженіе ума каждаго изслѣдователя по большей части сосредоточивалось на одной сторонѣ вопроса съ полнымъ почти игнорированіемъ другихъ сторонъ многограннаго института. Въ Россіи можно ожидать возобновленія этого спора въ связи съ новымъ закономъ.

времени господствовавшимъ, о чисто имущественной природѣ авторскаго права. Тѣ, которые и теперь еще продолжаютъ настаивать, что авторское право есть право экономическое: вещное право, имущественное право sui sgeneris, право на имматеріальное благо имущественнаго характера—Immaterialgütrreucht [1]), должны убѣдиться, что сама жизнь мало по малу разрушаетъ иллюзію свести всю сущность господства надъ произведешемъ искусства въ опредѣленной совокупности хозяйственныхъ отношеній. Имущественный элементъ, входящій въ составъ авторскаго права, отнюдь не представляется самымъ характернымъ. При томъ свойствѣ произведешя искусства, что въ различные періоды доминируютъ надъ нимъ личныя права автора или права общественныя, имущественная сторона никогда не является основной, опредѣляющей. Произведеніе искусства можетъ существовать, какъ общественное достояніе, оно можетъ существовать, какъ личное достояніе автора, но оно совершенно немыслимо какъ нѣкій самостоятельный имущественный объектъ, оторванный отъ лица автора, подобный вещамъ и цѣнностямъ, переходящимъ изъ рукъ въ руки съ полнымъ устранешемъ зависимости ихъ отъ прежнихъ обладателей.

Въ настоящее время нѣтъ надобности болѣе останавливаться въ подробностяхъ на теоріи, отождествлявшей авторское право съ правомъ собственности, основаннымъ на трудѣ или оккупаціи: Copinger, The Law of Copyright, p. I: The right of an author to the productions af his mental exertions may be classed among fhe species of property acquired by occupancy, being founded on labour and invention. Можно только попутно упомянуть объ этой теоріи. Нынѣ почти всѣми оставленная, теорія авторской собственности въ свое время принесла не мало вреда и вызвала нескончаемые дебаты о пріобрѣтеніи авторскаго права по давности владѣнія, о находкѣ рукописи и т. д. Этой теоріи

---

[1]) Kohler, Das Autorrecht, 1880, S. 74.

придерживался у насъ проф. Табашниковъ, Литературная, музыкальная и художественная собственность, 1878 г., трудъ котораго оказалъ вліяніе на проектъ гражданскаго уложенія. Нѣкоторые остатки этой теоріи можно встрѣтить и въ новомъ законѣ (ст. 5 и 6). Противъ теоріи авторской собственности возражали, между прочимъ, что собственность предполагаетъ матеріальный объектъ, котораго не имѣетъ произведеніе искусства, ибо такимъ матеріальнымъ объектомъ нельзя считать ни идеи автора, ни даже форму произведенія. Когда же теорія собственности стала говорить о собственности духовной (geistiges Eigentum), то критики справедливо замѣтили, что измѣненіе въ данномъ случаѣ чисто словесное. Характерно, что подъ „духовной собственностью" разумѣютъ „право исключительнаго распоряженія и денежнаго пользованія въ отношеніи духовныхъ твореній", ein Recht der ausschliesslichen Verfugung und der pecuniaren Verwertung hinsichlich der geistigen Schöpfungen, Dernburg, Das bürgerliche Recht des deutschen Reiche und Preussens, B VI, 1910, von Kohler, S 37. Въ такомъ пониманіи отъ теоріи „собственности" остается въ концѣ концовъ одно названіе, одинъ терминъ, имѣющій даже не юридическое, а общеупотребительное значеніе (Sprachgebrauch) расплывчатаго понятія «принадлежности». Но критики теоріи собственности указывали и въ этомъ отношеніи ихъ энергично поддерживали представители теоріи «имущественной», что авторская «собственность» неизбѣжно должна приводить последовательныхъ ея сторонниковъ къ признанію авторскаго права вѣчнымъ, подобно другимъ видамъ собственности. Будучи самъ по себѣ совершенно справедливъ, этотъ послѣдній упрекъ, однако, можетъ быть обращенъ съ равнымъ успѣхомъ и противъ самихъ сторонниковъ „имущественной" теоріи, такъ какъ не только собственность, но всякое имущественное право «вѣчно» и переходитъ къ наслѣдникамъ безъ ограниченій. И съ точки зрѣнія взгляда на авторское право, какъ на право чисто имущественное, непонятно: на чемъ основанъ временный характеръ этого самостоятельнаго, независимаго и «абсолютнаго» права, существующаго только въ теченіе жизни автора и нѣкотораго промежутка послѣ его смерти? Какому другому праву оно уступаетъ мѣсто? На эти вопросы приверженцы имущественной теоріи до сихъ поръ удовлетворительнаго отвѣта не дали.

Дѣйствительность однако показала, что эти личныя черты, такъ мало цѣнимыя представителями имущественныхъ теорій, имѣютъ правовую силу, которая крѣпла вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ развивались общественность и культура. Камень, отвергнутый строителями, становился во главу угла. Оставалось сдѣлать шагъ впередъ въ другомъ отношеніи: возвести на степень права общественный интересъ въ произведеніи искусства.

ГЛАВА II.

Черты историчеокаго развитія института авторскаго права въ Европѣ.

Что эволюція авторскаго права совершается въ сторону укрѣпленія личныхъ и общественныхъ его элементовъ подтверждается состояніемъ этого института въ законодательствахъ Европы, въ частности Германіи, гдѣ нынѣ дѣйствующіе законы 1901 г. и 1907 г. имѣли спеціальной цѣлью усилить сравнительно съ прежними законами именно эти стороны, особенно личную [1]). Объ этомъ говоритъ исторія ин-

тельность, когда утверждаютъ, что она защищаетъ не только имущественные, но и личные интересы". „Въ чемъ заключаются эти личные интересы, спрашиваетъ г. Шершеневичъ: въ извѣстности имени автора при распространеніи книги, въ соотвѣтствіи содержанія послѣдней съ дѣйствительными взглядами автора, въ неприкосновенной принадлежности мыслей, выраженныхъ въ сочиненіи данному автору?.. Представимъ себѣ случай, что кто-нибудь, пренебрегая опасеніемъ вознагражденія (за контрафакцію), намѣренно съ цѣлью повредить славѣ автора издаетъ сочиненіе послѣдняго въ искаженномъ видѣ. Законъ совершенно безсиленъ исправить причиненное зло, насколько напечатанная книга успѣла распространиться" (ibid.).

[1]) См. между прочимъ Allfeld, cit, S. 8: Im Uebrigen wurde die persön liche Seite des Urheberechts noch mehr wie bisher betont. Можно сослаться на § 10 закона (затрудненіе принудительнаго взысканія), § 9 (ограниченія при добровольномъ отчужденіи правъ автора), воспрещеніе всякаго, а не только механическаго воспроизведенія, проч. и проч. Allfeld, ibid.

Никто, конечно, не отрицаетъ, что имущественная сторона авторскаго права на практикѣ имѣетъ немаловажное значенiе: произведенiе искусства въ состоянiи создать большую денежную цѣнность какъ въ рукахъ автора, такъ и въ рукахъ тѣхъ, кому авторъ эту именно спецiально имущественную цѣнность своего права передастъ. Такое значенiе экономической стороны авторскаго права не даетъ возможности объявлять ее чѣмъ-то придаточнымъ, второстепеннымъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, но она же вызвала ошибочное представленiе объ имущественной природѣ авторскаго права. При этомъ уже многiе представители имущественной теорiи должны были согласиться, что въ авторскомъ правѣ значительную роль играютъ и личные интересы автора, однако послѣднiе признавались лежащими внѣ сферы права и отводились къ области чисто моральныхъ отношенiй „Diese rein individuellen Interessen wiewohl sie fur den Berechtigten ein Motiv in Ausubung seines Rechts bilden mogen, kommen rechtlich nicht in Betracht“.

Такъ говорилъ о личныхъ интересахъ автора въ 1875 г. Wahter [1]).

---

[1]) Das Autorrecht, S. 5 f. Kohler въ своемъ трудѣ Urheberecht, an Schriftwerken und Verlagsrecht, 1907, опредѣляя авторское право, какъ ein Recht an einem ausserhalb des Menschen stehenden, aber nicht körperlichen, nicht fass-und greifbaren, Rechtsgute (S. 1), въ то же время допускаетъ, что авторское право gewisse Schritte mit dem Individualrecht (личнымъ правомъ) pari passu gehen kann. Такая двойственность, впрочемъ, объясняется по мнѣнiю Kohlera, общими свойствами всякой собственности (17). Ал. Пиленко видитъ въ авторскомъ правѣ несомнѣнное сходство съ правами имущественными, но считаетъ нужнымъ отмѣтить, что авторское право „имѣетъ не мало сходства съ правами личными“. «Въ самомъ дѣлѣ это необходимо вытекаетъ изъ самой сущности того непонятнаго акта, который мы называемъ „творчествомъ“ (Международныя литературныя конвенцiи, 1894 г. стр. 10 и 11). Напротивъ другой представитель имущественной теорiи г. Шершеневичъ, Авторское право 1891 г., стр. 68, упрекаетъ сторонниковъ теорiи литературной собственности въ томъ, что они „допускаютъ крупную непослѣдова-

ститута на Западѣ и у насъ. Прошлое авторскаго права, сравнительно недавнее, даетъ обильное указаніе на то, что съ проникновеніемъ просвѣщенія въ глубокіе народные слои, авторъ постепенно выходилъ изъ безправнаго и жалкаго состоянія, въ которомъ онъ первоначально обрѣтался въ Европѣ, становясь субъектомъ важнаго и высоко цѣнимаго права. Хотя это право получало различную оцѣнку въ разное время, но общественное правосознаніе никогда не мирилось съ мыслью о чисто имущественномъ свойствѣ этого права, а видѣло въ немъ прежде всего отраженіе власти писателя, художника, композитора надъ своимъ личнымъ міромъ, правомочіе защищать и охранять индивидуальную сферу своего интеллектуальнаго творчества. Признавая духовную связь автора съ содержаніемъ и формой своего произведенія, какъ основаніе юридическихъ притязаній со стороны автора, европейское общество въ тоже время мало-по-малу усваивало мысль о томъ, что и оно имѣетъ долю законнаго участія въ духовныхъ продуктахъ своихъ отдѣльныхъ сочленовъ, вправѣ видѣть въ этихъ продуктахъ нѣчто, создаваемое въ его интересахъ и могущее при извѣстныхъ условіяхъ сдѣлаться общественнымъ достояніемъ.

Въ классической странѣ обычнаго права, какой является Англія, мысль о необходимости юридической защиты продуктовъ духовнаго творчества, какъ таковыхъ, въ интересахъ распространенія просвѣщенія и правильной культуры, зародилась въ самыя раннія времена. Писатель имѣетъ право противиться воспроизведенію того, что составляетъ его ipsissima verba. Common Law въ защитѣ авторскаго права исходило изъ „естественнаго" соображенія о томъ, что никто не долженъ передавать чужія мысли, нашедшія внѣшнее выраженіе, публиковать ихъ, безъ разрѣшенія автора, и что репутація автора можетъ претендовать на приз-

наніе и защиту [1]). По принципамъ стараго англійскаго права, не отмѣненнаго, впрочемъ понынѣ, авторъ пользуется неограниченнымъ правомъ на свой манускриптъ, которымъ онъ располагаетъ по своему усмотрѣнію и на который не вправѣ накладывать арестъ кредиторы автора безъ его согласія. Авторъ можетъ ограничить число лицъ, которымъ должно быть сообщено содержаніе манускрипта, и вообще устанавливать предѣлы и условія пользованія этимъ манускриптомъ, а въ случаяхъ нарушеній требовать компенсаціи [2]). Въ составъ этой компенсаціи входитъ, по англійскому праву, не только возмѣщеніе имущественнаго ущерба, но и денежное вознагражденіе за вредъ, причиненный личной сферѣ пострадавшаго (моральный вредъ). Хотя авторское право оффиціально конструировалось, какъ особый видъ собственности (peculiar property), но съ послѣдней это право на самомъ дѣлѣ никогда вполнѣ не отождествлялось и никогда нарушеніе экономическихъ функцій авторскаго права не выдвигалось какъ conditio sine qua non судебнаго охраненія [3]). Для всесторонней регламентаціи авторскаго права, для защиты многообразныхъ интересовъ, связанныхъ съ этимъ правомъ, common law оказалось не вполнѣ приспособленнымъ

---

[1]) Copinger, The Law of Copyright, 1909 г. p. 2.

[2]) Copinger, The Law of Copyright, p. 6.

[3]) По дѣлу, въ которомъ отвѣтчику вмѣнялось въ вину, что онъ воспроизвелъ и выставилъ рисунки изъ домашней жизни королевы Викторіи, работы самой королевы и принца Альберта, безъ ихъ разрѣшенія, благодаря тому, что эти рисунки случайно оказались въ рукахъ отвѣтчика, судъ указалъ, что авторъ манускриптовъ, пользуется ли онъ извѣстностью или никому не вѣдомъ, занимаетъ ли положеніе высокое или низкое, можетъ желать, чтобы его манускрипты, независимо отъ ихъ важности и независимо отъ того, составляютъ ли они предметъ денежнаго оборота или нѣтъ (salables or not), не были опубликованы безъ его согласія (Copinger, 11).

особенно послѣ введенія книгопечатанія, когда книга получила столь громадное значеніе. Достаточно сказать, что обычное право ничего не говорило о предѣлахъ пользованія своимъ правомъ со стороны автора въ смыслѣ той или иной срочности этого права, такъ что, при желаніи можно было трактовать о „вѣчномъ" правѣ автора. Съ другой стороны, Common law защищало право автора на произведеніе, доколѣ оно не было опубликовано: будучи напечатано, произведеніе фактически сейчасъ же, стало быть, еще при жизни автора, могло сдѣлаться общественнымъ достояніемъ. На практикѣ такой порядокъ вещей создавалъ неопредѣленность и большія затрудненія, почему и призвано было къ жизни дополнительное статутное право. Такъ же, какъ и во всей Европѣ, права автора на напечатанное произведеніе первоначально гарантировались привиллегіями (charter, letters—patent) [1]). И только изданный въ 1709 г. актъ дѣлалъ первыя попытки удѣлить авторскому праву принадлежащее ему мѣсто. Указывая на то, что въ послѣднее время книгоиздатели свободно воспроиз-

---

[1]) Привиллегіи, носившія одіозный и запретительный характеръ въ большей мѣрѣ, нежели покровительственный, и весьма мало совпадавшія какъ съ интересами автора, такъ и съ интересами общества, подвергались уничтоженію въ лучшія эпохи англійской жизни и вновь возстановлялись въ пору реакціонныхъ стремленій правительства. Первоисточникъ этихъ привиллегій коренился не столько въ желаніи ограждать авторскія права, сколько въ стремленіи наложить узду на печатное слово, сдѣлавшееся столь опаснымъ для спокойствія тогдашнихъ правителей. Первая привиллегія дана была въ XVI вѣкѣ компаніи статіонеровъ (The Charter af the stationers Company), завѣдывающей книгоиздательскимъ дѣломъ въ Англіи по настоящее время. Въ томъ же вѣкѣ рядъ декретовъ Звѣздной Палаты подтвердилъ араво этой компаніи выдавать разрѣшенія на напечатаніе произведенія и обязанность каждаго не печатать ничего, подъ страхомъ штрафа и ареста, безъ такого разрѣшенія, при чемъ самымъ тщательнымъ образомъ регулировались способъ полученія лиценціи и порядокъ выхода въ свѣтъ сочиненія (цензура).

водятъ чужія сочиненія, безъ разрѣшенія авторовъ, чѣмъ причиняется авторамъ большой вредъ вообще и матеріальный ущербъ имъ самимъ и ихъ семьямъ, законъ на будущее время „въ интересахъ побужденія ученыхъ людей къ составленію и писанію полезныхъ книгъ", постановляетъ, что авторы напечатанныхъ произведеній будутъ пользоваться исключительнымъ правомъ воспроизведенія своихъ сочиненій въ теченіе 14 лѣтъ со дня перваго напечатанія, съ тѣмъ, что если по истеченіи этихъ 14 лѣтъ авторъ еще будетъ находится въ живыхъ, онъ получитъ исключительное право еще на 14 лѣтъ. По истеченіи этихъ сроковъ авторское право въ лицѣ автора прекращается, и сочиненіе дѣлается достояніемъ общества. Ограждая автора отъ всякихъ нарушеній его правъ, предоставляя автору въ теченіе указаннаго срока все моральное и матеріальное, связанное съ его произведеніемъ, статутъ вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ ограниченія въ пользу правъ общества еще при дѣйствіи исключительнаго права автора. Такъ, въ случаѣ назначенія непомѣрно высокой цѣны на экземпляры сочиненія соотвѣтствующія, спеціально указанныя учрежденія, по ходатайству частныхъ лицъ, могутъ понизить эти цѣны. Такое постановленіе вытекало, въ значительной мѣрѣ, именно изъ сознанія общественнаго права на произведеніе искусства. Изданный въ 1842 г. законъ распространилъ срокъ защиты авторскаго права на время жизни автора (for the natural life of the author) съ прибавленіемъ семилѣтняго періода послѣ его смерти, а законъ 1899 г. увеличилъ семилѣтній срокъ до тридцати лѣтъ. По закону 1899 г. нарушеніемъ авторскаго права считается одно воспроизведеніе; за нарушеніе авторскаго права возмѣщается такъ называемый номинальный вредъ (nominal damages), т. е. присуждается вознагражденіе за вредъ не-имущественный; цѣлый рядъ постановленій гарантируетъ охрану личныхъ правъ и интере-

совъ автора (хотя нельзя отрицать и того, что ученіе объ авторскомъ правѣ, какъ о правѣ собственности, довольно сильно отразилось на законѣ 1899 г.). Въ настоящее время споръ о существѣ и пространствѣ авторскаго права въ Англіи не прекращается. Раздаются вліятельные голоса за полное ограниченіе автора въ пользу правъ общества, за то, чтобы денежное отношеніе автора къ произведенію исчерпывалось единовременнымъ вознагражденіемъ при изданіи сочиненія — не болѣе. Художникъ (въ широкомъ смыслѣ) — замѣчаетъ Batty [1]) — вправѣ свои творенія хранить у себя, но когда онъ ихъ опубликовалъ передъ свѣтомъ, онъ не можетъ претендовать, чтобы они оставались его собственными: они дѣлаются частью общественнаго запаса мыслей, и попытка затруднить свободное пользованіе ими въ состояніи создать только треніе и взрывы. „Продавать или выставлять произведенія искусства за деньги не предосудительно: il faut vivre. Но контролировать ихъ воспроизведеніе, продажу или выставку въ теченіе серіи лѣтъ-это просто значитъ домогаться накладыванія цѣпей на человѣческое развитіе. Разъ произведеніе издано, оно вышло изъ рукъ автора, оно перестало быть, выражаясь жаргономъ поверхностныхъ людей, его „собственностью“: оно стало „собственностью“ человѣчества, и авторъ не можетъ болѣе распоряжаться его судьбой» [2]). Въ этихъ крайнихъ разсужденіяхъ всего лучше сказался протестъ противъ того крайняго же ученія о литературной и художественной собственности, которое еще не мало распространено въ Англіи. Самый послѣдній актъ англійскаго законодательства объ авторскомъ правѣ— An act to amend and consolidate the Law relating to copyright—или, какъ онъ короче именуется, The Copyrigt Act 1911, вступивнiй въ силу 1 іюля 1912 года

[1]) Copyright. The Law Magazzine ond Review, November 1909 p. 65.
[2]) Batty, Copyright. ibid.

въ качествѣ дополненія къ прежнему закону, усиливаетъ и оттѣняетъ общественныя правомочія. Онъ удѣляетъ много мѣста постановленіямъ о принудительныхъ лиценціяхъ, о правѣ частныхъ лицъ при извѣстныхъ условіяхъ издавать произведеніе безъ прямого разрѣшенія автора (или его наслѣдниковъ), о регламентаціи цѣнъ на произведеніе и т. д. Въ то же время законъ раздвигаетъ и расширяетъ права самого автора, увеличивая ихъ экстенсивно и интенсивно, распространяя защиту на кинематографію, хореографію, а самый срокъ авторскаго права въ лицѣ наслѣдниковъ возрастаетъ до 50 лѣтъ (вмѣсто прежнихъ 30 лѣтъ). Англійскій законодатель хорошо понимаетъ, что правильное отношеніе къ авторскому праву должно приводить не къ уничтоженію авторскаго права въ лицѣ авторовъ, не къ порабощенію авторскихъ интересовъ интересами общества, а къ раціональному сочетанію и согласованію правъ и интересовъ какъ отдѣльныхъ лицъ—авторовъ, такъ и общества.

На континентѣ Европы правами автора начинаютъ серьезно заниматься въ концѣ 18-го вѣка, не ранѣе. Бурливыя волны общественныхъ движеній подняли на поверхность и вопросъ объ авторскомъ правѣ. До того времени право автора находило себѣ случайное и спорадическое признаніе въ формѣ тѣхъ же привиллегій, выдаваемыхъ данному лицу на извѣстное число лѣтъ или даже пожизненно правителями, университетами, королевскими музыкальными академіями и другими оффиціальными установленіями.

Въ средніе вѣка съ авторами мало церемонились, ихъ произведеніями располагали совершенно свободно. Удѣломъ автора была либо угроза голодной смерти въ настоящемъ и безсмертіе въ будущемъ, либо зависимость отъ подачекъ королей и меценатовъ. При такихъ условіяхъ не могло быть рѣчи о правильной защитѣ ни матеріальныхъ, ни тѣмъ болѣе личныхъ правъ автора. Что касается привиллегій, то, какъ и въ Англіи, онѣ мало соотвѣтствовали

интересамъ автора и общества, какъ и въ Англіи, ими преслѣдовались большей частью политическіе и цензурные виды. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что только вначалѣ привиллегіи выдавались авторамъ (привиллегія 25 іюня 1517 г., выданная во Франціи профессору философіи Gelaja за сочиненіе Insolubilia, привиллегіи на изданіе старинныхъ рукописей, писемъ святыхъ отцовъ и пр.), впослѣдствіи же всѣ привиллегіи предоставлялись книгоиздателямъ и разнымъ «излюбленнымъ» лицамъ, которыя должны были заботиться que le livre ne contenait rien de contraire à la foi ou a la sûreté de l' Etat. Но и въ эту эпоху авторы не чужды были сознанія естественныхъ правъ на произведенія своего ума и нерѣдко открыто выражали негодованіе оскорбленной личности грубымъ нарушителямъ и хищникамъ. Общеизвѣстны жалобы Лютера противъ наборщиковъ и издателей, самовольно издававшихъ его сочиненія. Не матеріальныя потери его смущали, а фальсификація его твореній: An were der Schaden dennoch zu leyden, wenn sie doch meyne bucher nicht so falsch und schendlich zu richten... Gott ist recher über solches alles. См. Wächter, 20. Бывали случаи, когда авторы вслѣдствіе воспроизведенія ихъ твореній недобросовѣстными конкуррентами разсылали и выставляли плакаты съ указаніемъ допущенныхъ фальсификаторами грубѣйшихъ ошибокъ, дабы покупатели произведеній могли исправить эти ошибки.

Когда подъ ударами первой французской революціи падали и осыпались монополіи и привиллегіи, ихъ участь раздѣлили и привиллегіи на произведенія искусства. И тогда впервые лицомъ къ лицу съ закономъ сталъ авторъ, котораго ранѣе за лѣсомъ издательскихъ привиллегій совершенно не видно было закону. Французской революціи нужны были выразительные лозунги. Подъ лозунгомъ „права собственности" право автора всего успѣшнѣе могло пріобрѣсти широкую защиту, которая вполнѣ импонировала французскому обществу, обязанному всѣми новыми завоеваніями въ области гражданственности именно писателямъ, философамъ и художникамъ. Еще за нѣкоторое время до революціи адвокатъ Louis d'Héricourt, от-

ставивая интересы провинціальныхъ издателей противъ привиллегій, даруемыхъ только столичнымъ издателямъ, доказывалъ въ авторской меморіи. что основой защиты произведенія искусства отъ посягательствъ служитъ право автора, а не привиллегія. Манускриптъ, указывалъ d'Hericourt, если онъ не содержитъ ничего противнаго религіи, государственнымъ законамъ или частнымъ интересамъ, представляетъ собою въ лицѣ автора добро, ему одному принадлежащее, на которое нельзя посягать такъ же, какъ нельзя посягать на деньги автора, его мебель или участокъ земли. Манускриптъ — плодъ его трудовъ, которымъ авторъ можетъ располагать для доставленія себѣ, кромѣ почестей, составляющихъ предметъ его надеждъ, также матеріальной выгоды для удовлетворенія своихъ потребностей и потребностей лицъ, связанныхъ съ нимъ узами крови, дружбы и признательности... Король не имѣетъ права отказывать (автору) въ выдачѣ или продолженіи привиллегіи, какъ не имѣетъ онъ права разрушить домъ, которымъ обладаетъ подданный на законномъ основаніи [1]).

Этотъ взглядъ на авторскую „собственность" нашелъ себѣ признаніе въ правительственныхъ декретахъ, одинъ изъ которыхъ (30 авг. 1777 г.) провозгласилъ, что создавшій произведеніе и потратившій на него трудъ „doit obtenir pour lui et ses hoirs á perpeuitè la privilege d'èditer et de vendre ses ouvrages" [2]) Законъ 19 Іюля 1793 г., установившій общія начала авторскаго права на произведенія литературы, музыки и художества и дѣйствующій съ измѣненіями до настоящаго времени, трактуетъ о правѣ собственности автора, хотя, надо

[1]) См. Pouillet, II.

[2]) Исключеніе сдѣлано для того случая, когда авторъ уступитъ право изданія книгопродавцу и когда продолжительность авторской привиллегіи ограничивается жизнью автора. Pouillet Traitè, etc, p. 12.

тутъ же замѣтить, что составители его стремились къ огражденію не однихъ лишь матеріальныхъ интересовъ автора: имѣлось въ виду утвержденіе всей полноты правъ автора, а не только имущественныхъ, провозглашеніе „деклараціи правъ генія“, какъ выразился докладчикъ національнаго конвента Lacanal[1]). Говоря о правѣ собственности автора, законъ 19 іюля 1793 г. вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаетъ, что это „право собственности“ продолжается лишь на время жизни автора и въ теченіе десяти лѣтъ послѣ его смерти. По истеченіи этого срока произведеніе дѣлается достояніемъ общества. По мысли законодателя, не выраженной прямо, но вытекающей какъ изъ приведеннаго закона, такъ и изъ позднѣйшихъ декретовъ, авторское право никогда не уничтожается окончательно: прекращаясь въ лицѣ автора и его близкихъ оно продолжаетъ существовать въ лицѣ общества[2]). Законъ 1793 г. явился крупнѣйшимъ событіемъ въ области авторскаго права; онъ отразился на законодательствѣ другихъ странъ, въ частности Бельгіи. Въ XIX в. основанное на теоріяхъ и законодательныхъ актахъ революціонной эпохи ученіе о правѣ собственности автора разливалось такъ широко, что грозило совершенно потопить всѣ другія стороны института. Срокъ охраны авторскаго права возросталъ. Сначала онъ увеличивался только въ отношеніи дѣтей и вдовы покойнаго, затѣмъ расширены были права всѣхъ наслѣдниковъ (по закону 1866 г.

[1]) „De toutes les proprietés la moin susceptible de contestation c'est sans contredit cello des productions dn génie; et si quelque chose doit étonner, c'est qu'il ait fallu reeonnaître cette proprieté.“ См. Pouillet, 14.

[2]) Наполеоновскій декретъ отъ 1-го жерминаля XIII года о посмертныхъ произведеніяхъ, дѣлая ссылку на прежніе законы, указываетъ: Considerant qu'olles (законы) „declarent proprietés publiques les ouvrages des auteurs morts depuis plus de dix ans“ etc. Съ своей стороны и этотъ декретъ самъ тоже упоминаетъ объ „общественной собственности“ (art. I).

срокъ авторскаго права выросъ до 50-ти лѣтъ). Въ эпоху Наполеона III въ стремленіи утвердить авторскую „собственность“ видѣли даже „эмансипацію мысли человѣческой“. Контрафакція уподоблялась кражѣ и наказывалась, какъ кража. Комиссіи по пересмотру законовъ объ авторскомъ правѣ, засѣдавшія въ это время во Франціи, принимали за принципъ своихъ работъ безсрочность авторскихъ правъ и приравнеше ихъ къ правамъ собственниковъ—(Коммиссія 1863 и др.). Только нѣкоторые члены Коммиссій осмѣливались высказывать робкую мысль о необходимости по истеченіи извѣстнаго срока послѣ смерти автора ограничить права его наслѣдниковъ только рентами. Казалось, что, разъ получивъ толчекъ по извѣстной линіи, авторское право безсильно было найти свой истинный путь, неуклонно катилось по данному направленію. Произведеніе искусства не далеко было отъ того, чтобы окончательно превратиться въ устахъ юристовъ и законодателей въ „вещь“ наряду съ деньгами и поземельнымъ участкомъ, въ предметъ „вѣчной“ собственности.

Этому однако помѣшала та великая агитація, которая была поднята противъ собственнической тенденціи, какъ въ обществѣ, такъ и въ средѣ самихъ авторовъ въ серединѣ девятнадцаго вѣка. Среди обвиненій литераторовъ, художниковъ и композиторовъ въ подчиненіи охватившему общество стремленію къ матеріальному преуспѣяанію и спекуляціи, въ готовности ради наживы пожертвовать божественнымъ даромъ учителей народа, сдѣлать его исключительно источникомъ денежныхъ операцій и разсчетовъ, слышались упреки по адресу юристовъ, поддерживающихъ въ авторахъ инстинкты невысокаго качества, укрѣпляющихъ въ нихъ мысль, что произведеніе искусства такая же матеріальная собственность, какъ фабрика и участокъ земли. „Мы не думаемъ болѣе о музѣ—писалъ одинъ видный

изслѣдователь—и она смежила свои крылья. Слава—нынѣ не болѣе, какъ mauvaise rime, за которой больше не гоняются. Не для нея работаютъ. Забота литератора и художника чаще всего сводится къ обогащенію. И такимъ образомъ законодатель, выполняя дѣло несомнѣнной справедливости, протежируя одному изъ наиболѣе овященныхъ видовъ собственности, превратилъ литературу и искусство во что-то меркантильное, совершилъ зло почти неизлѣчимое" [1]). Со всѣхъ сторонъ и противъ всѣхъ имущественныхъ теченій въ авторскомъ правѣ шелъ протестъ. Выросшія на почвѣ борьбы съ матеріализмомъ два новыхъ направленія въ этой области способствовали болѣе правильному и сознательному отношенію къ институту, утверждая взгляды, отражающіе его истинную сущность. Съ одной стороны, центръ тяжести въ авторскомъ правѣ начали переносить съ „вещи" на „лицо автора" (личныя теоріи). Съ другой стороны—выдвинуты были на видныя позиціи соціальныя черты института, общественные интересы по отношенію къ произведенію искусства, ради которыхъ авторъ долженъ быть ограниченъ въ своемъ—„безпредѣльномъ" прежде правѣ.

Представители персональнаго теченія, преимуще-

[1]) Pouillet, Traite etc, p. 25. Изложенное разсужденіе характерно въ томъ отношеніи, что оно исходитъ отъ ученаго юриста, который самъ исповѣдуетъ теорію авторской „собственности". Неизлѣчимость зла, на которое указываетъ Pouillet, въ томъ именно заключается, что съ одной стороны право автора есть „священнѣйшая собственность" и меркантильный авторъ, стало быть, только старается цѣликомъ использовать законъ, а съ другой стороны за авторомъ стоитъ, заявляя притязанія, крылатая муза, съ которою однако законъ, повидимому, совершенно не долженъ особенно считаться...

Конечно, преувеличенъ взглядъ, который паденіе нравовъ въ искусствѣ объясняетъ исключительно состояніемъ законодательства объ авторскомъ правѣ, но что законодатель не можетъ въ данномъ случаѣ вполнѣ отклонить отъ себя упрекъ—это едва ли подлежитъ сомнѣнію.

ственно юристы германской школы, указывали, что сущность авторской защиты заключается въ томъ, что произведеніе искусства, какъ продуктъ духа автора, составляетъ его личное достояніе, и что никто не имѣетъ права заставлять автора противъ своей воли говорить открыто съ публикой, передавать ей часть своей личности, своего имени и своей авторской чести (ein Stück seiner Person lichkeit, Namens und Seiner Autor—Ehre). Такимъ образомъ цѣлесообразной охраной авторскаго права будетъ та, которая направлена на огражденіе личности автора и его авторской чести. Такая охрана авторскаго права далека отъ защиты „собственника вещи", далека отъ обезпеченія „пользованія имущественнымъ благомъ", но она соотвѣтствуетъ понятію „произведенія искусства", составляющаго выраженный внѣшнимъ образомъ духовный обликъ автора.

Отметая имущественные оттѣнки авторскаго права, снимая съ него всѣ матеріальные покровы, персонификаторы поставили сильный противовѣсъ разросшимся имущественнымъ притязаніямъ въ сферѣ авторскаго права, но ихъ ученіе само по себѣ не могло вполнѣ удовлетворить общественной мысли въ виду того, что оно все же дѣлало личность автора альфой и омегой авторской защиты и не могло дать поэтому отвѣта на многіе самые животрепещущіе вопросы. Долженъ ли авторъ имѣть право устранять безусловно всякое пользованіе его произведеніемъ или нѣтъ? Какова судьба произведенія послѣ смерти автора? и т. д. [1]). Представители соціальнаго теченія въ авторскомъ правѣ, напротивъ, выдвинули на первый планъ общественный элементъ. Отрицая всякую аналогію между произведеніемъ искусства, отражающимъ идеи и мысли, т. е.

[1]) Bluntschli (Deutsches Privatrecht, 1860, s. III ff), усмотрѣвъ въ авторскомъ правѣ ein persöliches Recht des Urhebers, заключающееся въ исключительномъ правѣ на сообщеніе своихъ мыслей cein ausschlieszliches Mitteilungsrecht), указывалъ, что для юриди-

духовный міръ, и матеріальной вещью, частицей міра внѣшняго, они настаивали, что общество должно безпредѣльно господствовать надъ произведеніемъ искусства, опубликованнымъ и выведеннымъ на Божій свѣтъ авторомъ. Установленіе въ пользу автора правъ на произведеніе, какъ на вещь, они уподобляли обиранію общества. Ce serais pis que de l'usure car l'usure a la fin comme l'interêt, ce serait créer un domaine de l'entendement et faire le public, l' Etat, la société, serfs de l'ecriture ce qui serait pour eux cent fois pis que d'être serfs de la glèbe [1]). Это соціальное ученіе въ томъ видѣ, какъ оно развито его слишкомъ прямолинейными старонниками, заключая въ себѣ, несомнѣнно, много непріемлемыхъ положеній, полное несправедливостей въ отноніеніи автора, не мало однако способствовало подведенію крѣпкаго фундамента подъ понятіе авторскаго права, уясняя его общественное значеніе. То, что раньше только чувствовалось, можно сказать, сознавалось интуиціей, прозелиты соціальнаго ученія выдвинули, какъ опредѣленное требованіе, обращенное къ законодателю. Вся дилема въ томъ, чтобы найти соотвѣтствующую конкретную форму для выраженія въ законѣ идеи общественнаго господства надъ произведеніемъ и примирить эту идею со справедливыми притязаніями самого автора, которыхъ не можетъ игнорировать правовое чувство.

ческой природы авторскаго права имущественная цѣнность произведенія пмѣетъ второстепенное значеніе и что послѣ того, какъ, произведеніе издано, оно дѣлается отчасти достояніемъ ощбества черезъ сообщеніе. Упомянувъ вскользь, что по опубликованіи произведенія слѣдуетъ уже принимать во вниманіе „права общества", Bluntschli далѣе не останавливается на этомъ вопросѣ, очевидно, не придавая и ему большого значенія. А между тѣмъ именно это „право общества" служитъ однимъ изъ рычаговъ, которые двигаютъ и даютъ полный ходъ въ настоящее время развитію института, авторскаго права. (Апологія „личной" теоріи—въ трудѣ Gierke, Deutsches Privatrecht, B. 1, см. въ особенности стр. 748—769)

[1]) Proudhon, Les majorats littéraires, 1868. p. 38.

ГЛАВА III.

Авторское право въ Россіи.

Нашему законодателю незнакомо было почти совершенно представленіе объ авторскомъ правѣ, какъ о частной привиллегіи [1]). Русское законодательство интересовалось авторскимъ правомъ во-первыхъ съ точки зрѣнія чисто государственной въ виду возможности распространенія въ произведеніяхъ искусства „вредныхъ для государства идей", во-вторыхъ съ точки зрѣнія правъ автора, которыя всегда признавались, какъ естественное послѣдствіе связи автора съ его произведеніемъ, и въ третьихъ, наконецъ, съ точки зрѣнія интересовъ науки и просвѣщенія, оффиціально насаждаемыхъ въ Россіи. Постановленія объ авторскомъ правѣ включены были первоначально въ Цензурный Уставъ, гдѣ они впервые появились вмѣстѣ съ самимъ Уставомъ 1828 г. въ видѣ пяти статей. Опубликованныя затѣмъ правила лишь дополняли эти постановленія, и только въ сводѣ законовъ болѣе поздняго изданія нормы авторскаго права очутились въ видѣ приложенія къ 420 ст. X т. I ч. Но и здѣсь, несмотря на стремленіе къ дифференціаціи, сохранилась статья (21 прил.), по которой „напечатавшій книгу безъ соблюденія правилъ Цензурнаго Устава лишается всѣхъ правъ на оную". И здѣсь авторское право во многихъ отношеніяхъ подчинено было комитетамъ и инспекторамъ по дѣламъ печати (ст. 27 прил. къ 420 ст., по продолженію 1906 г.), наблюдавшимъ за исполненіемъ

---

[1]) Русскіе законы предоставляли привиллегіи исключительнаго издательства нѣкоторымъ юридическимъ лицамъ публичнаго характера, ученымъ корпораціямъ, академіи наукъ (изданіе календарей и вѣдомостей), и лишь въ 19-мъ вѣкѣ занялись обезпеченіемъ авторскихъ и издательскихъ правъ за частными лицами. Спасовичъ, Права авторскія и контрафакція, 1865 г., стр. 13.

предписаній объ авторскомъ правѣ. Въ отношеніи самого автора прежній законъ указывалъ, что авторъ можетъ пользоваться „во всю жизнь своимъ произведеніемъ, какъ имуществомъ благопріобрѣтеннымъ", но этимъ главнымъ образомъ отмѣчалось, что имущественная цѣнность авторскаго права не имѣетъ родового характера, при чемъ этой имущественной цѣнностью отнюдь не исчерпывалась въ законѣ вся сущность правъ автора. Законъ не отвергалъ и личныхъ правъ автора. Такъ, еще въ сводѣ законовъ 1857 г. заключались статьи, перенесенныя затѣмъ цѣликомъ въ Уставъ гражданскаго судопроизводства, объ ограниченіи взысканія „съ сочиненій, переводовъ и рукописей" (2193, 2195 и 2444 X т. 2 ч.). Въ Уставѣ гражд. суд. о произведеніяхъ искусства упоминается наряду съ иконами и ризами. Въ охраненіе личныхъ правъ автора, а не по инымъ какимъ-либо соображеніямъ, сокращалось право кредиторовъ продавать противъ воли автора его сочиненія и переводы. Основываясь на прежнихъ постановленіяхъ авторскаго права, Правительствующій Сенатъ еще сравнительно недавно (рѣш. гражн. № 110—1909 г.) разъяснилъ, что литературный трудъ, какъ бы онъ ни былъ скроменъ и малозначителенъ самъ по себѣ, не можетъ быть оцѣниваемъ всегда съ точки зрѣнія лишь одного барыша. „Трудъ этотъ, указываетъ Сенатъ, можетъ несомнѣнно имѣть значеніе для автора и внѣ той матеріальной выгоды, которую таковой приноситъ ему". При этомъ Сенатъ имѣетъ въ виду выгоды чисто индивидуальнаго характера, какъ добрая репутація автора и пр. Находила себѣ отраженіе въ прежнемъ законѣ и общественная сторона авторскаго права. Еще при жизни автора послѣдній долженъ былъ терпѣть выписки со стороны всѣхъ и каждаго изъ его произведеній въ

[1]) Уставъ гражд. суд. ст. 1041 и 1042.

опредѣленномъ размѣрѣ для ссылокъ (ст. 15), помѣщеніе его статей, отрывковъ или другихъ сочиненій, безъ его согласія, въ хрестоматіяхъ и учебныхъ книгахъ (ст. 14) и пр. и пр. Черезъ 50 лѣтъ послѣ смерти автора его произведеніе становилось общественнымъ достояніемъ (1185 ст. X. т. I ч., нынѣ отмѣненная въ виду ст. 11 Положенія). Цензурный уставъ предписывалъ, что съ истеченіемъ установленнаго срока со дня смерти сочинителя „его творенія, кому бы оныя дотолѣ ни принадлежали, становятся „собственностью публики и всякъ можетъ печатать, издавать и продавать оныя безпрепятственно“ (§ 137).

Положеніе 20 марта 1911 г. развило и углубило эти начала стараго закона и старой практики, стараясь придать имъ опредѣленное значеніе и смыслъ. Хотя въ основу реформы легли правила Проекта Гражданскаго Уложенія, въ достаточной мѣрѣ отставшаго въ данномъ вопросѣ отъ условій современности, но обсужденію подвергались не самыя эти правила, а построенный на нихъ Проектъ Министра Юстиціи. Проектъ Министра Юстиціи ставилъ себѣ цѣлью не только возможно болѣе оградить, по сравненію съ дѣйствовавшимъ законодательствомъ, нашихъ русскихъ авторовъ, но и подняться до уровня европейскаго законодательства и европейской практики въ этомъ вопросѣ вслѣдствіе предстоявшей необходимости для правительства въ близкомъ будущемъ вступить въ международныя соглашенія въ силу принятыхъ на себя государствомъ обязательствъ (въ торговыхъ договорахъ послѣдняго времени) [1]). Въ законодательныхъ учрежденіяхъ проектъ подвергся подробной критикѣ и былъ обработанъ съ точки зрѣнія новѣйшихъ принциповъ видными спеціалистами авторскаго права. Можно при этомъ замѣтить, что въ Проектѣ Министра Юстиціи (и въ Государственномъ Совѣтѣ) обращалось вниманіе на мо-

[1]) См. рѣчь Министра Юстиціи, въ Стеногр. Отч. Г. Д., стр. 1447.

ральныя свойства авторскаго права, на „сторону нравственную, тѣсно связанную съ личностью автора“, какъ говорилъ Министръ Юстиціи, — въ Государственной Думѣ оттѣнялось соціальное значеніе института, „общественное содержаніе продукта духовнаго творчества“, по прекрасному выраженію докладчика О. Я. Пергамента [1]).

Обратимся къ ближайшему разсмотрѣнію новаго закона и къ тому, какъ смотритъ законъ на сущность авторскаго права, его предметъ, субъекта и пр.

ГЛАВА IV.

Сущность авторскаго права по Положенію 20 марта 1911 г.; права автора и правомочія, ихъ отличительныя особенности; общественное право въ произведеніи искусства.

Новый законъ не опредѣляетъ, что такое авторское право, и въ этомъ, конечно, особой нужды нѣтъ. Даже съ точки зрѣнія теоретической трудно, почти невозможно, одной формулой охватить всѣ стороны вопроса. Съ точки зрѣнія практической всякая шаблонная формула, кромѣ того, могла бы оказаться часто вредной и напрасно стѣсняющей совѣсть судьи. Во всякомъ случаѣ, если бы необходимо было дать опредѣленіе авторскому праву, то въ составъ этого опредѣленія должно было бы войти: 1) господство лица надъ выраженными во внѣшней формѣ продуктами его индиви-

---

[1]) Впрочемъ, Министръ Юстиціи пытался даже перебросить мостъ между интересами авторовъ и интересами общества. „Когда мы говоримъ объ интересахъ автора, то въ сущности мы говоримъ объ интересахъ науки, литературы и искусства, и эти интересы, какъ свидѣтельствуетъ опытъ многообразнѣйшихъ законовъ объ авторскомъ правѣ, т. е. интересы культуры, широко понимая это выраженіе, лучше всего обезпечены при наиболѣе правильно ограждающемъ интересы авторовъ законѣ“. Ст. Отч. I. Д., стр. 1450.

дуальнаго духовнаго творчества, обнимаемыми понятіемъ произведенія искусства въ широкомъ смыслѣ слова (литературы, художества, музыки) и 2) извѣстная степень господства общества надъ произведеніемъ искусства своего сочлена.

Что касается специально господства автора, то оно заключается въ волевыхъ проявленіяхъ автора по отношенію къ тому, что составляетъ часть его личности, во власти творчески выражать свои мысли и чувства. Въ этомъ смыслѣ право автора имѣетъ аналогію съ такими правами, какъ право на честь или имя—jura personalissima. Догма русскаго гражданскаго права не выработала стройной системы личныхъ правъ. Наше гражданское право продолжаетъ питаться въ этомъ случаѣ, какъ и вся почти западная наука, традиціями римскаго права, которое знало только нѣсколько опредѣленныхъ личныхъ правъ, разсѣянныхъ по обширному морю правъ и правомочій экономическаго свойства. Несомнѣнно, однако, что старый взглядъ на гражданское право, какъ на средоточіе имущественныхъ отношеній, съ развитіемъ представленія о личности и ея правахъ, подвергается значительнымъ измѣненіямъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняется понятіе гражданскаго права, охватывающее нынѣ не только отношенія къ вещи и къ имуществу, но и къ собственной индивидуальности. Слабое развитіе у насъ ученія о личныхъ правахъ вобще не помѣшало, однако, новому закону выдвинуть специфическія личныя правомочія автора и удѣлить имъ соотвѣтствующее мѣсто, признать и охранить печать личности автора (vinculum spirituale) на идеяхъ, образахъ и мысляхъ, выраженныхъ въ данной формѣ. Законъ не только не допускаетъ мысли о разъединеніи произвенеція или отдѣльныхъ его частей съ авторомъ, о присвоеніи произведенія кѣмъ-либо другимъ по какому бы то ни было основанію, но даже и тогда, когда самимъ закономъ дозволяется использованіе произве-

денія для извѣстныхъ цѣлей, требуется указаніе источника позаимствованія, такъ что внѣшнимъ образомъ vinculum spirituale законъ старается сохранить и въ этомъ случаѣ. Законъ признаетъ взаимоотношеніе между тѣмъ или инымъ внутреннимъ состояніемъ автора съ одной стороны и его произведеніямъ съ другой. Автору дается возможность хранить продукты своего духовнаго творчества на уровнѣ своей индивидуальности и своей личности. Исходя именно изъ этихъ ссображеній, даже при отчужденіи авторомъ отдѣльныхъ правомочій (издательскій договоръ), законъ возлагаетъ на контрагента-издателя цѣлый рядъ обязанностей относительно времени, мѣста и способа пользованія произведеніемъ [1]). При этомъ право автора доходитъ до возможности полнаго отказа отъ договора, если обнаружатся уважительныя основанія, вынуждающія автора отказаться отъ опубликованія своего произведенія (ст. 68, ч. 2). Такимъ образомъ, автору стоитъ лишь, при нѣкоторыхъ условіяхъ, доказать, что его взгляды существенно измѣнились сравнительно съ тѣмъ, какъ они изложены въ произведеніи, что сообщеніе его мыслей другимъ стало для него ненужнымъ или безполезнымъ, и онъ вправѣ изъять свое произведеніе изъ внѣшняго міра, въ чьемъ бы пользованіи оно ни находилось: никто и ничто не могутъ вынудить его дѣлиться мыслями съ обществомъ противъ своего желанія...

Всѣ эти и цѣлый рядъ другихъ подобныхъ же постановленій закона, отдѣльныхъ и поневолѣ казуистичныхъ, при обобщеніи, даютъ въ синтезѣ яркій образъ индивидуальнаго права автора: такой синтезъ вполнѣ соотвѣтствующій смыслу и цѣли новаго закона, въ состояніи дать твердую опору при шествіи черезъ лабиринтъ споровъ и контраверзъ, возникающихъ при примѣненіи нормъ авторскаго права на практикѣ.

---

[1]) Ст. 67, 68 70, и др.

Приведенныя положительныя указанія закона на личныя свойства авторскаго права находятся не въ противорѣчіи, а въ гармоніи съ тѣми конкретными правомочіями автора, которыя Положеніе объ авторскомъ правѣ, какъ актъ, преслѣдующій жизненныя цѣли, счелъ нужнымъ оттѣнить и выговорить для автора. И здѣсь мы нигдѣ не найдемъ подтвержденія, что законъ занятъ исключительно заботой о матеріальныхъ выгодахъ-правахъ автора. Опредѣляя авторскія правомочія, законъ подобнаго ограниченія не вводитъ и сущность этихъ правомочій съ денежной эксплоатацией не отождествляетъ. Извѣстно, что въ прежнее время существовало убѣжденіе, что нѣкоторыя звѣзды обращены къ нашей планетѣ одной только свѣтящейся стороной, другая или другія стороны—пребываютъ въ вѣчномъ systemakѣ. Ученымъ нетрудно было отдѣлаться нынѣ отъ этого мнѣнія, какъ отъ предразсудка, недостойнаго науки. Столь же сознательно составители закона объ авторскомъ правѣ, слѣдуя за западной наукой права, отвергли предразсудокъ, будто право автора имѣетъ значеніе для насъ только той своей частью, которая обращена къ экономическому обороту.

Въ чемъ заключаются конкретныя правомочія автора съ точки зрѣнія дѣйствительнаго смысла закона?

Законъ указываетъ, прежде всего (ст. 2), что автору принадлежитъ исключительное право всѣми возможными способами воспроизводить, опубликовывать и распространять свое произведеніе [1].

Право „воспроизведенія“, впервые опредѣленно выговоренное у насъ Положеніемъ въ интересахъ расширенія и укрѣпленія сферы личнаго господства автора, имѣетъ

[1]) Германскій законъ объ авторскомъ правѣ 1901 г. (§ 11) предоставляетъ автору die ausschliessliche Befugniss das Werk zu vervie-

самостоя тельное значеше въ законѣ, который не требуетъ, чтобы воспроизведеніе имѣло непремѣнно имущественныя цѣли. Еели самое воспроизведеніе есть спеціальное право автора то присвоеніе себѣ этого права другимъ лицомъ представляетъ собой нарушеніе, независимо отъ того, что имѣлъ въ виду нарушитель и причинилъ ли онъ денежный ущербъ автору или нѣтъ. Существенно только, чтобы это не было воспроизведеніе для собственнаго пользованія (что резумѣть подъ послѣднимъ, на этомъ останавливаться здѣсь не буду) [1]).

Такъ же, какъ и воспроизведеніе,—раенространеніе и публикованіе не предполагаютъ непремѣнно денежныхъ выгодъ. Автору предоставляется рѣшать и опредѣлять не только то, проявлять ли на свѣтъ Божій продуктъ своего духовнаго творчества, но и то, слѣдуетъ ли произведеніе пустить въ оборотъ и въ какихъ кругахъ близкихъ, интимныхъ или далекихъ, а также и то, оубликовать ли это произведеніе, т. е. сообщать ли всѣмъ и каждому свои мысли, образы и идеи, выраженныя во внѣшней формѣ.

---

lfältigen und geverbmässig zu verbreiten. Прежнія законодательства давали автору исключительное право на напечатаніе и распространеніо въ продажѣ. Французскій законъ 1793 г. говорить объ исключительномъ правѣ авторовъ de vendre, faire vendre et distribuer leur ouvrages. Въ X т. I ч. Св. Зак. Гражд. упоминалось объ „изданіи и продажѣ“, „печатанія и продажѣ“ литературныхъ и музыкальныхъ сочиненій (прил. къ 420 ст., ст. 1, 11, 41), „повтореніи, изданіи и размноженіи“ художественныхъ произведеній (ст. 28). Проектъ гражданскаго уложенія трактовалъ объ исключительномъ правѣ печатать и вообще размножать его (произведеніе) всѣми возможными способами. См. ст. 1265 изд. 1905 г. Новый Англійскій законъ (The Copyright, 1911) положительно указываетъ, что въ составъ авторскаго права входитъ воспроизведеніе — the sole right to produce or repreduce the work or any substantial part thereof in any material form whathoever and in any language.

[1]) Сказанное даетъ отвѣтъ на вопросъ, столь часто возникаюкающій въ нашей практикѣ и получающій разнообразное разрѣшеніе въ отдѣльныхъ случаяхъ, о правѣ издателей воспроизводить сочиненіе въ цѣляхъ запаса въ виду предстоящаго истече-

Въ частности, въ отношеніи литературнаго произведенія Положеніе даетъ автору исключительное право на публичное изложеніе непоявившагося въ свѣтъ произведенія или опубликованіе его содержанія, объявляя незаконными такого рода изложеніе и опубликованіе со стороны посторонняго лица безъ разрѣшенія автора (ст. 27). Поэтому появленіе въ печати содержанія не изданнаго въ свѣтъ литературнаго произведенія, едѣлавшееся столь обычнымъ въ послѣднее время по отношенію къ предметамъ вдохновенія крупныхъ писателей, не будетъ допустимо, развѣ самъ авторъ дастъ на то свое согласіе. Какъ видно изъ проекта Министра Юстиціи, правило это должно составлять лишь дальнѣйшее развитіе общаго начала, въ силу котораго всякое произведеніе автора подлежитъ охранѣ закона, и притомъ съ самаго момента его возникновенія, а отнюдь не со времени лишь его изданія и согласно которому авторъ имѣетъ исключительное право опубликовать свое произведеніе [1]). Составляя развитіе понятія автор-

---

нія срока авторскаго права. Пока авторское право не прекратилось въ лицѣ автора (и его наслѣдниковъ), изготовленіе „запасовъ" является нарушеніемъ личныхъ авторскихъ правъ и потому недопустимо. Иначе формулировалъ свой взглядъ на „заготовленіе" при контрафакціи В. Д. Спасовичъ, подходящій къ вопросу съ точки зрѣнія „убытковъ". „Существенный ущербъ матеріальнымъ интересамъ автора причиняетъ не само заготовленіе контрафактныхъ экземпляровъ но распространеніе ихъ въ публикѣ, даровое или коммерческое, открытое... или секретное" (Права авторскія и контрафакція, 1865 г. стр. 72). Что законодательства воспрещаютъ, однако, самое заготовленіе, В. Д. Спасовичъ объясняетъ не тѣмъ, что оно спеціальный деликтъ, самостоятельное нарушеніе, а тѣмъ, что „въ преступленіи контрафакціи приготовленіе требуетъ много сложныхъ операцій и обнаруживаетъ почти несомнѣннымъ образомъ преступные замыслы виновника (ibid)". Такимъ образомъ выходитъ, что контрафакція относится къ преступленіямъ, въ которыхъ наказуемо „приготовленіе". Съ такой постановкой вопроса едва ли можно согласиться.

[1]) Проектъ Мин. Юстиціи, объясненіе подъ ст. 25 проекта.

скаго права, какъ опредѣленной совокупности индивидуальныхъ правомочій, изложенное правило вноситъ новый принципъ, незнакомый прежнему праву, предоставлявшему свободу каждому опубликовывать содержаніе непоявившагося въ свѣтъ произведенія. Отъ этой свободы нерѣдко существенно страдали интересы автора, не только имущественные, но и личные: опубликовывая неизданное произведеніе, распространитель часто искажалъ его, убивалъ интересъ къ самому произведенію, дѣлая его въ иныхъ случаяхъ даже совершенно излишнимъ. Несомнѣнно и то, что при воздержаніи отъ публикованія своего произведенія авторъ можетъ руководствоваться всего чаще преждевременностью публикованія, недостаточной зрѣлостью произведенія и другими соображеніями глубоко интимнаго свойства.

Особый характеръ ст. 27 даетъ основаніе думать, что въ ней идетъ рѣчь только о правѣ „перваго публикованія" и, что если авторъ самъ или съ его разрѣшенія кто-либо иной опубликовалъ содержаніе произведенія или хотя бы его существенной части, то этимъ каждый уполномачивается на дальнѣйшее опубликованіе (ср. ст. П Герм. Зак. 1901 г.).

Подъ «непоявившимся въ свѣтъ произведеніемъ» слѣдуетъ разумѣть не только такое, которое существуетъ въ манускриптѣ, но и такое, которое носится только въ душѣ автора. Такъ, сюда подходитъ сообщеніе содержанія стихотворенія или даже цѣлой поэмы, не переданныхъ еще авторомъ на бумагу, сообщеніе содержанія предполагаемой драмы, научной теоріи. Тутъ кстати замѣтить, что новый законъ пріурочиваетъ возникновеніе авторскаго права не ко времени изданія произведенія и даже не ко времени воплощенія его во внѣшней формѣ, а къ гораздо болѣе раннему моменту, теряющемуся въ психикѣ автора... Въ этомъ отношеніи на практикѣ при примѣненіи закона возможны, конечно, большіе споры и серьезныя трудности, но устанавливать здѣсь границы и мѣры можетъ только судъ въ каждомъ отдѣльномъ дѣлѣ.

Развитіемъ понятія объ авторскомъ правѣ на литературное произведеніе является также исключительное право публичнаго исполненія драматическаго произведенія (ст. 47). Законъ не опредѣляетъ, что такое исполненіе публичное, предоставляя этотъ вопросъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенію суда въ виду невозможности дать опредѣленіе понятію въ самомъ законѣ [1]). Несомнѣнно однако, что публичное противопоставляется здѣсь частному, кружковому, и предполагаетъ возможность присутствованія всякаго желающаго. Тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ исполненіемъ въ тѣсномъ кругу заранѣе опредѣленныхъ лицъ, исключительному праву автора нѣтъ мѣста; у порога семьи, частнаго кружка право автора прекращается. Но исполненіе произведенія передъ публикой, все равно за плату или безъ платы, существеннымъ образомъ затрагиваетъ права автора, далеко не исчерпывающіяся матеріальными интересами. Поэтому только тѣ, кому авторъ далъ разрѣшеніе на исполненіе его произведенія, управомочены публично его разыгрывать, безотносительно къ тому, ставятъ ли они пьесу съ цѣлью барыша, художественной или благотворительной, лишь бы налицо была возможность широкаго оглашенія [2]).

Такое же широкое оглашеніе произойдетъ и при публичномъ чтеніи какъ драматическаго, такъ и не—драматическаго произведенія. Защищая автора литературнаго произведенія отъ оглашенія его литературнаго произведенія путемъ представленія на сценѣ, законъ, однако, ничего не говоритъ о правѣ публичнаго чтенія. Между тѣмъ право публичнаго чтенія играетъ роль въ кругу авторскихъ правъ. (Литературныя произведенія могутъ состоять изъ драматическихъ сценъ и декламаціи вспом-

[1]) См. Проектъ Министра Юстиціи, стр. 67.

[2]) См. проектъ Редакціонной Коммиссіи по составленію гражд. улож., кн. 3, т. 3, изд. 1902 г., объясненія подъ ст. 559.

нимъ „Братьевъ Карамазовыхъ“ въ постановкѣ Московскаго Художественнаго Театра). Въ Германіи высказываются противъ авторскаго права на публичное чтеніе произведенія, не усматривая въ публичномъ чтеніи элемента распространенія (Daude, die Reichsgesetze über das Urheberecht an Werken der Liteturarund der Tonkunst, 1910, S. 33, Wachter, cit 16, Allfeld, Kommentar etc, S. 118). Въ англійской литературѣ высказывается противоположный взглядъ. Новый законъ 1911 г. считаетъ нарушеніемъ авторскаго права the reading or citation in public by on person af reasonable extract from any published work (2, VI). Если принять во вниманіе, что Положеніе объ авторскомъ правѣ 20 марта 1911 г. говоритъ о „воспроизведеніи, опубликованіи и распространеніи“ въ общемъ смыслѣ, не давая исчерпывающаго перечня правомочіямъ автора и видамъ его господства надъ своимъ твореніемъ, что публичное чтеніе довольно серьезно затрагиваетъ литературную честь и репутацію автора, заинтересованнаго въ томъ, чтобы его произведеніе читалось въ надлежащее время, въ надлежащемъ мѣстѣ и надлежащими лицами, что поэтому публичное чтеніе сочиненія безъ согласія автора есть, несомнѣнно, помимо всего прочаго, посягательство на его личныя права, придется признать, что смыслу нашего закона болѣе соотвѣствуетъ предоставленіе только автору разрѣшать прочтеніе его произведенія передъ публикой, все равно въ лицахъ или путемъ простой декламаціи.

Затрудненія, связанныя съ полученіемъ каждый разъ разрѣшенія автора на публичное чтеніе его произведенія, не могутъ имѣть рѣшающаго значенія, такъ какъ эти затрудненія касаются практическаго примѣненія закона. Къ тому же затрудненія устранимы практическими мѣрами. На затрудненія указывалось при обсужденіи закона въ Государственномъ Совѣтѣ и по отношенію къ разрѣшеніямъ на постановку драматическихъ произведеній, однако эти указанія ни въ чемъ не повліяли на изданіе правила объ исполненіи драматическихъ произведеній (см. стеногр. отчеты Гос. Совѣта, сессія VI, засѣд. 6, стр. 246 и слѣд.) Не всякій авторъ склоненъ создавать ограниченія въ публичномъ чтеніи его произведенія, но законъ поступаетъ послѣдовательно и справедливо, предоставляя автору въ этомъ случаѣ право воспрещенія. Авторъ можетъ воспользоваться этимъ правомъ или отка-

затъся отъ него (въ послѣднемъ случаѣ даже путемъ особой помѣтки на своихъ произведеніяхъ).

Что касается музыки, то исключительное право на исполненіе музыкальнаго произведенія обусловлено помѣщеніемъ на каждомъ эклемплярѣ указанія, что композиторъ оставилъ за собою это право. При наличности такой оговорки публичное исполненіе даже незначительнаго романса будетъ считаться нарушеніемъ правъ композитора. Публичное исполненіе музыкально-драматическихъ произведеній, то есть такихъ, которыя предназначены для сцены, заключая въ себѣ текстъ и музыку, вмѣстѣ слитыя, составляетъ безусловное право автора, независимо отъ оговорокъ на экземплярахъ (ст. 47). Такая разница между правами на музыкальныя и музыкально-драматическія произведенія объясняется не какимъ-либо особымъ различіемъ въ самомъ существѣ этихъ правъ. Въ проектѣ Министра Юстиціи по поводу „особаго положенія музыкальныхъ произведеній въ отношеніи публичнаго ихъ исполненія“ указывалось, что „хотя нельзя отрицать возможности для композитора получать вознагражденіе за публичное исполненіе этихъ произведеній, но этотъ источникъ дохода не имѣетъ для него того первенствующаго значенія, какъ въ произведеніяхъ драматическихъ и музыкально-драматическихъ. Кромѣ того композиторъ этихъ произведеній даже не всегда заинтересованъ въ запрещеніи самовольнаго ихъ исполненія, такъ какъ оно, нерѣдко, способствуетъ успѣху продажи отдѣльныхъ экземпляровъ“ [1]). На самомъ дѣлѣ, однако, причины указаннаго разграниченія надо искатъ въ условіяхъ историческаго характера, благодаря которымъ музыкальныя произведенія съ большимъ трудомъ завоевывали себѣ право на юридическую защиту. Въ то время, какъ авторъ литературнаго произведенія получилъ уже

---

[1]) Проектъ Министра Юстиціи, стр. 69.

отъ закона санкцію на охрану всестороннихъ его интересовъ, композиторъ едва-едва признавался субъектомъ авторскихъ правъ, о которомъ законъ мало заботился въ виду небольшого значенія для общества музыки въ прежнее время. Скупость законодательной охраны сказалась въ томъ, что признавалось возможнымъ предоставить композитору исключительное право только на музыкальныя пьесы, какъ оперы и ораторіи, другія же музыкальныя произведенія были свободны отъ запрещеній, не взирая на личный прежде всего ущербъ, причиняемый этимъ композитору. Последнему давалось лишь право особо устанавливать запрещеніе. Такъ обстояло дѣло по X т. I ч. (прим. 2 къ ст. 420). Въ такомъ видѣ правило удержано и въ новомъ законѣ, еще не рѣшившемся раздвинуть авторское право композитора до надлежащихъ его предѣловъ [1]).

Воспроизведеніе, распространеніе и т. д. относятся къ категоріи внѣшнихъ дѣйствій надъ продуктами духовнаго творчества. Автору законъ представляетъ не

---

[1]) С. Юферовъ (Матеріалы по вопросу о выработкѣ новаго положенія объ авторскомъ музыкальномъ правѣ, 1896 г.), указывая, что право композитора не исчерпывается лишь воспроизведеніемъ своего произведенія посредствомъ печатныхъ оттисковъ, писалъ: „Однако въ то время, когда законодательства государствъ Европы признаютъ это право во всѣхъ его подробностяхъ, у насъ, даже въ сознаніи нашего общества, нашихъ дѣятелей—существуетъ по этому поводу самое сбивчивое мнѣніе. Такъ, напр., право композитора на печатаніе, на издательство своего произведенія признается безусловно законнымъ. Право на запрещеніе исполненія „крупныхъ музыкальныхъ произведеній" (оперъ, ораторій и пр.) также считается законнымъ, а рядомъ съ этимъ то же право по отношенію къ произведеніямъ не менѣе крупнымъ (симфоніямъ или сюитамъ) считается не имѣющимъ законнаго основанія (стр. 20). Самъ г. Юферовъ находилъ желательнымъ, чтобы композитору принадлежало исключительное право воспроизводить всякое свое музыкальное произведеніе путемъ публичнаго исполненія и чтобы „отношеніе къ композитору законодателя вытекало изъ взгляда, наиболѣе просвѣщеннаго и современнаго" (стр. 15 и 21),

только эти внѣшнія дѣйствія, но также исключительное и полное господство надъ тѣмъ, что составляетъ внутреннюю сущность произведенія, его содержаніе. Автору и только автору принадлежитъ право измѣненія, приспособленія. Всякаго рода чужіе акты въ этомъ смыслѣ являются нарушеніемъ авторскаго права, безразлично, улучшаютъ ли они или ухудшаютъ произведеніе, какъ предметъ имущественнаго оборота или въ другомъ отношеніи. До тѣхъ поръ, пока продолжается индивидуальная связь автора съ его произведеніемъ, пока измѣненное произведеніе носитъ въ себѣ отпечатокъ его духовной личности, мы имѣемъ дѣло со сферой авторскаго господства, не допускающаго посторонняго вмѣшательства; только тогда, когда въ преобразованномъ произведеніи теряется всякій слѣдъ личности прежняго автора, на сцену является хотя и позаимствованное, но въ то же время совершенно самостоятельное произведеніе искусства. Такая мысль закона, не будучи выражена въ общей формѣ, вытекаетъ изъ отдѣльныхъ частныхъ постановленій. Такъ, по 20 ст. Положенія, даже лицо, которому, какъ выражается законъ, «вполнѣ или въ части уступлено авторское право на произведеніе», не вправѣ безъ согласія автора или его наслѣдниковъ издавать или публично исполнять это произведеніе съ дополненіями, сокращеніями и вообще съ измѣненіями. Исключаются закономъ только такія вызываемыя явной необходимостью измѣненія, въ согласіи на которыя авторъ не могъ бы по доброй волѣ отказать (та же статья) и которыя стало быть личности автора и его творческаго созданія нисколько не затрагиваютъ. [1]) Автору законъ предоставляетъ исключительное право драматизаціи повѣствовательнаго произведенія и перевода драмы на повѣсть, что вытекаетъ

---

[1]) Къ послѣднимъ относятся неизбѣжныя измѣненія въ орѳографіи, построеніи словъ, исключеніе ненужныхъ, оскорбитель-

изъ 31 ст., по которой передѣлка повѣствовательнаго произведенія въ драматическую форму или драматическаго произведенія въ повѣствовательную форму безъ согласія автора (или его наслѣдниковъ) не допускается. Согласно 33 ст. Положенія авторъ пользуется исключительнымъ правомъ на переводъ, хотя, впрочемъ, это право поставлено въ зависимость отъ оговорки на заглавномъ листѣ или въ предисловіи сочиненія о сохраненіи за авторомъ права перевода. [1]) Въ отношеніи произведеній художества законъ считаетъ наруше-

---

ныхъ или безнравственныхъ выраженій, насколько, однако, этимъ производятся лишь внѣшнія исправленія и не посягается ни на мысля, ни на стиль автора. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ многое зависитъ не только отъ закона, но и отъ литературныхъ и издательскихъ обычаевъ, добрыхъ нравовъ и справедливости. Въ то время, какъ въ беллетристическомъ произведеніи допускаются исправленія въ чрезвычайно ограниченныхъ предѣлахъ, въ публистическихъ статьяхъ, отдаваемыхъ для журналовъ и особенно газетъ, право редактора на измѣненія бываетъ довольно широкое, хотя и здѣсь существуютъ предѣлы. Въ недавнемъ процессѣ противъ редактора одной Берлинской газеты, сократившаго доставленный ему судебный отчетъ съ 35 строкъ до 12, дѣйствія редактора были признаны на судѣ неправомѣрными и вредоносными. Недозволеннымъ измъяеніемъ Германсніе суды считаютъ всякія произвольныя сокращенія въ имени автора, равно какъ и полное опущеніе имени въ подписанной статьѣ. Fritz Hansen, Das Urheber-Verlags-Pressrecht für das gesamte Druckgewerbe, 1911, S. 44.

[1]) Кромѣ того авторъ долженъ напечатать переводъ въ теченіи пяти лѣтъ, а самое право на переводъ ограничено десятилѣтнимъ срокомъ.

Право перевода слѣдуетъ отличать отъ права на переводъ. Лицо, которое получило отъ автора разрѣшеніе на переводъ или перевело произведеніе, сдѣлавшееся общественнымъ достояніемъ, имѣетъ, конечно, на переводъ самостоятельное авторское право. Такое право вытекаетъ изъ общаго смысла авторскаго права и изъ ст. 36, по которой переводчикъ пользуется авторскимъ правомъ на свой переводъ. Въ этомъ отношеніи замѣчаніе, сдѣланное въ книжкѣ „Авторское право—докладъ Ком. СПБ. Лит. О-ва по пово-

ніемъ авторскаго права повтореніе, размноженіе или изданіе произведенія, въ цѣломъ или въ части, всякимъ способомъ, относящимся къ тому же роду искусства (ст. 55, п. 1) и не признаетъ нарушеніемъ изображеніе произведенія живописи средствами ваянія, а произведеній ваянія средствами живописи (ст. 56, п. 1). Вмѣсто подробнаго перечисленія способовъ воспроизведенія законъ даетъ суду общія директивы по соображенію различныхъ родовъ художественнаго искусства, а именно живописи, въ которой предметы представляются на поверхности, ваянія, сохраняющаго осязаемыя формы предмета, и зодчества (архитектуры). При передачѣ идей и образовъ изъ одного рода художества въ другой, даже когда заимствуются не только мысль, но и подробности ея развитія, по мнѣнію законодателя, имѣется налицо существенная переработка чужого художественнаго произведенія, дающая право признать переработанное произведеніе продуктомъ духовнаго творчества новаго автора. [1]) Но такъ какъ живопись и ваяніе допускаютъ различныя отрасли, то законъ и счелъ нужнымъ пояснить, что сохраненіе индивидуаль-

---

ду проекта закона объ авторскомъ правѣ", стр. 15 и слѣд.—о самостоятельности труда переводчика, оригинальномъ его вдохновеніи и т. д., имѣетъ полное значеніе. Но для автора оригинала, право котораго включаетъ, какъ составную часть, право перевода, чужой переводъ, сдѣланный безъ его разрѣшенія, всегда является посягательствомъ, сколь бы хорошо переводъ ни былъ выполненъ и сколь бы въ немъ ни заключалось „отпечатковъ индивидуальности переводчика". Съ точки зрѣнія юридической нѣтъ разницы между хорошими и плохими переводами, а что плохой переводъ затрагиваетъ личные интересы и литературную репутацію автора, кто спорить станетъ? Слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь разумѣется переводъ съ языка одного народа на языкъ другого внутри государства; что же касается вопроса о переводѣ произведеній авторовъ иностранныхъ государствъ, то онъ относится къ области международныхъ отношеній и выходитъ за предѣлы настоящаго очерка.

[1]) Ср. Проектъ Граж. Улож., кн. 3, т. 3, 1902, стр. 446.

ныхъ чертъ мыслей и образовъ произведенія одной отрасли въ произведеніи другой есть только измѣненное воспроизведеніе перваго, право на которое принадлежитъ одному автору оригинала. Наконецъ, законъ санкціонируетъ также исключительное право композитора музыкальнаго произведенія на составленіе и изданіе сокращеній, извлеченій и попурри, на переложеніе произведенія на одинъ или нѣсколько голосовъ, на другіе тона, отдѣльные инструменты или цѣлый оркестръ, переинструментовку и переводъ на всякаго рода механическія ноты. (ст. 42). Насколько въ музыкальной варіаціи сохраняется прежняя мелодія, отражающая въ себѣ музыкальныя идеи и мысли оригинала, необходимо считаться съ правомъ автора оригинала (droit de la melodie). Здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ литературныхъ и художественныхъ произведеніяхъ, право автора исключаетъ всякое свободное обращеніе съ музыкальнымъ произведеніемъ со стороны другихъ. Справедливо указывали представители музыкальнаго міра, что право композитора на измѣненія и т. д. должно быть совершенно безусловно, что «не могутъ, не должны быть допускаемы безъ ущерба для композитора никакія заимствованія, безъ его разрѣшенія, потому что въ музыкѣ небольшая, но геніальная, мысль (мелодія) составляетъ иногда весь центръ или существенную часть даже крупнѣйшаго произведенія (мелодія въ оперѣ Риголетто — квартета, чудесная мелодія квинтета Моцарта,—съ кларнетомъ и Andante—главная мелодія въ Andante перваго струннаго квартета Чайковскаго и др. [1]) Въ проектѣ Коммиссіи Государственнаго Совѣта содержалось указаніе объ «исключительномъ правѣ композитора на созданныя имъ мелодіи». Опущено было это замѣчаніе въ законѣ потому, что оно признано было мало опредѣленнымъ и способнымъ создать на прак-

[1]) См. Брошюру В. Вессель. По поводу проекта статей по авторскому праву, 1900, стр. 10

тикѣ затрудненія. Принято было во вниманіе, что законъ допускаетъ изданіе, безъ разрѣшенія автора, варіацій, транскрипцій, фантазій и т. д., т. е. именно пользованіе чужими мелодіями, при томъ условіи, если всѣ эти сочиненія настолько уклоняются отъ оригинала, что должны быть разсматриваемы какъ новыя и самостоятельныя музыкальныя произведенія (Проекта ст. 41, закона ст.—43). Итакъ: разъ мелодія настолько переработана, что связь музыкальной мысли, выраженной въ извѣстной формѣ, съ индивидуальностью композитора порвана, интересъ композитора по отношенію къ этому произведенію стушевывается, не затрагиваются его права, ни имущественныя, ни личныя. При сохраненіи мелодіи въ существенной части всякаго рода сокращенія, извлеченія и пр., какія бы до сихъ ни существовали въ музыкальномъ мірѣ обычаи по этому поводу, составляютъ предметъ исключительнаго правомочія композитора и, стало быть, даютъ ему законное основаніе на судебный искъ въ случаѣ самовольнаго совершенія этихъ дѣйствій кѣмъ-либо. [1])

Такой же искъ дается композитору и противъ всѣхъ тѣхъ, которые переложатъ безъ его разрѣшенія музыкальное произведеніе на диски, пластинки, цилиндры,

---

[1]) „Дурной составъ исполнителей главныхъ партій, оркестра или хора, неудовлетворительная срепетовка, невозможно плохой, т. е. ошибочный нотный матеріалъ (домашняя оркестровка), нелѣпыя сокращенія, произвольныя передѣлки, недопустимыя транспонировки, плохой дирижеръ, берущій невѣрные темпы и т. п.—все это можетъ совершенно искажать музыкальные замыслы композитора и уронить достоинства его произведенія. Особенно часто встрѣчаются подобныя обстоятельства въ такъ называемыхъ народныхъ спектакляхъ. Въ Москвѣ,—на Дѣвичьемъ полѣ, въ бывшемъ театрѣ „Скоморохъ“ ставили въ невѣроятно и своеобразно упрощенномъ видѣ „по домашнему“ нѣкоторыя изъ лучшихъ оперныхъ произведеній русскихъ композиторовъ: Русалку — Доргомыжскаго, Снѣгурочку — Римскаго-Корсакова и др.“ (Цит. брошюра г. Бесселя, стр. 15).

для механическаго исполненія музыкальнаго произведенія.

Переложеніе на механическіе инструменты есть нѣчто среднее между тѣмъ, что было выше названо внѣшнимъ дѣйствіемъ надъ произведеніемъ искусства, и воздѣйствіемъ на внутреннюю сторону продуктовъ духовнаго творчества: въ такомъ переложеніи заключается не только «воспроизведеніе», но и въ нѣкоторомъ смыслѣ «приспособленіе». Прежній законъ не упоминалъ о переложеніи на механическіе инструменты и подобное переложеніе, до изданія Положенія объ авторскомъ правѣ, едва ли могло считаться нарушеніемъ авторскихъ правъ. Ст. 42 и 43 прил. къ ст. 420 X т. I ч. воспрещали, такъ сказать, духовныя операціи съ музыкальными произведеніями,—изданіе въ нотахъ, въ переложеніяхъ на живые инструменты, публичное исполненіе въ театрѣ или концертѣ и т. п. Съ развитіемъ и распространеніемъ механическихъ инструментовъ поставленъ былъ на Западѣ, а затѣмъ и у насъ вопросъ объ охранѣ произведеній искусства отъ самовольнаго «механическаго» воздѣйствія на нихъ: правомочія автора были пополнены исключительнымъ правомъ на переложеніе произведенія на всякаго рода механическія ноты (ст. 42). Хотя 42 ст. говоритъ о музыкальныхъ произведеніяхъ, но несомнѣнно, что и литераторъ пользуется исключительнымъ правомъ переложенія своихъ сочиненій (разсказовъ, куплетовъ) на граммофоны и фонографы, и только въ виду частыхъ случаевъ переложенія на механическіе иструменты именно музыкальныхъ композицій законъ лишь о нихъ и упоминаетъ [1]).

[1]) Изъ иностранныхъ законодательствъ Германскій законъ, въ новѣйшей редакціи (Новелла 22 мая 1910 г.), относитъ къ авторскимъ правомочіямъ die Uebertragung des Werkes auf Vorrichtungen für Instrumente, die der mechanischen Wiedergabe für das Gehör dienen insbesondere auf auswechselbare Scheiben, Platten, Walzen, Bänder und sonstige Zubehörstücke solcher Instrumente (§ 12, № 5). —Анг-

Въ отношеніи самихъ механическихъ инструментовъ, нѣтъ надобности дѣлать разницу между граммофонами фонографами, піанолами съ одной стороны и простыми шарманками съ другой. Если принять во вниманіе тотъ нравственный вредъ, который часто связанъ для композитора съ машинальнымъ исполненіемъ его произведенія, нерѣдко совершенно чуждымъ и даже противнымъ замыслу автора, то станетъ понятнымъ, что вопросъ о томъ, обладаетъ ли инструментъ перемѣнными пластинками (граммофонъ) или спеціально приспособленными для инструмента валиками, не имѣетъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, [1]) рѣшительно никакого значенія. Законъ такого разграниченія не дѣлаетъ, а для автора безразлично, какъ именно коверкаютъ его произведеніе, на сипломъ ли граммофонѣ или уличной шарманкѣ. Не играетъ рѣшающей роли то обстоятельство, что исключительное право композитора перелагать произведенія на механическіе инструменты обязано своимъ происхожденіемъ изобрѣтенію инструментовъ съ подвижными пластинками, дающихъ возможность исполнять неопредѣленное лишь число, а сколько угодно произведеній на одномъ инструментѣ. По мысли и буквѣ нынѣшняго закона должна считаться запрещенной всякая самовольная механическая передача звуковъ, неза-

---

лійскій законъ, 1911 г. предоставляетъ автору въ 1-ой же секціи исключительное право „in the case af a literaty, dramatic or musical work to make any record perforated roll... by means af wich the work may be mechanically performed or delivered. До введенія въ дѣйствіе этого закона переложеніе на механическіе инструменты—свободное право каждаго. Постановленіе о механическомъ переложеніи явилось необходимымъ въ Англіи въ настоящее время именно въ виду признанія въ прежнихъ судебныхъ рѣшеніяхъ. что „валикъ" механическихъ инструментовъ нельзя приравнивать къ нотному листу вслѣдствіе основнаго различія между тѣмъ и другимъ. См. Oldfield, The Law af Copyright, 1912, p. 42.

[1]) См. Шендорфъ, Новое авторское право, „Право", 1911 г., стр. 1628.

висимо отъ характера инструмента, издающаго эти звуки. Конечно, не каждый композиторъ сочтетъ нужнымъ защищать свои права въ отношеніи «шарманки», хотя можно привести случаи сильнѣйшаго протеста и противъ шарманки со стороны выдающихся композиторовъ (въ Италіи). Быть можетъ, найдутся композиторы, которые въ исполненіи шарманки увидятъ популяризацію передъ народомъ ихъ твореній и даже «народную пользу» отъ такой музыкальной популяризаціи. Но право должно оставаться правомъ для тѣхъ, кто пожелаетъ имъ воспользоваться, должно сохранять свое принципіальное значеніе независимо отъ условій его осуществленія въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Законъ создалъ для автора значительное ограниченіе, заимствованное изъ Германіи и заключающееся въ томъ что если композиторъ (авторъ) лично или съ его разрѣшенія другое лицо воспользовались правомъ переложенія на механическіе инструменты для продажи, то предоставляется всякому другому торговцу требовать отъ композитора принудительно уступки права такого же переложенія за вознагражденіе, опредѣляемое судомъ (ст. 42, ч. 2). Постановленіе это, предложенное Германіей на Берлинской Конференціи при пересмотрѣ Бернской конвенціи, но не принятое конференціей, а затѣмъ вошедшее въ 22 ст. Германскаго Закона и въ наше Положеніе, должно способствовать развитію индустріи механическихъ инструментовъ, интересы которой въ данномъ случаѣ сочли нужнымъ поставить выше личныхъ правъ и интересовъ авторовъ и композиторовъ (см. Allfeld, Der Entwurf eines Gesetzes zur Ausfuhrung der revidierten Berner Uebereinkunft, Deutsche Juristen—Zeitung, 1910, S. 275. Спеціальная цѣль закона (лиценція дается только владѣльцамъ „механическихъ для сего заведеній") требуетъ точнаго опредѣленія границъ примѣненія закона. Между прочимъ законъ, говоритъ о принудительной уступкѣ права „такого же переложенія", стало быть судъ долженъ помимо всего прочаго взвѣсить, соотвѣтствуетъ ли способъ переложенія, котораго домогается фабрикантъ, тому, который избранъ самимъ композиторомъ. Наши фабриканты, повидимому, шире понимаютъ этотъ льготный законъ: достаточно, напр., чтобы авторъ далъ раз-

рѣшеніе переводить произведеніе на граммофонъ и акцеиціей можно, по ихъ мнѣнію, домогаться уступки права перевода на всякій иной механическій инструментъ. Врядъ ли однако суды пойдутъ по этому пути толкованія.

Предоставляя автору исключительное право всякаго рода воздѣйствія на предметъ своего духовнаго замысла—воспроизведенія, публикованія, размноженія, измѣненія, сокращенія, приспособленія, законъ учитываетъ, кромѣ матеріальной цѣнности, личное отношеніе автора къ произведенію, интелектуальную связь творца съ твореніемъ.

Это же личное отношеніе заставляетъ видѣть въ авторскомъ правѣ не только исключительное, но и неотъемлемое и неотчуждаемое право, настолько тѣсно связанное съ самимъ авторомъ, что оно не можетъ быть отъ него отдѣлено, не можетъ стать самостоятельнымъ предметомъ оборота. Отчужденіе авторскаго права въ настоящемъ значеніи слова немыслимо ни принудительно, ни даже добровольно. Хотя въ ст. 8 Положенія говорится о договорѣ объ отчужденіи авторскаго права, [1] но здѣсь имѣется въ виду, повидимому, только отчужденіе quoad exercitium, а не quoad substantiam, т. е. уступка отдѣльныхъ правомочій автора, заключающихъ въ себѣ элементъ имущественной цѣности. Каждый разъ, когда въ мотивахъ закона упоминается, что авторское право, какъ право имущественное, подлежитъ отчужденію, выражается не болѣе, какъ въ упрощенной формѣ общая мысль о томъ, что авторское право подлежитъ отчужденію, *поскольку* оно является имущественнымъ правомъ. Иначе, пришлось бы допустить, что всѣ тѣ личныя права автора по отношенію къ своему произ-

---

[1]) „Договоръ объ отчужденіи авторскаго права, объ уступкѣ права на изданіе или предоставленіи права перевода, публичнаго исполненія произведенія или какого-либо иного изъ принадлежащихъ автору правъ другому лицу долженъ быть изложенъ въ письмѣ“.

веденію, о которыхъ такъ много и такъ энергично распространяются предварительные проекты и которые охраняетъ въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ постановленій новый законъ, съ отчужденіемъ авторскаго права, либо совершенно исчезаютъ, либо переходятъ на новаго пріобрѣтателя. И то и другое въ одинаковой мѣрѣ невозможно. По германскому закону 1901 г. право автора kann beschränkt oder unbeschränkt auf andere übertragen werden, ст. 8. Напротивъ, дѣйствующій австрійскій законъ 1895 г. опредѣленно говоритъ о передачѣ лишь осуществленія авторскихъ правъ. Весьма авторитетные германскіе юристы настаиваютъ, что и по смыслу германскаго закона только экономическія функціи авторскаго права могутъ быть предметомъ сдѣлокъ [1]). Положеніе объ авторскомъ правѣ, не разрѣшивъ издателю (ст. 70), безъ согласія автора или его наслѣдниковъ, вносить какія-либо дополненія, сокращенія и вообще измѣненія какъ въ самое произведеніе, такъ и въ заглавіе и обозна-

---

[1]) Другіе писатели отвергаютъ здѣсь разграниченіе, основываясь на чисто имущественномъ характерѣ авторскаго права и не видя повода не распространять на него общихъ правилъ объ имущественныхъ сдѣлкахъ и имущественныхъ отчужденіяхъ. См. Dahlsheimer, Die Uebertragung des Urheberechts, 1910, тамъ же литературу вопроса, а также Osterrieth, Altes und Neues zur Lehre vom Urheberecht, 1907, S. 94: Das Geistesgut kann Gegenstand von Rechtsgeschäften sein, welche die Uebertragung oder die Belastung des geistigen Eigenthums zum Zweck haben. Изъ старыхъ писателей— Wächter, Das Autorrecht, 1875, S. 107: Die Uermögensrechte haben in der Regel die Eigenchaft der Uebertragbarkeit auf Andere, der vererblichkeit und der verausserlichkeit. Diese Eigenschaft kommt, auch dem Autorrechte zu: Dau-de, Das Urheberrecht an Werken etc. 1910, S. 27, утверждаетъ, что неограниченное отчужденіе означаетъ переходъ на пріобрѣтателя всѣхъ правомочій не только съ имущественными, но и съ индивидуальными правами автора (mit den individualrechtlichen Befugnissen). Комментаторъ Allfeld хотя и замѣчаетъ, что разграниченіе въ данномъ случаѣ не имѣетъ будто бы большой важности, но въ дальнѣйшемъ подробно доказываетъ, что передавать можно только осуществленіе (Ausübung) авторскаго права, а не его субстанцію (Cit. S. 80 ff.).

ченіе на немъ автора, воспретило это въ ст. 20 въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ, обозначающихъ ту же мысль, и лицу, которому „вполнѣ или въ части уступлено авторское право". Отчужденіе авторскаго права о которомъ упоминается въ ст. 8, въ конечномъ счетѣ аналогично съ качественной стороны уступкѣ правъ издателю. Можно указать, между прочимъ, что въ проектѣ Гражданскаго Уложенія ст. 1285 (изд. 1905 г.) гласила: „Договоръ объ отчужденіи авторскаго права, долженъ быть изложенъ на письмѣ". (ср. также 1288 1289, 1301 и 1315 стт. Проекта). Такъ какъ, въ Проектѣ Гражд. Улож. отсутствовали спеціальныя правила объ издательскомъ договорѣ, то правило 1285 ст. должно было пониматься въ смыслѣ „отчужденія" для извѣстнаго имущественнаго использованія, т. е. въ смыслѣ уступки одного или всѣхъ изданій, причемъ центръ тяжести заключался именно въ требованіи письменной формы. Въ основныхъ чертахъ это начало перешло и въ новый законъ [1]). Истинный смыслъ ст. 8, думаю, въ томъ заключается, что она допускаетъ отчужденіе матеріальныхъ благъ авторскаго права, начиная отъ права перевода или права публичнаго исполненія и кончая всѣми изданіями, во все время существованія авторскаго права, со всѣми денежными выгодами. Но насколько авторское право состоитъ еще изъ элементовъ неимущественнаго свойства, оно остается неиз-

[1]) Въ виду того, что въ новомъ законѣ помѣщены особыя правила объ издательскомъ договорѣ, произошло внѣшнее расчлененіе. При этомъ въ ст. 8, сообразно съ предложенными при обсужденіи проекта въ Государственномъ Совѣтѣ поправками, (См. Стенограф. Отчеты Госуд. Совѣта за 1910 г., сессія VI, стр. 81), изложено было, какъ общее правило, что письменная форма требуется при отчужденіи авторскаго права, уступкѣ права на изданіе или предоставленіи права перевода, публичнаго исполненія или какого-либо иного изъ принадлежащихъ автору правъ, т. е., какъ надо понимать, и при уступкѣ отдѣленныхъ частныхъ правомочій (переводъ), и при уступкѣ права на одно, многія или всѣ изданія.

мѣнно за авторомъ (и его наслѣдниками). При большомъ принципіальномъ значеніи этого разграниченія практическіе выводы изъ него, inter cetera. слѣдующіе:

1) Договоръ объ «отчужденіи» авторскихъ правъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ выходитъ изъ границъ матеріальнаго пользованія произведеніемъ, недѣйствителенъ. Пріобрѣтателю не можетъ быть предоставлено договоромъ, напр., публиковать произведеніе отъ своего имени, помѣщать свое имя на картинѣ или охранять отъ своего имени идеальные авторскіе интересы. Такой договоръ, если бы онъ имѣлъ мѣсто, былъ бы необязателенъ. И это не потому, что законъ различаетъ авторское право и авторство (подобное различеніе лишено правового значенія), а потому, что съ авторствомъ связывается рядъ юридическихъ послѣдствій, не могущихъ переходить на другое лицо;

2) При «отчужденіяхъ» авторскихъ правъ, т. е. другими словами при уступкѣ всѣхъ матеріальныхъ выгодъ, пріобрѣтатель вправѣ защищать произведеніе только отъ такихъ посягательствъ, какъ со стороны третьихъ лицъ, такъ и со стороны самого автора, въ которыхъ заключается нарушеніе имущественныхъ правъ, съ тѣмъ, что самъ авторъ, не смотря ни на какія уступки, уполномоченъ закономъ реагировать въ судебномъ порядкѣ противъ посягательствъ, какъ со стороны пріобрѣтателя, такъ и со стороны третьихъ лицъ, на его идеальные интересы, литературную честь и репутацію, на неприкосновенность его произведенія, предъявлять иски о признаніи за нимъ авторства и т. д.;

3) Въ случаѣ безнотомной смерти пріобрѣтателя авторскаго права послѣднее въ полномъ объемѣ возвращается къ автору, не становится ни выморочнымъ правомъ, ни общественнымъ достояніемъ. То же самое при отказѣ пріобрѣтателя отъ своихъ правъ [1]). Ав-

---

[1]) Contra Dahlsheimer, Die Uebertragung des Urheberchts, 25, находящій что въ случаѣ отказа пріобрѣтателя отъ своего права по-

торское право можетъ сдѣлаться общественнымъ достояшіемъ только послѣ смерти автора по истеченіи опредѣленнаго срока, которымъ опредѣляется продолжительность существованія авторскаго права, въ чьемъ бы распоряженіи отдѣльныя функціи его ни находились по договорамъ съ авторомъ (или его наслѣдниками).

То отчужденіе авторскаго права, о которомъ упоминаютъ ст. 8, а также ст. 9 Положенія, не ставитъ автора въ безправное положеніе относительно его произведенія. Но только право воспрещать дополненія и сокращенія остается за авторомъ: послѣдній вправѣ преслѣдовать и пріобрѣтателя и всякое иное лицо за небрежное отношеніе къ произведенію, роняющее профессіональное достоинство автора. Подобно тому, какъ переуступка пріобрѣтеннаго издателемъ права другому лицу допускается только съ согласія автора (ст. 67),— лицо, въ пользу котораго совершено „отчужденіе авторскаго права", передавъ свои права другому, безъ разрѣшенія автора, совершилъ бы также дѣяніе неправомѣрное [1]). Пріобрѣтатель правъ по 8 ст. для уступки

слѣднее только тогда переходитъ къ автору, когда это вытекаетъ изъ договора объ отчужденіи, въ противномъ случаѣ дѣлается свободнымъ, общимъ достояніемъ: es tritt, so weit der Uerzicht reicht, Gemeinfreihcit ein.

[1]) Мысль, положенная въ основу ст. 67, требующей для дѣйствительности переуступки изданія согласія автора и его правопреемниковъ, имѣетъ значеніе при всякаго рода уступкахъ, ибо статья эта предназначена главнымъ образомъ ограждать нравственные интересы авторовъ. Это вытекаетъ изъ смысла закона и отчасти изъ разсужденій въ Государственномъ Совѣтѣ, по инцiативѣ котораго ст. 67 издана (въ проектѣ Гос. Думы правило ст. 67 отсутствовало). „Безъ особаго соглашенія авторъ, уступая изданіе своего сочиненія данному лицу, не уступаетъ ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, права переуступки этого изданія другимъ издателямъ, быть можетъ ему совершенно неизвѣстнымъ... Устанавливая правила, что переуступка пріобрѣтенныхъ издателемъ правъ другому лицу допускается только съ согласія автора и его правопреемни-

ихъ другому лицу долженъ имѣть авторское разрѣшеніе, за исключеніемъ развѣ отдѣльныхъ конкретныхъ правомочій, передача которыхъ implcite входитъ въ кругъ правъ пріобрѣтателя. Только тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о чисто имущественныхъ спорахъ и требованіяхъ, включая обвиненіе кого-либо въ контрафакціи, авторъ уступаетъ мѣсто пріобрѣтателю въ предѣлахъ отчужденія. Въ этомъ именно смыслѣ ст. 56 говоритъ, что издатель пользуется какъ въ отношеніи автора, такъ и третьихъ лицъ авторскимъ правомъ на произведеніе, насколько это предоставляется необходимымъ для огражденія правъ его по издательскому договору. Законъ этотъ распространяется не только на издателей въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и на всякаго иного пріобрѣтателя правъ на произведеніе.

Что правила объ издательскомъ договорѣ, (стт. 65—72) должны mutatis mutandis примѣняться во многихъ отношеніяхъ и къ договору объ отчужденіи, о которомъ упоминается въ ст. 8, насколько это не противорѣчитъ самой природѣ послѣдняго договора, къ этому выводу съ логической неизбѣжностью приводятъ изученіе и выясненіе постановленій ст. 65 и слѣд. въ связи со ст. 8 Можно въ этомъ отношеніи привести слѣдующіе характерные примѣры.

Согласно 2 ч. 68 ст., по заявленію автора, договоръ прекращается, если обнаружатся уважительныя обстоятельства, вынуждающія его отказаться отъ опубливованія своего произведенія, причемъ авторъ обязанъ возмѣ-

---

ковъ, мы этимъ самымъ говоримъ издателю, что „ты долженъ напомнить автору, что если ты желаешь сохранить за собой и право переуступки, ты объ этомъ долженъ спеціально съ нимъ условиться". (Членъ Госуд. Совѣта Гриммъ). „Совершенно правильно поставить дѣло такъ, что безъ согласія автора пріобрѣтенное право на его изданіе, издатель не можетъ передать никому, потому что авторъ заинтересованъ въ этомъ изданіи и довѣрилъ это изданіо опредѣленному лицу, а никому другому не желаетъ его довѣрять". (Чл. Госуд. Совѣта Крестовниковъ). См. Стеногр. Отчеты Г. Совѣта засѣд. VI, стр. 283 и 284.

стить издателю понесенныя имъ издержки. Какъ видно изъ законодательныхъ мотивовъ, основаніе этого правила, введеннаго впервые Государственнымъ Совѣтомъ, заключается въ томъ, что у автора могутъ обнаружиться серьезные поводы къ прекращенію догововора, когда, напр., появленіе какого-нибудь новаго изслѣдованія поколебало выводы автора, когда политическая коньюктура или иныя обстоятельства сдѣлали появленіе книги ненужнымъ или невозможнымъ и т. п. (Согласит. Зак. Особ. Ком., см. Коптевъ, стр. 278). Коль скоро центръ тяжести статьи въ особыхъ интересахъ автора (см. выше, стр. 37), то она не можетъ не примѣняться къ случаямъ отчуждеяія по 8 ст. Хотя въ этихъ случаяхъ пріобрѣтатель имѣетъ болѣе продолжительное право пользованія, чѣмъ при уступкѣ изданія, но именно эта продолжительность можетъ оказаться вреднѣе для особыхъ интересовъ автора, охраняемыхъ 2 ч. 68 ст., и надѣлять преимуществомъ пріобрѣтателя по сравненію съ издателемъ не представляется здѣсь рѣшительно никакого основанія съ точки зрѣнія смысла и цѣли закона.

По силѣ 72 ст., автору въ полномъ собраніи сочинеяій разрѣшается помѣстить и такія произведенія, право на изданіе коихъ уступлено имъ другимъ лицамъ, если со времени появленія ихъ въ свѣтъ прошло болѣе 3-хъ лѣтъ. Относится ли это только къ договору „изданія“ или же ко всякому договору „отчужденія“? Если принять во вниманіе, что право это основано на заинтересованности автора въ томъ, чтобы въ его полномъ собраніи сочиненій фигурировали всѣ его произведенія независимо отъ правъ на нихъ третьихъ лицъ, что въ данномъ случаѣ интересъ автора совпадаетъ даже съ интересомъ общества (Проектъ Гражд. Улож., кн. 3, т. 3, 1902 г., стр. 571, Проектъ М. Ю., стр. 95), то не останется сомнѣнія, что ст. 72 на самомъ дѣлѣ имѣетъ болѣе общій смыслъ и подъ нее подходятъ также случаи «отчужденія» произведенія. И здѣсь между „издателемъ“ и „пріобрѣтателемъ“ существенной разницы усматривать нельзя, по дѣйствительному разуму закону.

Когда рѣчь идетъ объ уступкѣ правъ на произведенія будущія, всякаго или опредѣленнаго только рода, считаютъ умѣстнымъ устанавливать особыя ограниченія не только для полнаго пріобрѣтателя, но и для

временнаго пользованія, исходя изъ того, что въ такой уступкѣ можно усматривать болѣе, чѣмъ простую передачу имущественныхъ выгодъ произведенія, нѣчто вродѣ отчужденія, выражаясь словами Блюнчли, eines Stückes der Persölichkeit. Гирке находитъ договоръ о подобной уступкѣ совершенно ничтожнымъ, какъ заключающій въ себѣ недопустимые самоограниченіе личности [1]). Напротивъ Dalsheimer [2]) признаетъ договоръ дѣйствительнымъ, развѣ бы въ немъ усматривалось, по конкретнымъ признакамъ, особое ограниченіе личной свободы. Другіе [3]), руководствуясь утилитарнымъ соображеніемъ о томъ, что подобный договоръ часто въ состояніи дать автору въ руки обезпеченіе для его будущихъ работъ, склонны считаться съ такими договорами въ тѣхъ случаяхъ, когда, напр., авторъ отчуждаетъ права на будущія драматическія произведенія. Ст. 9 Положенія объ авторскомъ правѣ прибѣгаетъ къ временному признаку, постановляя, что соглашеніе объ уступкѣ какихъ бы то ни было правъ на будущія произведенія сохраняетъ силу только на срокъ не свыше пяти лѣтъ, хотя бы въ договорѣ была установлена большая его продолжительность или безсрочность. Въ 9 ст. Положенія заключается какъ бы фикція, по которой въ моментъ окончанія произведенія правомочія извѣстнаго рода по отношенію къ нему переносятся отъ автора на другое лицо. При этомъ не всякое произведеніе, вышедшее изъ пера или кисти автора, вправѣ требовать себѣ для эксплоатаціи это третье лицо, выговорившее себѣ права на будущія произведенія. Только опубликованіе авторомъ такого произведенія, передача другому для опубликованія или даже предстоящая возможность опубликованія даютъ контрагенту поводъ къ судебнымъ искамъ вплоть до исковъ

[1]) Gierke, Deutsches Privatrecht, S. 806.

[2]) Uebertragung etc., 59.

[3]) Allfeld, 91.

въ нѣкоторыхъ случаяхъ о выдачѣ самыхъ манускриптовъ. [1])

---

[1]) При обсужденіи всевозможныхъ договоровъ в едѣлокъ, заключаемыхъ авторомъ съ кантрагентами, нелишне помнить, что уступка авторскихъ правъ предполагается, даже когда рѣчь идетъ объ имущественныхъ выгодахъ, всегда въ границахъ и никакъ не безпредѣльной. Послѣ любого „отчужденія" за авторомъ все еще можетъ сохраниться нѣкоторый остатокъ, нѣкоторое потенціальное право по отношенію къ матеріальнымъ сторонамъ произведенія, что неизбѣжно вытекаетъ изъ самой сущности произведенія. какъ личнаго авторскаго достоянія. Права контрагентовъ автора—не только издателей, но и полныхъ пріобрѣтателей,—подлежатъ толкованію скорѣе ограничительному. чѣмъ распространительному. Такъ, если въ договорѣ и указано, что уступлено авторское право вполнѣ (какъ выражается законъ), то такая уступка имѣетъ безусловное распространеніе лишь на тѣ виды эксплоатацш произведенія, какія имѣлись или могли имѣться въ виду во время заключенія договора. При возникновеніи вновь открывшихся способовъ эксплоатацій могутъ родиться серьезныя сомнѣнія, можетъ вспыхнуть нелегко разрѣшимый споръ между авторомъ и пріобрѣвшимъ..

Въ частности, лицу, въ пользу котораго совершенъ договоръ отчужденія. принадлежитъ право на использованіе произведенія музыкальнаго или литературнаго для возпроизведенія путемъ механическихъ инструментовъ (граммофоновъ и пр), если отчужденіе имѣло мѣсто до появленія этихъ инструментовъ.? Такой вопросъ, при всей его спорности у насъ, слѣдуетъ все же разрѣшить отрицательно. Признаніе этого права за пріобрѣтателемъ могло бы поставить автора въ безвыходное положеніе въ виду возможности такого пользованія его произведеніемъ помимо его воли, какого онъ не могъ предусмотрѣть въ моментъ такъ называемаго „отчужденія авторскаго права". Но можно итти дальше. Такъ какъ законъ 20 марта 1911 г., признавъ за авторомъ исключительное право переложенія произведеній на механическіе инструменты. тѣмъ самымъ ввелъ для него не фактически, а юридически, совершенно новый и неожиданный способъ пользованія, то авторъ, надо думать, вправѣ воспретить механическое воспроизведеніе и издателю, пріобрѣвшему отъ него „вполнѣ" авторское право до изданія закона 20 марта. Это было тѣмъ болѣе справедливо, что новый законъ заботился объ увеличеніи не издательскихъ выгодъ, а правъ самого автора, имущественныхъ и особенно личныхъ.

Авторское право получаетъ имущественный оттѣнокъ лишь тогда и постолько, когда и поскольно авторъ пожелалъ сдѣлать произведеніе предметомъ имущественнаго оборота. Всякій актъ, клонящійся къ тому, чтобы переступить эти предѣлы, созданные самимъ авторомъ, есть вторженіе въ его личную сферу. Не только произвольное осуществленіе функцій авторскаго права является нарушеніемъ. Не только непризванное лицо, дѣйствующее помимо воли автора, совершаетъ посягательство: недопустимо принудительное осуществленіе авторскихъ правъ, въ цѣляхъ взысканія, органами судебной власти. Согласно 10 ст. Положенія, авторское право не можетъ быть предметомъ взысканія при жизни автора — безъ его согласія, а послѣ его смерти—безъ согласія его наслѣдниковъ. Постановленіе это, существующее почти во всѣхъ законодательствахъ, коренится не въ желаніи удержать за авторомъ-должникомъ какое-нибудь обезпеченіе, какъ думаютъ нѣкоторые. Въ этомъ отношеніи между нуждающимся авторомъ и всякимъ другимъ должникомъ, впавшимъ въ неоплатность, нѣтъ и не можетъ быть разницы. Ограниченіе права принудительнаго взысканія съ авторскаго права обязано своимъ происхожденіемъ исключительно стремленію законодателя оградить моральные интересы автора.

Комиссія по судебнымъ реформамъ Госуд. Думы (докладчикъ О. Я. Пергаментъ), согласно съ проектомъ Мин. Юст., совершенно основательно указывала, что для правильнаго рѣшенія вопроса о принудительномъ взысканіи слѣдуетъ исходить прежде всего изъ юридической природы авторскаго права, отличительную особенность котораго составляетъ принадлежность автору не только права на извлеченіе матеріальной выгоды изъ своего произведенія, но и чисто личнаго права безконтрольно рѣшать вопросъ о томъ, можетъ ли быть выпущено въ свѣтъ его произведеніе или нѣтъ. Но въ дальнѣйшемъ Комиссія почему-то замѣчаетъ, что проектъ «подчеркиваетъ общественное значеніе литературнаго произведенія и устанавли-

ваетъ, что авторское право вовсе не можетъ быть предметомъ взысканія, хотя бы это было даже in odio creditorum». См. Приложенія къ Ст. Отч. Г. Д., т. 2, стр. 8. Между тѣмъ съ общественной точки зрѣнія представляется не столь важнымъ, кто именно издаетъ литературное произведеніе, самъ ли авторъ или его кредиторы. Принудительность въ данномъ случаѣ разсматривается, главнымъ образомъ, какъ нарушеніе личныхъ правъ автора, что подтверждается между прочимъ тѣмъ. что при согласіи автора взысканіе допускается.

Еще въ то время, когда законъ на Западѣ никакихъ прямыхъ указаній по этому предмету не содержалъ, судебная практика не мирилась со свободнымъ арестомъ произведенія по кредиторскимъ претензіямъ. При дѣйствіи въ Германіи закона 11 іюня 1870 года, въ которомъ не упоминалось ничего по этому предмету, допускалось обращеніе взысканія на произведеніе искусства только въ томъ случаѣ, если авторъ чѣмъ-либо проявилъ намѣреніе пустить его въ гражданскій оборотъ. Но прежде всего здѣсь возникали необычайныя трудности при доказываніи этого намѣренія автора въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ [1]). Затѣмъ, самое намѣреніе пріобщить произведеніе къ гражданскому обороту и опубликованіе его еще не свидѣтельствуютъ, будто авторъ безразлично относится къ тому, кто и въ какомъ видѣ издастъ его произведеніе. Поэтому новый законъ 19 іюня 1901 г. постановилъ, что не допускается никакое принудительное исполненіе, ни въ отношеніи произведенія, ни въ отношеніи манускрипта, безъ согласія автора, притомъ выраженнаго лично, а не черезъ повѣреннаго, и лишь при переходѣ авторскаго права къ наслѣдникамъ дозволяется испол-

[1]) Allfeld, Kommentar zu dem Gesetz betreffend das Urheberecht etc., S. 107. См. у Kohler'a, Das Autorrecht, 1880, S. 138, 139, контраверзы о томъ, требуется ли для обнаруженія „намѣренія" опубликованіе произведенія или достаточна передача его книготорговцу или же, наконецъ, одно совершеніе дѣйствій для предстоящаго опубликованія (Publicationsacte — объявленія, рекламы) подтверждаетъ по закону это „намѣреніе".

неніе, если произведеніе появилось уже въ свѣтъ. Такимъ образомъ въ новомъ германскомъ законѣ разграниченіе между появившимся произведеніемъ и не появившимся, при жизни автора, уничтожено.

Редакторы нашего проекта гражданскаго уложенія, останавливаясь на правилахъ Устава Гражд. Судопр. (ст. 1040—1042), по существу, несомнѣнно, матеріально-правового характера, объ ограниченіи правъ кредиторовъ на принудительное взысканіе съ авторскихъ правъ, приняли въ уваженіе «отвѣтственность автора за свой трудъ передъ обществомъ». Но въ тоже время редакторы руководились и «законными выгодами» кредиторовъ автора. Примиряя эти противоположные моменты, редакторы проектировали такое правило: Произведеніе, пока оно не издано авторомъ или не передано имъ для напечатанія, не можетъ быть предметомъ взысканія при жизни автора, безъ собственнаго его на это согласія, а по смерти безъ согласія его наслѣдниковъ [1]). При окончательномъ начертаніи закона сметены были всѣ эти оговорки и ограниченія. Положеніе объ авторскомъ правѣ пошло дальше германскаго закона, не сдѣлало разграниченія между самимъ авторомъ и его наслѣдниками, исходя изъ того, что и для наслѣдниковъ автора—какъ по закону, такъ и по завѣщанію—произведеніе ихъ наслѣдодателя можетъ имѣть «не только матеріальное, но и моральное значеніе». Съ изданіемъ ст. 10 Положенія статья 1041 Устава Гражд. Суд., («Сочиненія и переводы рукописные и напеча-

1) Такимъ образомъ выходило по проекту, что, разъ произведеніе обнародовано, вѣрители могли требовать новаго изданія произведенія, хотя сами редакторы находили, что до извѣстной степени это идетъ въ разрѣзъ съ интересами автора, желавшаго быть, можетъ, выпустить въ свѣтъ новое изданіе своего сочиненія лишь въ переработанномъ видѣ или даже вовсе не желавшаго новаго изданія, вслѣдствіе измѣнившихся убѣжденій, либо признанія имъ ранѣе изданнаго сочиненія плохимъ. Проектъ Гражд. Уложенія, кн. 3, т. 3, стр. 375 и 378.

танные, но не обращенные еще въ продажу самимъ сочинителемъ или переводчикомъ, не подлежатъ публичной продажѣ безъ собственнаго его на то согласія, ни по смерти безъ согласія наслѣдниковъ»), которая на практикѣ вызывала столько недоумѣній въ виду казавшейся многимъ загадочной лежащей въ основѣ ея цѣли, дѣлается совершенно лишней, хотя она и не отмѣнена формально (такъ же, какъ и 1042 ст., Уст. Гр. Суд. входящая implicite во 2-ю часть 10 ст. Положенія). Отнынѣ авторскія права, или вѣрнѣе имущественныя права автора—о личныхъ и вопроса быть не можетъ,—не переходятъ на другихъ лицъ путемъ публичнаго торга и продажи, какъ до опубликованія, такъ и послѣ опубликованія произведенія, не подвергаются такимъ мѣрамъ, какъ опись, арестъ. Недоступны для исполнительныхъ органовъ ни манускрипты автора, ни напечатанные экземпляры, не вышедшіе въ свѣтъ (ни что-либо иное въ этомъ родѣ), за устраненіемъ въ новомъ законѣ всякой мысли о принудительномъ воспроизведеніи и принудительномъ распространеніи. Неприемлемо болѣе мнѣніе практиковъ-цивилистовъ, утвержденныхъ [1]) что исполнительные органы не вправѣ отказать взыскателю въ требованіи объ арестѣ и описи сочиненій и переводовъ и что воспрещается «лишь продажа этихъ предметовъ, безъ согласія автора, а не арестъ, а именно съ той цѣлью, чтобы предоставить сторонамъ время придти къ взаимному о продажѣ соглашенію». Разъ законъ воспрещаетъ безъ согласія автора дѣлать его право на произведеніе предметомъ взысканія, то и никакія отдѣльныя дѣйствія въ этомъ направленіи внѣ авторскаго согласія предприняты быть не могутъ. [2])

---

[1]) Ф. В. Л. Исаченко, Гражданскій Процессъ, т. V, изд. 1900 стр. 414, изд. 1907 г., стр. 410.

[2]) Въ судебной практикѣ, насколько можно судить по возникающимъ дѣламъ, ст. 10 новаго закона уже вызываетъ много раз-

Исключительное и неотъемлемое право автора на продукты духовнаго замысла, признаваемое и широко охраняемое въ отношеніи третьихъ лицъ, встрѣчаетъ свои предѣлы тамъ, гдѣ начинается право общества, въ лицѣ отдѣльныхъ его членовъ, на произведенія искусства, также находящее себѣ признаніе и подтвержденіе въ законѣ. Уже Министръ Юстиціи въ своемъ проектѣ указалъ на „общественное значеніе авторскаго права и невозможность обсуждать его исключительно съ точки зрѣнія имущественныхъ интересовъ автора". „Авторъ есть прежде всего общественный дѣятель— говорилъ М. Ю.: произведенія его, являющіеся, въ сущности, лишь отраженіемъ общественныхъ идеаловъ и среды, имѣютъ главною цѣлью возможно широкое распространеніе въ обществѣ идей автора. Пользованіе литературными произведеніями составляетъ необходимое условіе для правильнаго развитія культуры и просвѣщенія". Поэтому Министръ Юстиціи находилъ нужнымъ, чтобы авторское право „носило условный, ограниченный характеръ и самый объемъ его опредѣлялся не на основаніи требованій отвлеченной справедливости, а по соображеніямъ государственной пользы" [1]). Господство

ногласій. Въ то время, какъ нѣкоторые суживаютъ смыслъ этой статьи, другіе наоборотъ, склонны расширить его до несвойственныхъ предѣловъ. Въ производящемся въ С.-Петербургскихъ Судебныхъ установленіяхъ дѣлу по спору Конкурснаго Управленія по дѣламъ несостоятельнаго должника небезызвѣстнаго писателя П. съ издательствомъ „Нива", послѣднее въ лицѣ своего повѣреннаго ссылалось даже на то, что авторскій гонораръ писателя свободенъ отъ принудительнаго взысканія. При этомъ указывалось, что гонораръ уплачивается писателю П. при самомъ полученіи рукописи, а не послѣ напечатанія. Само собою разумѣется, что на авторскій гонораръ, какъ матеріальную выгоду отъ произведенія, ст. 10 не распространяется и разъ авторъ передаетъ издателю свое произведеніе, причитающееся автору вознагражденіе подлежитъ обращенію въ пользу кредиторовъ независимо отъ времени выплаты этого вознагражденія.

[1]) Краткая объяснит. записка къ проекту Министра Юстиціи, стр. 31 и слѣд

общества надъ произведенiемъ искусства выражается по закону въ томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ каждый членъ общества вправѣ эксплоатировать для своихъ цѣлей это произведенiе безъ оплаты авторскаго гонорара, а послѣ смерти автора, по истеченiи 50 лѣтъ, это право каждаго дѣлается безусловнымъ и поглащаетъ собой прежнiя авторскiя исключительныя права.

При дѣйствiи исключительныхъ правъ автора съ послѣднимъ конкурируетъ установленное закономъ общественное право перепечатки *литературныхъ* произведенiй, которое суживается и расширяется въ зависимости отъ степени заинтересованности общества. Литераторъ долженъ терпѣть небольшiя выписки изъ его уже появившагося произведенiя или даже полную перепечатку незначительнаго по объему произведенiя, если такiя выписки или перепечатки помѣщаются въ произведенiяхъ, составляющихъ самостоятельное цѣлое или въ хрестоматiяхъ и другихъ сборникахъ съ учебной, либо съ научной цѣлью (ст. 39). Въ повременныхъ изданiяхъ допускается перепечатывать изъ другихъ повременныхъ изданiй свободно, извѣстiя о текущихъ событiяхъ и новостяхъ дня, лишь бы это не были постоянныя перепечатки изъ одного и того же изданiя, а если это телеграфныя или телефонныя сообщенiя, снабженныя запретительной оговоркой, то перепечатка дозволяется уже черезъ 18 часовъ со времени ихъ опубликованiя (ст. 39, 40). Напротивъ, всѣ другiя статьи политическаго, освѣдомительнаго либо иного содержанiя,—но, конечно, не беллетристическiя, по отношенiю къ которымъ дѣйствуютъ общiя нормы Положенiя, — могутъ быть перепечатываемы только тогда, когда не послѣдовало особаго воспрещенiя автора [1]).

Право литературной перепечатки поставлено очень

[1]) Даже на помѣщаемыхъ въ газетахъ художественныхъ разсказахъ въ послѣднее время приходится часто встрѣчать надписи „Перепечатка воспрещена на основанiи закона 20 марта 1911 г.“. Та-

широко въ нашемъ Положеніи, гораздо шире, чѣмъ напр., въ германскомъ законѣ. Послѣдній допускаетъ помѣщеніе отдѣльныхъ мѣстъ и незначительныхъ частей въ „самостоятельной литературной работѣ", „отдѣльныхъ очерковъ незначительнаго объема въ самостоятельной научной работѣ", отдѣльныхъ опубликованныхъ стихотвореній,—въ работѣ, заключающей въ себѣ цѣлое собраніе стихотвореній, предназначенныхъ для пѣнія или же для церковнаго, школьнаго употребленія и т. д., а изъ повременныхъ изданій—перепечатку только того, что не снабжено оговоркой объ удержаніи авторскихъ правъ [1]). Въ огражденіе правъ автора. Германскій законъ предписываетъ при газетныхъ перепечаткахъ точно указывать источникъ заимствованія и не извращать въ этихъ перепечаткахъ смысла перепечатываемаго (Iedoch ist nur ein Abdruck gestattet durch den der Sinn nicht entstellt wird). Указаніе источника при заимствованіи является справедливой компенсаціей для автора. Поэтому совершенно основательно и нашъ законъ указалъ, какъ общее правило, что при всякихъ разрѣшаемыхъ закономъ заимствованіяхъ изъ чужого произведенія, т. е. не только газетныхъ, обязательно обозначать автора и источникъ заимствованія (см. статью 19). Что касается извращенія смысла заимствованнаго, то во многихъ случаяхъ это извращеніе будетъ нарушеніемъ авторскихъ правъ и по нашему закону въ виду общаго правила о недопущеніи посягательствъ на личность автора путемъ коверканія его произведенія даже при дозволенномъ воспроизведеніи

При опредѣленіи границъ права перепечатки въ конкретныхъ казусахъ окончательное сужденіе о томъ, что такое „самостоятельное цѣлое", „небольшія выпи-

кія надписи совершенно лишнія и свидѣтельствуютъ объ особой осторожности русскихъ писателей при толкованіи нашихъ законовъ.

[1]) См. Gesetz betreffend das Urheberecht etc. § 19.

ски", „незначительныя по объему произведенія", будетъ принадлежать суду, задача котораго здѣсь чрезвычайно важная и отвѣтственная, затрагивающая область науки, литературы, воспитанія, техническихъ знаній. Просвѣщенный судья есть тотъ, на котораго въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ, разсчитываетъ законодатель, дающій просторъ судейскому усмотрѣнію...

Въ цѣломъ рядѣ другихъ постановленій мысль объ участіи общества въ осуществленіи права на литературное произведеніе нашла себѣ живой отпечатокъ. Можно сослаться, между прочимъ, на правила о публичныхъ рѣчахъ. Законъ указываетъ, что произнесенныя на публичныхъ собраніяхъ (законодательныхъ учрежденіяхъ, судебныхъ установленіяхъ, общественныхъ собраніяхъ) рѣчи могутъ быть печатаемы въ повременныхъ изданіяхъ и въ отдѣльныхъ отчетахъ о засѣданіяхъ, хотя право издавать эти рѣчи какъ отдѣльно, такъ и въ сборникахъ, принадлежитъ исключительно автору (38 ст.). Общественный интересъ и общественное право заставляетъ жертвовать правами автора, когда дѣло касается ознакомленія публики съ рѣчами, произнесенными въ законодательныхъ, земскихъ и т. п. собраніяхъ и въ судахъ. Но воспроизведеніе рѣчи при другихъ условіяхъ, т. е. не въ газетѣ, а въ самостоятельномъ видѣ, и притомъ не въ связи съ отчетомъ о засѣданіи, составляетъ незакономѣрное дѣяніе.

Въ виду этого вторая часть 38 статьи о воспрещеніи издавать чужія рѣчи отдѣльно и въ сборникахъ, что само собою вытекаетъ изъ содержанія 1-ой части, не является необходимой и можетъ быть объяснена только желаніемъ рѣзче оттѣнить идею компромисса между общественными и частными правами, заключенную въ 38 статьѣ.

Законъ, дозволяя печатать публичныя рѣчи при условіяхъ 38 ст., считается не съ тѣмъ, что при этихъ условіяхъ произнесенныя рѣчи не составляютъ литературнаго произведенія. Если бы законодатель полагалъ, что эти рѣчи, какъ общее правило, лишены литературнаго зна-

ченія, онъ, вѣроятно, совсѣмъ не счелъ бы нужнымъ упомянуть о нихъ въ виду ст. I Положенія, по которой только рѣчи литературнаго характера касаются авторскаго права. Съ другой стороны, и въ отдѣльномъ изданіи подобная рѣчь, такъ же, какъ и собраніе такихъ рѣчей, едва ли могли бы въ такомъ случаѣ составлять предметъ авторскаго права. Законъ имѣетъ въ виду нѣчто другое, а именно интенсивность общественнаго права на рѣчи, касающіяся живыхъ событій и приведенныя въ связи съ этими событіями.

Художникъ съ точки зрѣнія закона не меньше общественный дѣятель, чѣмъ литераторъ, поэтому и онъ долженъ поступиться многими правами въ пользу общества. Праву перепечатки литературнаго произведенія соотвѣтствуетъ право копированія художественнаго произведенія. Это право копированія принадлежитъ всѣмъ и каждому, если произведеніе передано непосредственно художникомъ нѣкоторымъ публичнымъ учрежденіямъ, а именно: храмамъ Божіимъ, Императорскимъ Дворцамъ, музеямъ, правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ (54 ст.). Хотя въ основаніи этой статьи лежитъ правило прежняго закона, по которому „художественныя произведенія, купленныя правительствомъ или исполненныя по его заказу для храмовъ Божіихъ, Императорскихъ дворцовъ, музеевъ и вообще казенныхъ мѣстъ почитаются уже полнымъ достояніемъ тѣхъ вѣдомствъ и могутъ быть копируемы безъ художника“ [1], но смыслъ и задача новой статьи иныя. Прежній законъ фиксировалъ особое право „вѣдомствъ“ по отношенію къ пріобрѣтеннымъ художественнымъ произведеніямъ; новый законъ, въ интересахъ просвѣщенія и развитія народнаго художественнаго вкуса, устанавливаетъ право общества на художественныя произведенія, отданныя для извѣстныхъ публичныхъ учрежденій. При этомъ общественное право примиряется съ частнымъ въ томъ, что сня-

[1] Ст. 31. прилож. къ 420 ст. X т. 1 ч.

тіе копій, по новому закону, дозволяется только при пріобрѣтеніи произведенія непосредственно отъ художника. Этимъ не только ограждаются матеріальныя права автора, могущаго при продажѣ учесть такое общественное право копированія его произведенія, но и щадятся личныя его права въ виду отсутствія принужденія въ этихъ сдѣлкахъ, зависящихъ всецѣло отъ доброй воли художника.

Остается сказать, что общественное право достигаетъ апогея въ постановленіяхъ о *музыкальныхъ* произведеніяхъ, по отношенію къ которымъ законодатель особенно щедро, можно сказать, черезчуръ щедро, признаетъ права „всѣхъ и каждаго". Публичное исполненіе музыкальнаго произведенія допускается безъ согласія композитора, если исполненіе не преслѣдуетъ цѣлей наживы, ни непосредственно, ни косвенно, если исполненіе совершается во время народныхъ празднествъ или если выручка назначена исключительно для благотворительныхъ цѣлей и исполнители вознагражденія не получаютъ [1]. Такимъ образомъ композитору придется быть нѣмымъ свидѣтелемъ того, какъ надъ его произведеніями проявляютъ свои всякіе таланты непризванные исполнители, разъ только они „безплатные" и дѣйствуютъ въ благотворительномъ спектаклѣ или же подвизаются на народномъ празднествѣ, какъ эти исполнители „добычу терзаютъ и щиплютъ надъ нимъ".

Достойно вниманія, что этой статьѣ предшествовало въ проектахъ совсѣмъ другое постановленіе, діаметрально противоположнаго характера. За самовольное публичное исполненіе произведенія музыкальнаго, музыкально-драматическаго такъ же, какъ и драматическаго, хотя бы исполненіе и было для публики безплатнымъ согласно проекту Министра Юстиціи (ст. 48), нарушитель долженъ былъ подвергаться въ пользу автора взысканію въ размѣрѣ, опредѣляемомъ по справедливому

[1]) Ст. 50.

усмотрѣнію суда [1]. При всей скупости матеріаловъ и разсужденій, на которыхъ основывалось проектируемое правило, можно было, однако, думать, что имъ имѣлось въ виду дать удовлетвореніе автору не столько за понесенную имущественную утрату, сколько за неимущественный вредъ, связанный съ самовольнымъ исполненіемъ его произведенія на безплатныхъ спектакляхъ. Государственный Совѣтъ нашелъ статью „слишкомъ суровой", исключилъ ее и взамѣнъ ввелъ изложенное правило закона. Хотя законъ касается лишь музыкальныхъ, но не музыкально-драматическихъ, а тѣмъ болѣе драматическихъ произведеній, но имъ существенно ограничиваются права автора, наносится крупный уронъ моральнымъ интересамъ композитора. Можно привести много доводовъ за то, что оставленіе статьи проекта и исключеніе ст. 50 закона болѣе соотвѣтствовали бы духу и смыслу Положенія объ авторскомъ правѣ... Но подробная критика конкретныхъ нормъ закона не входитъ въ задачи настоящаго очерка.

Общественное право на произведеніе искусства представляетъ собою нѣчто совершенно самобытное. Неосновательно проводить параллель между этимъ правомъ съ одной стороны и ограниченіемъ собственника въ пользу общую или сервитутомъ съ другой [2]. Неправильно стремленіе нѣкоторыхъ во что бы то ни стало отыскать здѣсь аналогію съ другими институтами, доходящее до ото-

[1] Ср. также Проектъ Гржд. Улож. 1905 г., ст. 1314, 3-ій абзацъ. Въ объясненіяхъ къ этой статьѣ, которой въ Редакціи 1902 г. соотвѣтствовала ст. 563 кн. 3, т. 3, редакторы справедливо замѣчали: „интересы композитора (автора) могутъ быть нарушены не только въ тѣхъ случаяхъ, когда публика присутствовала при публичномъ исполненіи за опредѣленную входную плату, но и безплатнымъ публичнымъ исполненіемъ, такъ какъ при всякомъ публичномъ исполненіи драматическое, музыкальное или музыкально-драматическое произведеніе подвергается извѣстной огласкѣ, нежелательной иногда въ интересахъ композитора (автора), стр. 426.

[2] Ср. П. Н. Милюкова рѣчь въ Г. Д., Ст. отч., стр. 1452.

ждествленія авторскаго права съ правомъ на недвижимость, въ которой только и возможны сервитуты и „право участія“. Уже то, что право автора черезъ 50 лѣтъ послѣ его смерти цѣликомъ переходитъ къ обществу, составляетъ такую особенность, подобія которой мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ другомъ институтѣ. Вслѣдствіе такого перехода правъ къ обществу съ одинаковымъ основаніемъ можно было бы утверждать, что не авторъ ограничивается въ своихъ правахъ въ пользу общества, а наоборотъ, общество до извѣстнаго времени считается съ правами автора (и его наслѣдниковъ). Именно такимъ взглядомъ и объясняется отчасти, что въ прежнія эпохи право автора считалось зависимымъ, обусловленнымъ спеціальными законами и привиллегіями. На самомъ дѣлѣ переходъ правъ къ обществу по истеченіи промежутка времени послѣ его смерти есть выводъ изъ признанія соучастія общества въ правахъ на произведеніе, неизбѣжный результатъ сочетанія общественныхъ и частныхъ интересовъ въ произведеніи искусства.

ГЛАВА V.

Предметъ и субъектъ авторскаго права.

Особыя свойства авторскаго права обнаруживаются, когда приходится останавливаться на вопросѣ о томъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ служитъ объектомъ и кто является субъектомъ авторскаго права. Если видѣть въ правѣ автора господство лица надъ продуктами своего духовнаго замысла, то предметъ и субъектъ этого права должны совпадать въ личности автора, подобно тому, какъ субъектъ и объектъ права на жизнь, честь, являются въ сущности различными сторонами одного и того же понятія. Въ особенности это касается тѣхъ случаевъ, когда произведеніе не по-

лучило еще внѣшняго выраженія, когда оно существуетъ, такъ сказать, въ психикѣ автора.

А. Предметъ авторскаго права.

Однако предметъ духовнаго замысла, чтобы не оставаться одностороннимъ достояніемъ автора а превратиться въ благо, способное сообщаться другимъ лицамъ и стать пріобрѣтеніемъ общества, долженъ вылиться во внѣшнюю, осязательную форму. Только въ отдѣльныхъ случаяхъ ограждаются права на нереализованный продуктъ интелектуальнаго творчества. (Въ мірѣ физическомъ законъ считается съ родившимся, но во многихъ отношеніяхъ признаетъ такъ же существованіе nasciturus'а и юридическія послѣдствія такого существованія). Положеніе объ авторскомъ правѣ связываетъ нѣкоторыя специальныя права съ нереализованнымъ произведеніемъ, постановляя какъ мы видѣли, что публичное изложеніе непоявившагося въ свѣтъ литературнаго произведенія, стало быть такого, которое живетъ даже только въ умѣ автора, или опубликованіе содержанія подобнаго произведенія не допускаются безъ согласія автора [1]). Но, ограждая произведеніе въ его внѣшнемъ выраженіи, законъ этимъ не говоритъ, что объектомъ служитъ форма. Въ качествѣ объекта авторскаго права можетъ фигурировать по закону не форма сама по себѣ, точно такъ же, какъ и не идеи сами по себѣ, а образы и

[1]) Можно ли говорить въ связи съ предметомъ авторскаго права о непоявившемся въ свѣтъ другомъ произведеніи, кромѣ литературнаго, напр. художественномъ? Допустимо ли воспрещеніе публичнаго изложенія содержанія готоваго появиться художественнаго произведенія? Съ теоретической точки зрѣнія нѣтъ для этого препятствій, но спеціальный характеръ ст. 27 вынуждаетъ разрѣшить вопросъ на почвѣ закона скорѣе отрицательно. Несколько, однако, замыселъ художника получилъ какое бы то ни было осуществленіе, хотя бы несовершенное, въ видѣ набросковъ, контуръ, есть возможность трактовать объ объектѣ авторскаго права.

идеи, настолько слитыя съ данной формой, что одного отъ другого отдѣлить нельзя. Идеи въ конкретномъ творческомъ выраженіи—это предметъ охраны и заботы закона, какъ нѣчто, отождествляемое съ личностью автора во-первыхъ, могущее дать автору доходъ во-вторыхъ и являющееся условнымъ общественнымъ достояніемъ—въ третьихъ [1]). Законодатель не въ состояніи перечислить всѣ отдѣльные предметы авторскаго права: онъ даетъ общія указанія. Дѣло судебной практики и литературы развить эти указанія, намѣтить болѣе индивидуальные признаки относящихся сюда категорій, но окончательное сужденіе объ этихъ признакахъ можетъ дать только судъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Такъ, если подъ литературнымъ произведеніемъ, о которомъ говоритъ ст. 1 Положенія, разумѣть конкретизированныя въ словесной формѣ идеи и образы, то подъ это понятіе подойдутъ и величайшія творенія поэтовъ и мыслителей, служащія маяками въ поступательномъ движеніи человѣчества, и толковые словари, точно такъ же, какъ предметомъ имущественныхъ правъ являются наряду съ крупнѣйшими имущественными благами ничтожныя и малоцѣнныя блага и вещи Даже самое заглавіе произведенія можетъ въ исключительныхъ случаяхъ фигурировать, какъ предметъ авторскаго права, а именно, когда оно не является лишь простымъ названіемъ для отличія даннаго сочиненія отъ другихъ, а выражаетъ какую-нибудь идею, воплощая въ себѣ такимъ образомъ самостоятельный продуктъ духовнаго творчества, что случается очень рѣдко, но все же можетъ быть [2]). По особенностямъ авторскаго права, предметомъ его нель-

---

[1]) При этомъ доходность или даже возможность дохода не суть по закону неизбѣжные спутники объекта авторскаго права, законъ объ этомъ нигдѣ не упоминаетъ.

[2]) Ср. Dahn, Zur neuesten deutschen Gesetzgebung etc. З. f. G. и R. 1871, S. 30.

зя считать лишь тѣхъ созданій фантазіи, въ которыхъ, хотя и есть элементъ творчества, но настолько ничтожный по содержанію, что невозможно ставить ихъ въ ряды произведеній искусства. Таковы разнаго рода рекламные листки, мелкіе стишки и пр. [1]) Не подходятъ подъ понятіе объекта авторскаго права такія „произведенія", какъ различнаго рода справочныя книги, прейсъ-куранты, торговые циркуляры, затѣмъ календари съ перечисленіемъ именъ и цифръ, законы и законодательные акты, правительственныя распоряженія и пр. и пр. Словомъ не подойдетъ все то, что служитъ удовлетворенію не умственныхъ, эстетическихъ или даже техническихъ запросовъ, а непосредственныхъ и повседневныхъ требованій оборота оффиціальнаго, гражданскаго или торговаго. Всѣ перечисленные предметы имѣютъ съ „литературнымъ произведеніемъ" сходство чисто внѣшнее.

Замѣтки, справочныя книги могутъ подлежать охранѣ по другимъ основаніямъ, напр. по началамъ недобросовѣстной конкурренціи, но не по принципамъ авторскаго права.

Между календарями, которые даютъ на практикѣ большую пищу для судебныхъ споровъ и о которыхъ нелишне здѣсь упомянуть между прочимъ, слѣдуетъ различать такіе, въ которыхъ заключаются очерки, наставленія, разъясненія, отъ такихъ, въ которыхъ содержатся лишь сводки именъ и цифръ: только первые можно считать объек-

[1]) Напр. стишокъ „Папиросы меланжъ, Наилучшіе, монъ анжъ". Klosterman (Das Glistige Eigenthum, B. 1, 1867, s. 147) приводитъ случай, когда издателю инкриминировалось пользованіе, какъ текстомъ для музыки (польки), слѣдующими словами: Komme doch, komme doch, komm'du Schöne, Komme doch, komme doch, tanz'mit mir". Эксперты-литераторы на предложенный имъ вопросъ, насколько пользованіе этимъ текстомъ заключаетъ въ себѣ тѣ фактическія обстоятельства, наличность которыхъ требуется для понятія контрафакціи, отвѣтили, что стишки не имѣютъ цѣнности новизны и красоты и что они могутъ лишь als der dünne Faden betrachtet Verden, um den der kaufmann die Rosinen, die Korallen reiht, der Lichtzieher die Kerzen zieht.

тами авторскаго права. Это, опять-таки, не значить, что второго рода календари не достойны вовсе защиты отъ незаконной эксплоатацiи, но ничего специфически авторскаго, даже въ минимальной степени, въ нихъ нѣтъ. Уголовный Департаментъ Сената въ рѣшенiи 1871 г. № 1491 высказался, что календарь, какъ справочный указатель извѣстнаго рода свѣдѣнiй, состоящiй преимущественно изъ чиселъ и собственныхъ именъ, есть литературное произведенiе. Но и въ этомъ старомъ рѣшенiи рѣчь шла о календарѣ, заключавшемъ такiя статьи, какъ «Медицинскiя наставленiя», «Товарный тарифъ желѣзныхъ дорогъ», и собственно о незаконномъ заимствованiи этихъ статей, шелъ споръ. Но какъ бы то ни было, если по прежней практикѣ и можно было разсуждать о положенномъ въ составленiе календаря трудѣ, то въ настоящее время нужно считаться съ совершенно иными началами и принципами. Разсужденiя на тему о томъ, что «только внѣшняя форма можетъ составлять предметъ государственной охраны», что дѣло литературной критики, а не суда — произносить приговоръ, насколько произведенiе должно считаться ученымъ или художественнымъ, нынѣ убѣдительными болѣе не представляются.

Съ другой стороны, дѣйствительно интеллектуальное словесное произведенiе можетъ заключаться, по мысли закона (ст. I, ч. I), не только въ обычныхъ литературныхъ работахъ, но и въ рѣчахъ, лекцiяхъ, сообщенiяхъ, рефератахъ, а также въ письмахъ.

Въ виду специальнаго характера рѣчей и писемъ, какъ объектовъ авторскаго права, на нихъ необходимо остановиться особо.

Предметомъ авторскаго права можетъ быть рѣчь только тогда, если ее позволительно причислить къ литературнымъ произведенiямъ, понимая это въ томъ смыслѣ, что въ ней должно заключаться выраженiе идей и мыслей, а не въ томъ, что ей необходимо примыкать къ „литературному обороту", представленiе о которомъ вообще чуждо закону. Поэтому и рѣчами, произнесенными въ Государственной Думѣ, Государственномъ Совѣтѣ, земствѣ, судѣ и т. д., т. е. для ли-

тературнаго оборота совершенно не предназначенными, можно располагать свободно только въ опредѣленныхъ границахъ, обусловливаемыхъ общественнымъ интересомъ и общественнымъ правомъ,—во всемъ прочемъ эти рѣчи пользуются защитой именно, какъ устныя литературныя произведенія. Законодатель изъ круга рѣчей, подлежащихъ общей защитѣ, выдѣлилъ только опредѣленную категорію, публичныя рѣчи въ законодательныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ,—дозволивъ печатахъ ихъ безъ разрѣшенія автора въ газетныхъ и другихъ отчетахъ [1]). Но за предѣлами этихъ ограниченій самая незначительная рѣчь, произнесенная гдѣ бы то ни было, хотя бы передъ опредѣленнымъ кругомъ лицъ, если только она отражаетъ мысли и чувства и можетъ имѣть значеніе внѣ этого круга лицъ (юбилейная или застольная рѣчь), будетъ составлять, объектъ авторскаго права. Лишь тѣ рѣчи, которыя представляютъ собою сочетаніе словъ для практическихъ цѣлей обихода, исключаются изъ дѣйствія Положенія.

Въ докладахъ законодательныхъ Коммиссій относительно перечня I п. I ст. Положенія указывалось, что „отнюдь не нося исчерпывающаго характера, этотъ перечень долженъ помочъ практикѣ выяснить предѣлы авторскаго права на словесныя произведенія, такъ какъ само собою разумѣется, что юридическая защита распространяется не на каждую рѣчь человѣка, при какихъ бы условіяхъ она ни была произнесена.“ См. Коптевъ, Законъ объ авторскомъ правѣ, стр. III.

Въ широкомъ пониманіи объекта авторскаго права въ отношеніи рѣчей и сообщеній нѣтъ ничего новаго, если принять во вниманіе, что и дѣйствовавшій ранѣе законъ (п. 3 ст. 13 прил. къ 420 ст. X. т. I ч.) признавалъ „самовольнымъ изданіемъ“, „напечатаніе безъ согласія сочинителя произнесенной или читанной имъ публичной рѣчи или иного сочиненія“. Прежній законъ считалъ предметомъ авторскаго права всякое устное произ-

---

[1]) См. выше, стр. 70.

веденіе ума, съ тѣмъ отличіемъ, что правомочія автор не встрѣчали никакого противовѣса въ общественном правѣ, которое въ отношеніи рѣчей, умышленно или не умышленно, совершенно игнорировалось закономъ. Даж помѣщеніе въ газетномъ отчетѣ рѣчи гласнаго въ думѣ адвоката и прокурора на судѣ, могли считаться контра факціей, на что въ свое время жаловались многіе, и въ томъ числѣ г. Шершеневичъ. «Конечно, замѣчалъ г. Шер шевичъ,—никто не рѣшится преслѣдовать періодическо изданіе на напечатаніе его рѣчи (общественнаго харак тера), которой, такимъ образомъ, придается большая из вѣстность, и мы ежедневно видимъ на страницахъ газетъ самые подробные судебные отчеты. Но не слѣдуетъ забы вать, что это обстоятельство только фактъ, не имѣющі подъ собой юридической основы". (Авторское право etc стр. 200).

Изъ иностранныхъ законодательствъ англійское право, не дѣлая принципіальнаго различія между письменными и устными произведеніями ума (an intellectual creation embodied in written or openen language), разграничиваетъ рѣчи частныя и публичныя. Репортеръ, воспроизводящій въ газетѣ произнесенную на общественномъ митингѣ рѣчь, имѣетъ авторское право на свой отчетъ (report), но сама рѣчь не можетъ стать предметомъ исключительнаго права кого бы то ни было, какъ достояніе общественное. Въ процессѣ газеты „Times" съ лицомъ, напечатавшимъ 4 рѣчи лорда Резбери, помѣщенныя первоначально въ „Times", судъ призналъ буквальное перепечатаніе неправомѣрнымъ, однако добавилъ, что цитаты изъ этихъ рѣчей могутъ быть приведены совершенно свободно, такъ какъ очевидно, что эти рѣчи составляютъ общественное достояніе, хотя отчетъ принадлежалъ газетѣ „Times"—for obviously the speech was public property, though the report belonged to the „Times". (Заключеніе суда станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе, что цитаты изъ произведенія, на которое простирается право автора, какъ это ни странно, не допускались до послѣдняго времени совершенно англійскимъ правомъ). См. Copinger, The Law of Copyright, 1904, p. 30, 55, 58, 158, Renouard, Traité des droits d'auteur, II, p. 146. Новый авторскій законъ Англіи не внесъ въ данный предметъ существенныхъ измѣненій, установивъ лишь спеціальное разрѣшеніе на помѣщеніе въ газетахъ отчета о всякомъ обращеніи по-

литическаго свойства на публичномъ собраніи—an address of a political nature delivered at a publique meeting. Copyright Act, 1911, 20. См. также Ollfield, The Law of Copyright, p. 122. Германскій законъ 1901 г. къ предметамъ авторскаго права причисляетъ Schriftwerke und solche Vortrage oder Reden, welche dem Zwecke der Erbaung, der Belehrung oder der Unterhaltung dienen. Разрѣшается воспроизведеніе въ газетахъ и журналахъ сообщеній и рѣчей, насколько послѣднія составляютъ лишь часть публичнаго засѣданія (Verhandlung), т. е. при такихъ условіяхъ, какъ объясняетъ Allfeld, Kommentar etc, 153, когда передъ собраніемъ лицъ подвергается устно обсужденію опредѣленный вопросъ, такъ что не одинъ только имѣетъ слово, но другіе ему возразить могутъ (дебаты). Дозволяется воспроизведеніе рѣчей, произнесенныхъ въ судебныхъ, политическихъ коммунальныхъ и церковныхъ засѣданіяхъ, при чемъ здѣсь подъ политическими учрежденіями разумѣются, по объясненію того же Allfeld'а, S. 156, рейхстагъ, ландтагъ, провинціальные округа, а подъ коммунальными—общественныя коллегіи, совѣты, магистраты. Воспроизведеніе незакономѣрно, если оно послѣдовало въ собраніи рѣчей, заключающемъ въ себѣ преимущественно рѣчи даннаго оратора. Правила эти, сами по себѣ сложныя и не совсѣмъ ясныя, способны вызвать много недоумѣній въ виду отсутствія въ законѣ принципіальнаго взгляда на рѣчь, какъ объектъ авторскаго права, и въ виду того, что кромѣ указанныхъ въ законѣ категорій рѣчей есть цѣлый рядъ другихъ, судьба которыхъ остается неопредѣленной. Прямое противоставленіе литературныхъ произведеній (Schirftwerke) рѣчамъ (Vortrage oder Reden) заставляетъ нѣкоторыя рѣчи весьма важнаго характера, не предусмотрѣнныя закономъ, теряться въ пространствѣ, гдѣ ихъ совершенно не можетъ постигнуть право и за ними будетъ безплодно гоняться судъ.

Обозрѣніе всѣхъ этихъ законодательствъ, даже бѣглое, въ связи съ Положеніемъ объ авторскомъ правѣ, приводитъ къ заключенію, что едва ли не самымъ раціональнымъ является нашъ законъ съ его основнымъ взглядомъ на юридическую природу устной рѣчи и точнымъ разграниченіемъ областей общественныхъ и частныхъ правъ. Будемъ надѣяться, что суды используютъ должнымъ образомъ эти постановленія, принимая во вниманіе съ одной стороны права оратора, не всегда могущаго терпѣть,

чтобы публично печаталась всякая его рѣчь, и съ другой— права общества, всегда заинтересованнаго въ томъ, чтобы дебаты по государственнымъ и общественнымъ вопросамъ стали по возможности скорѣй достояніемъ общества. При согласованіи этихъ противоположныхъ интересовъ суды сумѣютъ найти опору не только въ самомъ законѣ и въ общемъ духѣ Положенія, но также въ справедливыхъ обычаяхъ и добрыхъ нравахъ литературной, общественной и журнальной жизни.

Рѣчамъ, заключающимъ въ себѣ интелектуальное творчество, уподобляются, какъ предметъ письменной литературы, письма, если только они преслѣдуютъ высшія задачи творческаго выраженія мыслей и чувствъ автора-корреспондента. Между тѣмъ, поставивъ на должную высоту вопросъ о рѣчахъ—объектахъ авторскаго права, законъ въ отношеніи писемъ не даетъ прочныхъ руководящихъ указаній, и смыслъ закона приходится восполнять и реставрировать. Постановивъ, что частныя письма, не предназначавшіяся авторомъ къ напечатанію, могутъ быть изданы лишь съ обоюднаго согласія автора и лица, которому они были написаны (ст. 28), законъ считался не съ произведеніемъ, какъ таковымъ, а съ субъективнымъ намѣреніемъ автора, въ моментъ появленія на свѣтъ произведенія, едва ли даже постижимымъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. Но авторъ можетъ возымѣть намѣреніе напечатать письмо лишь впослѣдствіи, когда оно находится уже въ рукахъ дестинатара (адресата), пріобрѣвъ необходимыя для напечатанія средства, увѣровавъ въ творческое значеніе этого письма. Законъ требуетъ согласія дестинатара по отношенію къ письмамъ, о которыхъ говорится въ отдѣлѣ „Авторское право на литературныя произведенія“ и которыя, значитъ, обладаютъ свойствами литературныхъ произведеній!

Для того, чтобы разобраться въ недоумѣніяхъ, вызываемыхъ ст. 28, необходимо принять во вниманіе между прочимъ слѣдующее.

Благодаря позднему развитію авторскаго права и лежащихъ въ его основѣ принциповъ, многіе отдѣльные вопросы этого права еще не нашли освѣщенія и блуждаютъ безъ должнаго пріюта. Къ такимъ вопросамъ относится проблема частныхъ писемъ, вокругъ которой создалась цѣлая атмосфера разнообразныхъ юридическихъ теченій и взглядовъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, всякое частное письмо, какъ продуктъ ума, подлежитъ равной охранѣ съ литературными произведенія вообще. Другіе считаютъ, что эта охрана должна распространяться только на письма, имѣющія связь съ исторіей науки, литературы и общественныхъ движеній (письма писателей, какъ матеріалъ для біографій и переписка общественныхъ дѣятелей). Третьи исходятъ изъ интимнаго характера переписки и ставятъ извѣстные предѣлы печатанію частнаго письма независимо отъ его содержанія. Наконецъ, большая группа юристовъ совершенно отрицаетъ за письмами способность быть объектами авторскаго права въ виду того, что творчество частныхъ писемъ не предназначено для литературнаго оборота. „Даже если форма и содержаніе дѣлаютъ частное письмо пригоднымъ для распространенія въ отдаленныхъ кругахъ—замѣчаетъ старый нѣмецкій авторъ Jolly, — то письмамъ „дѣйствительнымъ“, а не „фиктивнымъ“ (подъ послѣдними авторъ, очевидно, разумѣетъ литературное произведеніе въ формѣ переписки вымышленныхъ лицъ), недостаетъ необходимаго для понятія литературнаго произведенія намѣренія автора—создать работу, которая на основаніи присущаго ей облика должна стать особымъ объектомъ литературнаго оборота“. Правда, Jolly признаетъ, что своимъ утвержденіемъ онъ становится въ противорѣчіе съ нравами новой книжной торговли, широко эксплоатирующей переписку выдающихся лицъ, но, при всемъ своемъ желаніи идти навстрѣчу запросамъ практической жизни, Jolly не можетъ видѣть въ письмахъ слѣ-

довъ литературныхъ произведеній. „Письма не имѣютъ такого свойства при возникновеніи и не могутъ получить его впослѣдствіи“ [1]).

Несомнѣнно, однако, что не сваливаніе всѣхъ писемъ, такъ сказать, въ одну кучу, а именно точное разграниченіе между ними на основаніи объективнаго признака единственно соотвѣтствуетъ задачамъ новаго авторскаго права. Въ кабинетѣ умершаго писателя, тамъ, гдѣ неопытный человѣкъ увидитъ лишь груду письменнаго матеріала, умѣлая рука найдетъ и положитъ отдѣльно: а) литературныя работы оконченныя и наброски, отражающіе только замыселъ, в) письма, составляющія прямую принадлежность оставшагося литературнаго наслѣдія, с) письма, относящіяся къ частной жизни писателя, выражающія обыкновенныя распоряженія, извѣщенія, сообщенія, мысли по поводу частныхъ интересовъ и даже важнѣйшихъ предметовъ личной жизни (объясненія въ любви). Не только цѣлыя письма разнятся между собою въ этомъ отношеніи, но въ одномъ и томъ же письмѣ наряду съ обыкновенными сообщеніями можетъ заключаться творческое выраженіе идей, т. е. литературное содержаніе. Задача въ томъ и заключается, чтобы опредѣлить, какой элементъ преобладаетъ въ письмѣ и эту задачу приходится разрѣшать, не смотря на всю ея трудность въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Письмо содержанія не-литературнаго. можетъ, также быть объектомъ права, но это не авторское право. Адресатъ здѣсь является собственникомъ письма, какъ физической вещи, а такъ какъ содержаніе такого письма не имѣетъ самостоятельнаго юридическаго значенія, то не можетъ быть права на это содержаніе, отдѣльнаго отъ права на самое письмо. Однако, опубликованіе содержанія подобнаго письма является иногда посягательствомъ на личныя интересы корреспондента и можетъ нанести ему глубокій нравственный ущербъ, не говоря уже объ иномъ вредѣ, связанномъ съ

[1]) Jolly, Die Lehre von Nachdruck, S. 121.

публичной передачей свѣдѣній, предназначенныхъ для одного лица или опредѣленной категоріи лицъ. Поэтому опубликованіе писемъ частнаго содержанія допускается лишь съ обоюдваго согласія какъ пишущаго, такъ и получателя. Такой принципъ способствуетв огражденію правъ корреспондентовъ между собою взаимно и по отношенію къ третьимъ лицамъ. При этомъ только что изложенное правило терпитъ много исключеній въ томъ смыслѣ, что нерѣдко за получателемъ признается право публиковать письмо безъ согласія автора, когда это требуется въ интересахъ огражденія чести владѣльца письма или въ общественныхъ и государственныхъ интересахъ, правильно понятыхъ. Въ этой области умѣстны точныя правила, направленныя къ охранѣ интимныхъ сторонъ частной жизни и частныхъ интересовъ. Сколько-нибудь серьезныхъ шаговъ на этомъ пути ни одно законодательство, однако, не сдѣлало, что слѣдуетъ объяснить недостаточной внимательностью положительнаго права къ такъ называемымъ правамъ человѣка, правамъ личности, и отсутствіемъ въ юридической литературѣ сложившихся устойчивыхъ взглядовъ на этотъ предметъ. Но какъ бы то ни было, связь между авторскимъ правомъ и правомъ на письма частнаго содержанія только формальная: по существу авторское право стоитъ на довольно почтительномъ разстояніи отъ затронутаго вопроса...

Поскольку письмо носитъ въ себѣ отпечатокъ индивидуальнаго творчества, оно подходитъ подъ понятіе литературнаго произведенія, не нуждаясь въ особомъ упоминаніи, заботиться же о письмахъ не—литературнаго содержанія должны другіе отдѣлы права. Именно этимъ, а не чѣмъ либо другимъ, слѣдуетъ объяснить, что большинство законодательствъ объ авторскомъ правѣ не содержитъ никакихъ спеціальныхъ постановленій о письмахъ. Хотя товарищъ министра юстиціи (г. Гасманъ) въ Государственномъ Совѣтѣ ссылался въ подкрѣпленіе постановленій о частныхъ письмахъ на „иностранныя законодательства", но въ дѣйствительности упомянулъ только, кромѣ Австріи, о Португаліи, Колумбіи, Мексикѣ и еще нѣкоторыхъ сравнительно мелкихъ государствахъ".

Въ Германіи ни въ ранѣе дѣйствовавшемъ законѣ 11 іюня 1870 г., ни въ нынѣ дѣйствующемъ нѣтъ указанія на письма, судебная же практика въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ неизмѣнно отличаетъ отъ писемъ частнаго содержанія письма содержанія литературнаго, подводя послѣднія подъ Schriftwerke. Такъ, въ дѣлѣ наслѣдниковъ Рихарда Вагнера Reichsgericht въ рѣшеніи 28 февраля 1898 г. отказался признать за литературное произведеніе письмо Вагнера, содержавшее въ себѣ личныя сообщенія о его приватной жизни и объ участіи его въ Дрезденской революціи 1849 г. [1]. Напротивъ въ спорѣ о перепискѣ Фридриха Ницше съ однимъ профессоромъ, содержащей философскія мысли и изреченія, Beichsgericht нашелъ что «въ дѣлѣ имѣется достаточно данныхъ для сужденія о чисто литературномъ значеніи писемъ Ницше, извѣстнаго, какъ искусный корреспондентъ (Briefkunstler)» [2]. Прямолинейный взглядъ германскихъ судовъ по данному предмету отразился и на судебной практикѣ Австріи. Австрійскій законъ говоритъ не о письмахъ, а о сборникѣ писемъ („Die Herausgabe einer Briefsammlung ohne Zustimmung des Urhebers oder seiner Erben ist ein Eingriff in das Urheberecht), видя въ изданіи такого сборника особое посягательство вообще на личныя права корреспондентовъ, что вытекаетъ изъ мотивовъ къ закону. Не смотря на то, что изъ тѣхъ же мотивовъ слѣдуетъ, что отдѣльное письмо какого бы то ни было содержанія не должно служить предметомъ авторскаго права, австрійская судебная практика даетъ защиту автору литературнаго письма, проводя различіе между литературными и не-литературными письмами и притомъ

---

[1]) Jardel, La lettre missive, 1911, p 290, Mitteis, Zur Kenntnis des Literarisch-artistichen Urheberechts nach dem Oesterreichischen Gesetz, 1898, S. 51 f.

[2]) Entscheidungen des RG. Zivilsachen 7. November 1908, B. 19, S 405.

не на основаніи какихъ-либо внѣшнихъ данныхъ, какъ намѣреніе составителя, а именно по внутреннему содержанію письма [1]).

У насъ ст. 9 прил. къ 420 ст., Х. т. I ч. говоря о разрѣшеніи издавать въ свѣтъ частныя письма только съ совокупнаго согласія какъ того лица, коимъ они писаны, такъ и того, къ коему писаны (а послѣ смерти ихъ обоихъ или одного изъ нихъ—съ согласія наслѣдниковъ), имѣла въ виду, очевидно, именно письма частнаго содержанія Только въ этомъ смыслѣ можно было понимать слова „не предназначавшіяся къ продажѣ частныя письма". Новый законъ прибавилъ къ словамъ „не предназначавшіяся къ напечатанію" слово „авторомъ", едва ли улучшивъ этимъ дѣло толкованія. Какой выходъ найдетъ наша судебная практика изъ созданныхъ закономъ затрудненій? Пожелаетъ ли она толковать ст. 28 въ смыслѣ правила, касающагося исключительно писемъ, которыя авторомъ не предназначались и не могли предназначатся къ напечатанію"?

Иное толкованіе приводило бы къ цѣлому ряду самыхъ несообразныхъ выводовъ относительно тѣхъ писемъ съ литературнымъ содержаніемъ (встрѣчаются письма со стихами, бываютъ съ художественными рисунками и даже музыкальнымъ содержаніемъ—письма

[1]) Англійская судебная практика довольствуется стариннымъ правиломъ обычнаго права о томъ, что владѣлецъ „бумаги" является хозяиномъ и распорядителемъ содержанія. Это тотъ принципъ, который въ прежнее время, до появленія статутнаго права, построившаго на новыхъ началахъ ученіе о природѣ и сущности авторскаго права, приводилъ иногда къ признанію субъектомъ авторскихъ правъ владѣльца манускрипта. Принципъ этотъ крѣпко держится въ настоящее время въ отношеніи писемъ. Принимаются во вниманіе и права автора письма, согласіе котораго на напечатаніе письма во многихъ случаяхъ необходимо. Само собою разумѣется, что широко охраняются въ Англіи и личные интересы участниковъ переписки, но въ общемъ вопросъ до чрезвычайности запутанъ, именно въ виду отсутствія точнаго разграниченія между отдѣльными категоріями писемъ.

Мендельсона), которыя авторъ первоначально не предполагалъ печатать, но затѣмъ вздумалъ опубликовать.

При напечатаніи такихъ писемъ необходимо было бы испрашивать согласія адресата, даже при наличности у автора копіи; съ адресатомъ авторъ долженъ былъ бы дѣлить всѣ выгоды. Кромѣ того въ отношеніи этихъ писемъ совершенно измѣнилась бы физіономія авторскаго права послѣ смерти автора, такъ какъ по истеченіи 50 лѣтъ со времени смерти послѣдняго изъ лицъ, ведшихъ между собою переписку, для изданія писемъ, о которыхъ говоритъ 28 статья, требуется еще согласіе переживішихъ супруговъ и дѣтей названныхъ лицъ. Врядъ ли могло придти въ голову составителямъ закона такое стѣсненіе общественнаго права на продукты духовнаго творчества, когда обычный 50-лѣтній срокъ растягивается до періода совершенно неопредѣленнаго. Надо думать поэтому, что ст. 28 касается именно писемъ частнаго содержанія, интимнаго свойства: по отношенію къ нимъ можетъ иногда сохраниться интересъ много лѣтъ послѣ смерти корреспондентовъ (письма выдающихся лицъ), но именно, въ виду ихъ интимнаго характера, не дозволяется опубликовать эти письма, пока существуютъ лица, которыхъ они могутъ прямо или косвенно касаться,— жена, и дѣти. Для писемъ—произведеній искусства— остаются, можно полагать, въ силѣ общія правила о продуктахъ духовнаго творчества, проявленныхъ въ письменной формѣ (ст. I). [1]).

---

[1]) Горячія рѣчи, произнесенныя въ Государ. Совѣтѣ по вопросу о частныхъ письмахъ (и дневникахъ), доказываютъ животрепещущій интересъ законодателей къ этому предмету. Съ другой стороны, въ этихъ рѣчахъ допущено было, несомнѣнно, нѣкоторое смѣшеніе понятій. Въ своихъ блестящихъ замѣчаніяхъ чл. Гос. Сов. Кони справедливо указывалъ, между прочимъ, что „письма жениха къ невѣстѣ, ставшей затѣмъ его женою, матери къ дочери, сына къ отцу очень часто содержатъ въ себѣ своего рода исповѣдь, раскрытіе тайны которой можно допустить лишь тогда, когда

Если произведенiе искусства выражено не въ словахъ, а въ звукахъ (музыкальное произведенiе), опредѣленiе объекта авторскаго права не представляетъ большого труда: всякая даже самая незначительная самостоятельная пьеска можетъ составлять предметъ авторскаго права, поскольку въ ней воплощены идеи даннаго композитора. Законъ считаетъ нужнымъ упомянуть наряду съ музыкальными произведенiями о музыкальныхъ импровизацiяхъ, какъ о музыкальныхъ мысляхъ и образахъ, еще не переложенныхъ на ноты (2 п. 1 ст).

Не служатъ объектомъ авторскаго права диски, пластинки и вообще механическiя ноты, въ которыхъ центръ тяжести въ артистическомъ исполененiи. Конечно фабрикантъ, записывающiй арiю на матрицѣ для граммофона, за-

---

это не можетъ задѣть, уязвить или возмутить ничьихъ личныхъ чувствъ" (Отчеты, стр. 162). Но когда г. Кони утверждаяъ, что „письма вовсе не литературныя производенiя, такъ какъ, по дходя въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ таковымъ по формѣ, они не подходятъ къ нимъ ни по цѣли, ни по источникамъ", то почтенный представитель Государственнаго Совѣта находился, невидимому, подъ влiянiемъ черезчуръ сильнаго увлеченiя интимнымъ характеромъ частной переписки. Поэтому слова г. Кони, что „понятiе объ авторскомъ правѣ не можетъ быть примѣнимо всецѣло къ письмамъ", слѣдуетъ принимать cum grano salis. Вчитываясь въ рѣчи членовъ Госуд. Совѣта объ отраженiи въ перепискѣ личной жизни, семейныхъ радостей и горестей, о „мечтательной лжи" въ частныхъ письмахъ, невольно думаешь: Прекрасно, что и говоРить! Но все же не слѣдовало какъ будто забывать, что вырабатывался законъ о защитѣ не личныхъ правъ вообще, а правъ автора, правильная охрана которыхъ требуетъ именно отмежеванiя ихъ отъ другихъ категорiй правовыхъ явленiй. Такъ въ возникшемъ неожиданно стремленiи оградить личную и семейную сферу человѣка претерпѣвалъ опасности крушенiя одинъ изъ коренныхъ принциповъ авторскаго права. При этомъ составители закона упустили изъ виду и то, что авторское право не исчерпывается интересами данныхъ лицъ, что за спиною автора стоитъ все общество, для котораго опублвкованiе продуктовъ духовнаго творчества, хотя бы они выражались въ письмѣ, есть также предметъ интереса и права.

ручается разрѣшеніемъ композитора на механическое воспроизведеніе, безъ чего воспроизведеніе было бы незакономѣрнымъ—но этому придается второстепенное значеніе въ составѣ права на механическія ноты. Главное право граммофоннаго фабриканта—это промышленное право на напѣтыя матрицы, пластинки, на запись нотъ («граммофонная собственность», какъ называютъ это право комментаторы.— См. гл. X дополнительныхъ и переходныхъ постановленій). Съ одной стороны такое право вѣчно, съ другой—нарушеніе его, т. е. самовольная копировка механическихъ пластинокъ, въ виду отсутствія у фабриканта не только авторскихъ, но и издательскихъ правъ, не совпадаетъ съ понятіемъ контрафакціи. Словомъ, постановленія объ авторскомъ правѣ къ „граммофонной собственности", въ общемъ, примѣненія не имѣютъ. Поэтому не правъ А. А. Пиленко, замѣчающій: „почему защита дисковъ и пластинокъ выдѣлена изъ общей системы закона—сказать трудно" (Новый законъ объ авторскомъ правѣ, вступленіе, VIII). Другой комментаторъ закона, Я. А. Канторовичъ, правильно и согласно съ законодательными мотивами указываетъ, что «авторскаго права не механическія ноты не признается „ни за фабрикантами, ни за тѣми лицами, исполненіе которыхъ воспроизведено на этихъ нотахъ" (Авторское право etc. стр. 155, см. также Докладъ Ком. Госуд. Совѣта, Коптевъ, стр. 101), хотя въ другомъ мѣстѣ, а именно въ отдѣлѣ „Содержаніе авторскаго права" г. Канторовичъ прибавляетъ недостаточно предусмотрительно: „Въ связи съ авторскимъ правомъ композиторовъ защищается также право фабрикантовъ на воспроизведеніе механическихъ нотъ" (стр. 196). Законъ лишь удобства ради и временно помѣстилъ главу о граммофонной собственности въ переходныхъ правилахъ закона объ авторскомъ правѣ, находя нужнымъ охранить права этой особой отрасли промышленности параллельно съ охраной авторскихъ (и издательскихъ) правъ, но не отождествилъ первыхъ со вторыми ни въ какомъ отношеніи.

Напротивъ, гораздо труднѣе обстоитъ дѣло, когда рѣчь заходитъ о художественномъ произведеніи, какъ объектѣ авторскаго права. Ни законъ, ни даже теорія не могутъ дать сколько нибудь удовлетворительнаго опредѣленія художественнаго произведенія. Здѣсь на помощь приходитъ все то же соображеніе о творческомъ

выраженіи мыслей и настроеній. Во всякомъ случаѣ, художественное творчество будетъ только тамъ, гдѣ имѣется изображеніе не просто предметовъ внѣшняго міра, а представленія о нихъ, какъ они отпечатлѣлись въ воображеніи художника.

Сами составители закона сочли нужнымъ ограничиться указаніемъ, что художественное произведеніе для признанія его таковымъ должно удовлетворять эстетическому чувству. Въ этомъ и заключается „различіе между произведеніемъ художественнымъ и произведеніемъ, являющимся результатомъ ремесленной, фабричной или заводской дѣятельности“. [1] Впрочемъ, законъ понимаетъ художественное произведеніе, повидимому, довольно широко, упоминая (ст. 57) объ архитектурныхъ, инженерныхъ и другихъ техническихъ планахъ, чертежахъ и рисункахъ въ отдѣлѣ о художественныхъ произведеніяхъ.

По планамъ и рисункамъ, если авторъ при опубликованіи не оговоритъ противоположнаго, каждый можетъ производить постройки и сооруженія, но воспроизводить и печатать рисунки и чертежи внѣ предѣловъ своихъ надобностей никто не вправѣ безъ разрѣшенія автора. До опубликованія рисунковъ ими нельзя пользоваться также и для сооруженій, внѣ согласія автора. Можно ли построить домъ не по чужему рисунку, а по осуществленному уже плану, т. е. по архитектурѣ построеннаго дома? На этомъ вопросѣ архитектурнаго права прямого отвѣта законъ не даетъ, но въ виду того, что архитектура построеннаго дома, какъ объектъ исключительныхъ правъ, представляетъ собою нѣчто, весьма удаляющееся отъ понятія авторскаго права на произведеніе искусства, правильнѣе будетъ отрицательное разрѣшеніе вопроса на почвѣ Положенія.

Далѣе архитектурныхъ плановъ и рисунковъ итти, конечно, нельзя, и художественное произведеніе слѣдуетъ строго отличать отъ всего того, что носитъ на себѣ печать экономической цѣнности, безъ серьезныхъ

---

[1]) Докладъ думской ком., Приложенія къ Ст. отч., стр. 5.

личнаго и общественнаго элементовъ, истинныхъ спутняковъ всякаго творчества. Подобно тому, какъ авторское право на литературное произведенiе не охватываетъ композицiй житейскаго обихода или дѣлового оборота, объектомъ права на художественное произведенiе не служатъ изображенiя утилитарнаго свойства, какъ рисунки на торговыхъ маркахъ, на матерiяхъ, фигуры и орнаменты на магазинахъ и домахъ. То же слѣдуетъ сказать о моделяхъ предметовъ, преимущественно домашней обстановки, предназначенныхъ для удовлетворенiя вкусовъ любителей изящныхъ вещей, каковы: особой формы чернильницы; лампы съ изображенiями маяка, части моря и парохода; стулъ, составленный изъ отдѣльныхъ вещей такимъ образомъ, что въ цѣломъ получается иллюзiя какою-нибудь обще-извѣстнаго предмета (спинка—дуга, сидѣнье—облучекъ и т. д.). Какое бы значешеiе ни имѣли въ обиходѣ подобные предметы, несомнѣнно красящiе нашу внѣшнюю жизнь, ихъ нельзя считать объектами авторскаго права въ виду исключительно промышленнаго характера этихъ моделей. Положенiе 20 марта 1911 г. о нихъ не упомянуло и тѣмъ исключило ихъ изъ сферы дѣйствiй авторскаго праза.

Что касается фотографiи, то послѣдняя примыкетъ къ области производства скорѣе механическаго, и потому продукты ея, строго говоря, не должны были бы отождествляться съ объектами авторскаго права Требуемое отъ фотографа умѣнье не даетъ еще основанiя ставить фотографiю наряду съ художественой дѣятельностью, сущность которой заключается не въ умѣньи и навыкѣ, а въ выраженiи идей и образовъ въ линiяхъ, очертанiяхъ и краскахъ [1]). Хорошая отдѣлка

---

[1]) „Для успѣха фотографическвхъ снимковъ весьма важна предварительная подготовка пластинокъ, выборъ мѣста для постановки аппарата, умѣнье воспользоваться надлежащимъ освѣщенiемъ, приданье снимаемому предмету или лицу вѣрнаго положенiя,

фотографическаго снимка столь же мало приближаетъ его къ предметамъ искусства, сколь „художественно" сработанная мебель на фабрикѣ способна превратить фабриканта въ дѣйствительнаго художника. Снимки лица или предмета, сдѣланные профессіоналомъ-фотографомъ по заказу, т. е. обычные продукты фотографической дѣятельности, составляютъ объекты обязательственныхъ отношеній между заказчикомъ съ одной стороны, исполнителемъ съ другой и, можно добавить, создаютъ необходимость оградить фотографа отъ недобросовѣстныхъ посягательствъ на его труды и способности со стороны другихъ фотографовъ (послѣднее особенно при снимкахъ различныхъ видовъ, процессій). Если Проектъ Гражд. Улож., видѣвшій въ авторскомъ правѣ главнымъ образомъ предметъ имущественнаго оборота, еще могъ склониться къ отождествленію фотографіи съ художествомъ, то на эту точку зрѣнія, казалось бы, не должны были стать составители новаго закона, руководившіеся другими взглядами на произведеніе искусства. По отношенію къ фотографіи—указывалъ докладчикъ комиссіи въ Госуд. Совѣтѣ (Гриммъ)— не говоря уже о томъ. что элементъ личнаго творчества здѣсь, вообще, значительно меньшій...—авторское право предоставляется въ 99 случаяхъ изъ 100 не тому, кто самъ воспроизводитъ..., а предпринимателю, который въ качествѣ своихъ сотрудниковъ, оплачиваемыхъ имъ, содержитъ и того, кто разставляетъ, разсаживаетъ,

---

группировка ихъ, отдѣлка негатива и ретушовка". Эти разсужденія принадлежатъ Gierke, Deutsches Privatrecht, S. 826 который, однако, самъ отнюдь не можетъ быть причисленъ къ принципіальнымъ сторонникамъ „авторскаго права" на произведенія фотографіи. Gierke объясняетъ фактъ помѣщенія правилъ о фотографическихъ произведеніяхъ въ отдѣлахъ объ авторскомъ правѣ посторонними причинами и, между прочимъ, затрудненіями при разграниченіи между фотографическими снимками „художественнаго" и „не художественнаго" свойства.

однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя участвуютъ, поскольку здѣсь вообще можетъ быть рѣчь о творчествѣ, въ этомъ процессѣ творчества. Не они будутъ пользоваться выгодами и льготами авторскаго права, а предприниматель, который даже можетъ быть юридическимъ лицомъ, какой-нибудь акціонерной компаніей“ [1]). Отсюда—отказъ отъ мысли объ авторскомъ правѣ фотографа? Однако, законодатель въ окончательномъ счетѣ пришелъ къ выводу, что отличительныя свойства фотографіи требуютъ лишь формулировки объема авторскаго права на фотографическія произведенія болѣе тѣсно [2]). Составители новаго закона не выпустили отдѣла о фотографическихъ произведеніяхъ, вошедшаго такимъ образомъ преемственно изъ Проекта Гражд. Улож. при посредствѣ министерскаго проекта въ дѣйствующій законъ.

Приравненіе фотографическихъ произведеній къ произведеніямъ искусства, въ отношеніи юридической охраны едва ли всегда выгодно самимъ фотографамъ, промышленные интересы которыхъ, быть можетъ, болѣе гарантированы были бы, если бы законъ о произведеніяхъ фотографіи былъ изданъ отдѣльно. Именно беззащитность фотографическихъ произведеній заставляла сторонниковъ фотографіи держаться за законъ объ авторскомъ правѣ, искать въ немъ убѣжища для своихъ, законныхъ по существу, притязаній. Въ прежнее время при отсутствіи въ законѣ особыхъ постановленій права фотографовъ охранялись министерскими циркулярами. Циркуляръ Прусскаго министра отъ 9 апрѣля 1863 г. дозволилъ внесеніе фотографическихъ произведеній въ оффиціальный списокъ предметовъ, неправомѣрное воспроизведеніе которыхъ не допускается, съ тѣмъ однако, что разрѣшеніе вопроса, насколько данному произведенію фотографіи можетъ быть присвоена защита наравнѣ съ произведеніемъ искусства, принадлежитъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ суду (Klosterman, Das geistige Eigenthum, B. I, S 190). Права фотографовъ поддерживались нѣкоторыми учеными и въ

---

[1]) Госуд. Сов. засѣд. 3, стр. 36 и слѣд.

[2]) Ibid, 37.

числѣ послѣднихъ такимъ корифеемъ въ данномъ области, какъ Клостерманъ, который находилъ, между прочимъ, безразличнымъ то обстоятельство, «будутъ ли въ законѣ произведенія фотографіи отнесены къ художественнымъ произведеніямъ или составлять особый классъ предметовъ умственной собственности или накояецъ ихъ подчинятъ правиламъ о зашитѣ моделей и знаковъ». Напротивъ, судебная практика, какъ въ большинствѣ германскихъ государствъ, съ Пруссіей во главѣ, такъ особенно во Франціи и Австріи, не смотря на всѣ петиціи фотографовъ, обращенныя въ центральныя учрежденія, неизмѣнно отказывалась признавать какую-либо связь между фотографіей и художественнымъ произведеніемъ. Когда въ Германіи обсуждался проектъ будущаго закона объ авторскомъ правѣ 1870 г., предложеніе включить въ проектъ правила о фотографіи было единогласно отвергнуто. При этомъ было высказано пожеланіе объ изданіи особаго закона, касающагося фотографіи, какъ сильно развившейся отрасли индустріи, См. по этому поводу Wächter, Das Autorrecht, 291.

Настоятельная необходимость въ защитѣ правъ фотографовъ вообще и то обстоятельство, что законодатель не спѣшилъ съ изданіемъ спеціальныхъ правилъ для фотографіи, въ дальнѣйшемъ привели къ тому, что фотографіи удѣлено было мѣсто, хотя и временное, въ авторскомъ правѣ. О фотографіи упоминалось наряду съ произведеніями художества (der malenden, zeichnenden und plastischen Kunst), торговыми знаками и моделями—Muster oder Modelle. Законъ 9 іюня 1907 г. говоритъ о произведеніяхъ der bildende Kunste und der Photographie. Бернская конвенція въ настоящее время (пересмотръ 13 ноября 1908 г.), подчинившись движенію въ пользу правъ фотографовъ, включила правило «о фотографическихъ произведеніяхъ и имъ подобныхъ» (ст. 3), хотя въ 1 ст. Конвенціи опредѣленно устанавливается авторское право на „произведенія литературы и художества". Новый англійскій законъ въ одной изъ статей упоминаетъ, что авторское право фотографа длится въ теченіе 50 лѣтъ со времени изготовленія негатива, „отъ котораго произведенъ снимокъ непосредственно или посредственно". Copyright Bill, § 21.

Въ нашихъ гражданскихъ законахъ, какъ извѣстно, упоминалось о фотографіи въ связи съ произведеніями художества—гравированія, живописи—по поводу особаго порядка

перехода права художественной собственности на наслѣдниковъ, въ приложенiи же къ ст. 420 т. X. ч. I ничего о фотографiи не упоминалось. Новый законъ объ авторскомъ правѣ идетъ въ данномъ вопросѣ по стопамъ европейскихъ законодательствъ, но законъ не въ состоянiи удовлетворить и сторонниковъ фотографiи. Это видно изъ тѣхъ жалобъ и упрековъ, которые сыпались ими на проектъ закона, какъ по поводу нежеланiя закона считаться съ техническими особенностями фотографическаго искусства, такъ и по поводу цѣлаго ряда стѣсненiй и ограниченiй, созданныхъ для фотографiи. См. Записку объ авторскомъ правѣ фотографа Государственной Думѣ отъ (II) русскихъ фотографическихъ обществъ. Насколько не можетъ быть выдержано уподобленiе фотографiи объектамъ авторскаго права, видно хотя бы изъ ограниченiя срока защиты произведенiй фотографiи десятью годами „со времени появленiя въ свѣтъ произведенiя“ (ст. 61). На чемъ основано такое ограниченiе? Если право на произведенiе искусства существуетъ только опредѣленный перiодъ послѣ смерти автора, то это объясняется особо личными свойствами этого права съ одной стороны и общественнымъ характеромъ его — съ другой. Ни того, не другого не существуетъ, когда рѣчь идетъ о фотографiи. Отсутствiе въ фотографiи дѣйствительныхъ элементовъ авторскаго права даетъ, по мнѣнiю составителей закона, основанiе для наибольшаго сокращенiя срока защиты. Но не основательнѣй ли было разсуждать, что такое свойство фотографiи не даетъ вовсе повода считать право на фотографическiя произведенiя срочнымъ? Почему это право не можетъ быть «вѣчнымъ», какъ «вѣчны» другiя матерiальныя права? То, что произведенiе фотографiи иногда черезъ промежутокъ времени теряетъ интересъ, не должно вовсе заботить законодателя, какъ не заботить его скорая потеря своей цѣнности многими предметами, напр., цвѣтами, по отношенiю къ которымъ думаетъ ли кто-нибудь устанавливать особые сроки защиты? Если же на произведенiе фотографiи обнаружится съ чьей-либо стороны спросъ по истеченiи 10 лѣтъ, отчего фотографъ долженъ поступаться своимъ правомъ въ пользу другихъ фотографовъ? Вѣдь отношенiе фотографа къ своему произведенiю охраняется не какъ привилегiя, ограничивающая сферу свободы другихъ и потому поневолѣ всегда срочная (изобрѣтенiя), а какъ самостоятельное право на продукты. Не является ли въ

данномъ случаѣ «срочность» результатомъ недоразумѣнія подведенія подъ одинъ ранжиръ различныхъ категорій, юридическихъ явленій?

Несомнѣнно, что связь фотографіи съ художествомъ въ законѣ чисто формальная, внѣшняя, такъ сказать, механическая, обусловленная наружнымъ сходствомъ предметовъ, а не тождествомъ ихъ по существу. Подобно постановленіямъ о частныхъ письмахъ правила о фотографическихъ произведеніяхъ, свидѣтельствуютъ лишь о желаніи составителей закона внести въ сферу вліянія новаго закона все, что имѣетъ къ нему не только прямое, но и косвенное, отдаленное отношеніе. Если бы судья сталъ примѣнять послѣдовательно общіе принципы авторскаго права къ произведеніямъ фотографіи, онъ оказалъ бы плохую услугу правосудію. Такое отношеніе судьи не соотвѣтствовало бы настроенію составителей закона, которые находили нужнымъ трактовать особо вопросъ объ „авторскомъ правѣ" на фотографическія произведенія и отмѣтить, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ нѣкоторымъ явленіемъ sui generis. Это противорѣчило бы, наконецъ, смыслу самаго закона, поставившаго охрану фотографическихъ произведеній въ довольно узкія рамки, [1]) не распространившаго на фотографію многихъ постановленій общей части Положенія и въ томъ числѣ исключившаго для нея примѣненіе такого характернаго и важнаго принципа авторскаго права, какъ правило о невозможности кредиторскихъ взысканій, въ которомъ находитъ свое отраженіе мысль о неотъемлемости и неприкосновенности авторскаго права, какъ личнаго достоянія автора.

Сказанное касается фотографіи, какъ таковой, и не относится къ тѣмъ случаямъ, когда налицо имѣется научный или художественный фотографическій сни-

[1]) Между прочимъ, воспрещается только самовольное воспроизведеніе ф. п. такими способами, какъ „свѣтописный, механическій, химическій, или подобный", но не всякій другой, ст. 59,

мокъ и когда фотографія является лишь средствомъ для достиженія иныхъ, интелектуальныхъ или эстетическихъ цѣлей. Въ этихъ случаяхъ центръ тяжести не въ фотографической искусности, а въ интеллектуальной работѣ, въ творчествѣ, проявляемомъ путемъ фотографическаго снимка. Въ каждомъ конкретномъ дѣлѣ такое разграниченіе можетъ, конечно, представлять большія трудности. Но самъ законъ видитъ необходимость въ разграниченіи. Обособлены, напр., научные снимки изъ области астрономіи, медицины или микрофизики, вполнѣ уподобляемые литературнымъ произведеніямъ. [1]) Законъ прямо выдѣляетъ фотографическія произведенія, изданныя въ видѣ сборниковъ или серій снимковъ, „представляющихъ самостоятельный художественный, историческій или научный интересъ“ (2 ч. ст. 61). Послѣднія изданія охраняются закономъ въ теченіе двадцати пяти—вмѣсто десяти—лѣтъ, и стало быть, при возникновеніи спора относительно характера серіи фотографическихъ снимковъ суду придется рѣшать, имѣетъ ли серія художественный интересъ или не имѣетъ.

Точно также въ **кинематографіи**, фотографія является лишь средствомъ для образной передачи человѣческихъ дѣйствій, настроеній и идей. Хотя законъ ничего не говоритъ о произведеніяхъ кинематографіи, но въ виду того, что задачи кинематографіи, въ большинствѣ случаевъ, именно творческія, она должна быть поставлена, въ качествѣ объекта авторскаго права, въ рядъ съ литературными и художественными произведеніями. Законъ не исчерпалъ всѣхъ видовъ произведеній искусства, могущихъ быть предметами автор-

---

[1]) Ср. 3 ч. 61 ст. Въ качествѣ законнаго критерія здѣсь могутъ служить „главная цѣль и назначеніе“ произведенія (какъ о томъ говорится въ другомъ мѣстѣ, а именно въ ст. 41 по поводу различія между картами и рисунками литературнаго и худождственнаго значенія)

скаго права. При наличности въ произведенiи элементовъ творчества судъ не можетъ отказывать въ защитѣ, на томъ только основанiи, что именно тотъ или другой видъ спецiально не упомянутъ въ законѣ.

Вопросъ о защитѣ произведенiй кинематографiи былъ поднятъ впервые при пересмотрѣ Бернской конвенцiи, завершенномъ 13 ноября 1908 г. Повсемѣстное развитiе кинематографiи, воспитательное ея значенiе для общества, и отсутствiе твердыхъ правилъ объ ея охранѣ, подали участникамъ конвенцiи поводъ къ установленiю слѣдующаго правила:

„Авторы литературныхъ, научныхъ или художественныхъ произведенiй имѣютъ исключительное право разрѣшать воспроизведенiе или публичное представленiе ихъ произведенiй посредствомъ кинематографiи. Защищаются, какъ литературные или художественные труды, кинематографическiя произведенiя въ томъ случаѣ, когда планами постановки или комбинацiями изображаемыхъ событiй авторъ придастъ произведенiю характеръ личный и оригинальный. Безъ нарушенiя правъ автора оригинальнаго произведешя, воспроизведенiе кинематографiй литературнаго, научнаго или художественнаго произведенiя защищается, какъ оригинальное произведенiе. Предшествующiя постановленiя примѣняются къ воспроизведенiю или произведенiю, получаемому всякимъ другимъ способомъ, подобнымъ кисматографiи“ (переводъ по С. Г. Займовскому).

Въ виду такого постановленiя Бернской конвенцiи Германскiй законъ объ авторскомъ правѣ на литературныя и музыкальныя произведенiя былъ дополненъ правиломъ о томъ, что къ исключительнымъ полномочiямъ автора относится также: die Benutzung eines Schriftwerkes zu einer bildlichen Darstellung, welche das Originalwerk seinem Inhalt nach im Wege der Kinematographie oder eines ähnlichen Uerfahrens wiedergibt (§ 12, abs 6). О кинематографiи по той же причинѣ упоминаетъ и новый англiйскiй законъ г. (The Law of Copyright 1911, § 1 (3). Несомнѣнно, что и у насъ съ присоединенiемъ къ Бернской конвенцiи, если бы таковое имѣло мѣсто, пришлось бы издать законъ о кинематографiи. Относительно же нынѣшняго закона нужно сказать, что насколько рѣчь идетъ о приспособленiи литературнаго

произведенія къ проявленію на кинематографической лентѣ, такое приспособленіе незакономѣрно, безъ разрѣшенія автора. См. по этому поводу анологическое мнѣніе *Daude, Die Reichsgesetze hber das Urheberecht etc*, 1910, S 224 Что касается самого автора, приспособившаго къ кинематографу произведеніе литературы съ разрѣшенія литератора или создавшаго самостоятельно ту или иную картину по воображенію, наблюденію надъ природой и людьми, то это право можетъ найти подобіе въ правѣ на сценичеекія произведенія, въ которыхъ отсутствуетъ декламація (пантомима, балетъ), но которыя, безъ сомнѣнія, подлежатъ защитѣ по закону наряду съ драматическими и музыкально-драматическими произведеніями, какъ созданія искусства, выражающія идеи и мысли.

Сводя во едино то, что касается понятія объекта авторскаго права, слѣдуетъ замѣтить, что хотя это понятіе не совсѣмъ выдержано въ законѣ, а въ нѣкоторыхъ отношешяхъ расширено до несвойственныхъ ему предѣловъ, но въ общемъ и въ главномъ составители не отступили отъ мысли о томъ, что въ предметѣ авторскаго права слѣдуетъ видѣть отраженіе индивидуальной личности автора въ идеяхъ и образахъ, направленныхъ къ обществу. Другими словами, предметъ авторскяго права можетъ быть опредѣленъ, на почвѣ закона, какъ выразившееся внѣшнимъ образомъ въ конкретной и постижимой формѣ творческое произведеніе ума, способное удовлетворить эстетическимъ и умственнымъ запросамъ.

Поэтому, все то, въ чемъ есть печать оригинальнаго духовнаго творчества, подходитъ подъ Положеніе объ авторскомъ правѣ, независимо отъ вида этого творчества.

Оригинальность произведенія понимается въ юриспруденціи такъ же, какъ и въ жизни: что не оригинально въ литературѣ, художествѣ, не можетъ считаться оригинальнымъ и по закону, вопреки утвержденіямъ юристовъ, стремящихся провести здѣсь какую-то

разницу, на самомъ дѣлѣ не существующую. Конечно, оригинальность обсуждается не съ точки зрѣнія высшей критики. Притязательный критикъ весьма мало произведеній отнесетъ къ разряду оригинальныхъ, право имѣетъ дѣло со средними взглядами и средними понятіями. Добросовѣстный судья не склоненъ будетъ усматривать плагіатъ въ каждомъ совпаденіи, вольномъ или невольномъ, даннаго произведенія съ другимъ по идеямъ и формамъ. Но, вѣдь, и художественный или ученый критикъ, серьезно относящійся къ дѣлу, не отождествляетъ плагіата съ любымъ позаимствованіемъ. Съ точки зрѣнія и судьи и критика плагіатъ будетъ тамъ, гдѣ кончается творчество личности и начинается механическая передача чужихъ идей и чужой формы, такъ что плагіаторъ выступаетъ передъ обществомъ не какъ авторъ извѣстнаго духовнаго замысла, хотя бы и основаннаго на творчествѣ другого, а въ качествѣ простого передатчика чужихъ идей, чужой формы подъ видомъ своихъ.

Законъ признаетъ произведеніе объектомъ авторскаго права, если оно существенно отличается отъ другого, уже существующаго произведенія [1]). Стало быть, несущественное позаимствованіе не вредитъ самостоятельности произведенія. Законъ сходится въ этомъ отношеніи съ общимъ взглядомъ на искусство, допускающимъ возможность вдохновенія чужимъ произведеніемъ, претворенія чужой мысли и чужой формы въ кровь и плоть собственнаго творенія, въ которомъ сходство съ первоначальнымъ образцомъ является уже частностью, а не главнымъ пунктомъ духовнаго замысла [2]). Изъ мотивовъ къ за-

---

[1]) Не считается нарушеніемъ авторскаго права пользованіе чужимъ произведеніемъ для созданія новаго произведенія, существенно отъ него отличающагося (ст. 3).

[2]) Относительно музыкальныхъ произведеній законъ „оригиналу" противоставляетъ, какъ самобытные предметы авторскаго права,—

кону вытекаетъ, что установленіе понятія новаго или самостоятельнаго произведенія предоставляется усмотрѣнію суда. „Отличительной и выгодной чертой новаго законопроекта—заявлялось Комиссіей Государственной Думы—является именно это начало предоставленія суду самой широкой свободы сужденія... Всѣ механическіе и ариѳметическіе признаки дѣйствующаго законодательства осуждены безповоротно“ [1]). Судьѣ, желающему стоять на высотѣ закона, придется самостоятельно справиться съ возлагаемой на него здѣсь тяжелой, но выполнимой, задачей. Въ помощь судьѣ послужатъ самъ законъ, законодательные мотивы, художественные обычаи, литературныя мнѣнія, исторія русской литературы, свидѣтельствующая, между прочимъ, что Жуковскій подражалъ древнимъ поэтамъ, Пушкинъ и Лермонтовъ—Байрону, въ основѣ многихъ басенъ Крылова лежали поэтическіе разсказы Лафонтэна, и, тѣмъ не менѣе, произведенія этихъ корифеевъ русской литературы, даже подражательныя, признавались и признаются образцами геніальнаго творчества. Въ виду этого одна ссылка на то, что въ данномъ произведеніи отражена идея или даже форма другого произведенія, не будетъ имѣть рѣшающаго значенія. Пусть творчество автора выразится въ работѣ надъ готовымъ произведеніемъ, пусть это напр., только сокращенное изложеніе содержанія, съ разрѣшенія автора, а иногда даже и безъ разрѣшенія [2]): на лицо имѣется объектъ авторскаго права, коль скоро судъ найдетъ въ работѣ

варіаціи, транскрипціи, фантазіи, этюды на цѣлое или часть чужого музыкальнаго произведенія или вообще заимствованіе, если всѣ эти сочиненія должны быть разсматриваемы какъ новое и самостоятельное музыкальное произведеніе“ 1 ч. 43 ст.

[1]) Докладъ Комиссіи по судебнымъ реформамъ Госуд. Думы по внесенному М. Ю. Законопроекту объ авторскомъ правѣ на лит. муз. худ. и фот. произведенія. См. Коптевъ, 79.

[2]) Передача въ популярной формѣ философскаго ученія, гдѣ вся сила именно въ популярности изложенія.

личное вдохновеніе автора, самостоятельное идейное обращеніе къ обществу. Съ творчествомъ законъ считается, какъ и слѣдовало ожидать, также при сочетаніи чужихъ произведеній (учебныя хрестоматіи, собраніе стиховъ разныхъ поэтовъ на опредѣленную тему, соединеніе писемъ)[3]. Такимъ образомъ слово въ слово переданныя произведенія могутъ быть объектомъ новаго авторскаго права въ извѣстномъ ихъ соединеніи. Именно въ молчаливомъ сопоставленіи и группировкѣ чужихъ произведеній выражается оригинальное личное творчество компилятора точно такъ же, какъ въ знакахъ и мимикѣ передаетъ свои мысли человѣкъ, не желающій говорить или лишенный дара слова.

В. Субъектъ авторскаго права.

Изъ существа произведенія искусства, какъ предмета авторскаго права, вытекаетъ, въ комъ можетъ находить своего носителя это право. Представителю личности, творцу произведенія, принадлежитъ господство надъ произведеніемъ: онъ и является субъектомъ авторскаго права въ теченіе своей жизни.

Если произведеніе составлено нѣсколькими лицами, образуя одно нераздѣльное цѣлое, субъекты авторскихъ правъ—всѣ составители вмѣстѣ (ст. 5). Указаніе закона, что въ этомъ случаѣ соотвѣтственно примѣняются правила объ общей собственности, говоритъ о разрушенной теоріи собственности, какъ напоминаютъ плавающіе въ морѣ обломки о потерпѣвшемъ крушеніе кораблѣ. На самомъ дѣлѣ нормы объ управленіи, владѣніи и отчужденіи общей собственности, раздѣлѣ и т. д. либо имѣютъ весьма отдален-

---

[3]) „Къ компиляціямъ" законъ относитъ, въ числѣ прочаго, газеты, журналы и другія повременныя изданія.

Въ виду меньшей степени творчества въ компилятивныхъ работахъ и громаднаго общественнаго значенія, многихъ изъ нихъ законъ ограничиваетъ для нихъ срокъ авторскаго господства, превращая всѣ эти работы въ общественное достояніе уже послѣ двадцати пяти лѣтъ со времени появленія ихъ на свѣтъ (ст. 14).

ное значеніе для авторскаго права, либо никакого значенія для него не имѣютъ. Напротивъ, сфера господства отдѣльныхъ субъектовъ здѣсь устанавливается по совершенно инымъ началамъ. Достаточно упомянуть, что послѣ смерти одного изъ авторовъ произведеніе, составленное совокупно нѣсколькими лицами, переходитъ, при отсутствіи наслѣдниковъ и специальныхъ распряженій, къ другимъ соавторамъ (ст. 7), чего не знаетъ институтъ „общей собственности", или „общаго владѣнія", какъ называютъ его гражданскіе законы. Срокъ авторскаго права на такое произведеніе исчисляется со времени смерти автора, пережившаго другихъ (ст. 12). Права соавторовъ регулируются въ законѣ по принципамъ не condominium'а съ идеальными долями собственниковъ, а скорѣе—совокупнаго права собирательной личности. Учитывая: 1) особую личную связь творца съ его произведеніемъ, 2) создающіяся тѣмъ особыя отношенія между творцами одного и того же произведенія, законъ не допускаетъ мысли о раздробленіи авторскаго права, ни фактическомъ ни идеальномъ.

Въ отношеніи произведенія, которое состоитъ изъ отдѣльныхъ частей, имѣющихъ самостоятельное научное, литературное, музыкальное и художественное значеніе, каждый изъ авторовъ, конечно, сохраняетъ полностью свое авторское право, не будучи стѣсненъ правами другихъ соавторовъ, и только распоряженіе составнымъ произведеніемъ обусловлено общимъ согласіемъ всѣхъ авторовъ (ст. 15).

Не представляется нужнымъ здѣсь останавливаться особо на „сотрудничествѣ" за отсутствіемъ въ понятіи сотрудничества чего-либо специфически отличнаго и по той причинѣ, что отъ конкретныхъ условій каждаго случая и особенностей даннаго произведенія зависитъ, относить ли сотрудниковъ къ простымъ помощникамъ или же къ соавторамъ и субъектамъ авторскаго права.

Свойствъ субъекта авторскаго права не пріобрѣтаютъ ни издатель, ни кто-либо другой, получившій права на произведеніе по договору съ авторомъ.

Даже въ анонимныхъ и псевдонимныхъ произведеніяхъ отвергнута господствовавшая прежде точка зрѣнія по которой издатель произведенія, появившагося безъ имени автора или подъ вымышленнымъ именемъ, презюмируется авторомъ.

Какъ извѣстно, на Западѣ тянется до сихъ поръ споръ о томъ, является ли издатель анонимнаго или псевдонимнаго произведенія самостоятельнымъ субъектомъ права, снабженнымъ правомочіями автора, доколѣ послѣдній не объявитъ о себѣ, или же издатель въ данномъ случаѣ фигурируетъ лишь въ качествѣ презумпціоннаго представителя автора. Проектъ Гражд. Улож., а за нимъ и проектъ М. Ю., внесенный въ Государственную Думу, опредѣляли, что авторское право на анонимныя и псевдонимныя произведенія принадлежитъ издателю въ теченіе 50 лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ произведенія. Такимъ образомъ признавались авторскія права издателя, хотя, по объяснительной запискѣ М. Ю., „авторское право присваивается издателю, какъ временному хранителю и, такъ сказать, представителю правъ автора“ [1]). При окончательномъ обсужденіи закона устранено всякое авторское право издателя на эти произведенія [2]). „При изданіи произведенія подъ анонимомъ и псевдонимомъ — разсуждали составители закона— субъектъ авторскаго права, хотя считается неизвѣстнымъ для общества, но въ дѣйствительности существуетъ, и переноситъ его авторское право на издателя нѣтъ основаній“ [3]). Новизна здѣсь заключается лишь въ томъ, что пятидесятилѣтній срокъ авторскаго права на анонимы и псевдонимы исчисляется со дня выхода, что совершенно понятно при неизвѣстности автора, а

---

[1]) Объяснит. зап., стр. 27.

[2]) Ст. 17: Если произведеніе появилось въ свѣтъ безъ означенія фамиліи автора (анонимно) или подъ вымышленнымъ именемъ (псевдонимно), авторское право на него продолжается въ теченіе пятидесяти лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ произведенія; но если, до истеченія этого срока, авторомъ либо правопреемниками его заявлено будетъ авторское право на произведеніе, то они вступаютъ въ свои права на общимъ основаніи.

[3]) Изъ доклада Д. Д. Гримма, см. Пиленко, Новый законъ объ авт. правѣ, стр. 49.

значитъ и дня его смерти. Субъектомъ же авторскихъ правъ и по отношенію къ этимъ произведеніямъ остается авторъ и только авторъ [1]).

Положеніе объ авторскомъ правѣ ничего не говоритъ объ авторскомъ правѣ юридическихъ лицъ, не признавая, очевидно, за ними свойствъ субъектовъ авторскаго права. Этимъ законъ какъ бы расширяетъ понятіе анонимнаго произведенія, распространяя его даже на изданія юридическихъ лицъ публичнаго права (государства, университетовъ). Законодатель имѣлъ передъ собой германскій образецъ, по которому юридическія лица оффиціальнаго права [2]), опубликовавшія,

---

[1]) Въ Германскомъ законѣ 11 іюня 1870 г. существовало правило (Abs. 3. § 28): Bei anonymen und pseudonymen Werken ist der Herausgeber nnd wenn ein Solcher nicht angegeben ist, der Verleger berechtigt, die dem Urheber znstehenden Rechte wahrzunehmen, т. е. права авторскія охранялись либо издателемъ въ смыслѣ литературномъ—Herausgeber—либо, если и этотъ не значился, издателемъ въ смыслѣ хозяйственномъ--Verleger.—Вторая часть постановленія гласила: Der auf dem Werke angegebene Verleger gilt ohne weiteren Nachweis als der Rechtsnachvolger des anonymen oder pseudonymen Urhebers. Въ новомъ Германскомъ законѣ 1901 г. послѣдняя часть закона 11 іюня 1870 г. о „правопреемствѣ" отброшена, осталась первая. Издатель этихъ произведеній нынѣ „замѣщаетъ" автора и можетъ за него предъявлять иски въ гражданскихъ судахъ, а также возбуждать уголовныя обвиненія (См. Allfeld, 85).

Германскій законъ обладаетъ большими достоинствами, хотя въ редакціи его усматривается вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторая опасность смѣшенія автора съ издателемъ.

Нашъ законъ, по которому издатель есть носитель не правъ творца сочиненія, а своихъ собственныхъ правъ, осуществляемыхъ или въ теченіе 50-лѣтняго срока, является болѣе прямолинейнымъ и послѣдовательнымъ. но неполнота закона заключается въ томъ, что онъ совершенно не коснулся вопроса о представительствѣ правъ анонимнаго (и псевдонимнаго) автора, что можетъ породить на практикѣ немалыя затрудненія.

[2]) Т. е. фискъ, академіи, университеты (Lindemann, Das Urheberecht an Werken der Literatur etc, 1910, S 42, Hansen, op. cit, S. 28), но не обыкновенныя товарищества и акціонерныя общества, какъ предполагалось въ первоначальномъ проектѣ закона (Allfeld, op. cit, s. 67,

произведенiе безъ обозначенiя автора, должны считаться при отсутствiи особыхъ соглашенiй, als Urheber des Werkes. Такой принципъ, однако, отвергли составители нашего закона, по понятнымъ соображенiямъ, исходя изъ того, что и при академическихъ и университетскихъ изданiяхъ субъектъ авторскаго права—все тотъ же дѣйствительный авторъ, создавшiй произведенiе, академiи же и университеты обладаютъ лишь производнымъ правомъ, для котораго право автора есть то, что нѣмцы называютъ „das Mutterrecht“. Это обстоятельство умѣстно отмѣтить, такъ какъ смыслъ и характеръ закона постигаются не только тѣмъ, что въ немъ заключено, но и тѣмъ, чего въ немъ нѣтъ и что нарочито опущено.

Нельзя, впрочемъ, закрывать глаза на то, что самъ законъ въ отдѣльныхъ случаяхъ вноситъ нѣкоторую неясность и даже противорѣчiе въ принципiальный вопросъ о субъектѣ авторскаго права. Неясность обнаруживается прежде всего при опредѣленiи правомочiй художника.

Указывая, что художнику принадлежитъ авторское право на художественныя произведенiя, исполненныя имъ по заказу другого лица, законъ (ст. 52) прибавляетъ: „за отсутствiемъ иного соглашенiя“. Изъ этого prima facie какъ будто вытекаетъ, что соглашенiемъ можно установить возникновенiе авторскаго права въ лицѣ заказчика, вмѣсто художника, превращенiе заказчика въ „автора“, быть можетъ, генiальныхъ произведенiй художества, котораго на Парнасъ привелъ туго набитый кошелекъ. Внимательное изученiе этой статьи приводитъ, однако, къ заключенiю, что и при исполненiи картины носителемъ авторскаго права является въ концѣ концовъ художникъ, могущiй только предоставить исключительное право повторенiя, размноженiя, т. е. всѣ отчуждаемыя правомочiя, заказчику до истеченiя срока авторскаго права.

Что въ ст. 52 рѣчь идетъ именно о повторенiи, размно-

женіи и т. д., подтверждается, отчасти, второй половиной статьи, касающейся портретовъ и бюстовъ, гдѣ говорится о „правѣ повторять, выставлять и издавать" [1]). Въ проектѣ М. Ю., какъ и проектѣ, выработанномъ О. Я. Пергаментомъ изложено было, что художнику принадлежитъ авторское право на произведенія, сдѣланныя имъ по заказу другого лица, причемъ однако повторять и распространять портреты и бюсты художникъ вправѣ лишь съ согласія лица, съ котораго написанъ портретъ или сдѣланъ бюстъ [2]). Это правило, въ общемъ, легло въ основаніе ст. 52, изъ довольно двусмысленной редакціи которой нужно дѣлать тотъ выводъ, что отъ художника переносится право повторять, выставлять, а также издавать исполненный на заказъ портретъ или бюстъ—по заказу, когда же рѣчь идетъ о другомъ заказанномъ произведеніи, подобныя ограниченія могутъ быть созданы только по соглашенію.

Въ отношеніи портретовъ и бюстовъ слѣдуетъ строго разграничивать художественное право и право каждаго на свое изображеніе. Право на изображеніе, если оно вообще существуетъ, что оспаривается, есть особое личное право. Можно стоять на точкѣ зрѣнія безусловнаго признанія этого права, можно утверждать, что только доказанный спеціальный интересъ обосновываетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ домогательство о защитѣ изображенія, какъ утверждаетъ Rietschle, Das Recht am eigenen Bilde, 1903. Наконецъ, существуетъ и такой взглядъ, что посягательство на чужое изображеніе рождаетъ право на судебную защиту лишь тогда, когда въ этомъ посягательствѣ заключается оскорбленіе чести или что-либо подобное (Georg Cohn, Neue Rechtsguter, Das Recht am eigenen Bilde, 1902, S. 40 f. Но видѣть въ правѣ на изображеніе родъ авторскаго права, конечно, нельзя ни въ какомъ

[1]) Ст. 52: За отсутствіемъ иного соглашенія, художнику принадлежитъ авторское право на художественныя произведенія, исполненныя имъ по заказу другого лица. Правило это не распространяется на портреты и бюсты; право повторять, выставлять и издавать таковые принадлежитъ лицу, съ котораго написанъ портретъ или сдѣланъ бюстъ, либо его наслѣдникамъ.

[2]) См. проектъ М. Ю., стр. 71.

случаѣ. Право художника на портретъ, являющійся не столько воспроизведеніемъ даннаго лица, сколько отраженіемъ извѣстнаго художественнаго представленія («Джіоконда» и Монна Лиза), конкуррируетъ съ личнымъ интересомъ воспроизводимаго лица, надъ которымъ работаетъ художникъ, какъ надъ „натурой“. Вполнѣ основательно, принимая во вниманіе личный интересъ изображаемаго, преграждать художнику возможность повторять и распространять портретъ безъ согласія изображаемаго, но едва ли слѣдовало предоставлять второму еще право издавать свой портретъ, помимо всякаго соглашенія съ художникомъ. Такое право изображеннаго является сплошной обидой для художника.

Подрываетъ ли ст. 52 общее начало о субъектѣ художественнаго права? Думается, что и относительно произведеній, предусмотрѣнныхъ этой статьей, въ качествѣ, такъ сказать, изначальнаго субъекта авторскаго права фигурируетъ художникъ. Онъ можетъ реагировать на всякое нарушеніе, не затрагивающее интересовъ и правъ заказчика (или изображеннаго). Въ случаѣ смерти изображеннаго или заказчика безъ наслѣдниковъ художникъ становится вновь „полнымъ“ обладателемъ правъ на свое твореніе. Таковы послѣдствія художественнаго права: ихъ немало, но не представляется нужды въ ихъ дальнѣйшемъ перечисленіи въ виду очевидности самаго принципа [1]).

[1]) Вправѣ ли заказчикъ производить измѣненія въ исполненномъ для него, по заказу, художественномъ произведеніи—вопросъ, который лишь въ недавнее время, послѣ того, какъ настоящая работа была уже набрана и напечатана, разрѣшенъ германскимъ Рейхсгерихтомъ въ рѣшеніи, еще не распубликованномъ и помѣщенномъ въ извлеченіи въ Spruch-Beilage zur D I Z. отъ 1 авг. 1912 г.— Истцомъ-художникомъ было написано по заказу отвѣтчицы въ ея домъ на парадной лѣстницѣ фреско „Скалистый островъ съ сиренами“, причемъ послѣднія были въ обнаженномъ видѣ. Хотя ничего непристойнаго это изображеніе не заключало, отвѣтчица приказала постороннему лицу передѣлать рисунокъ такъ, чтобы сирены были одѣты. Художникъ предъявилъ искъ объ устраненіи измѣненій и пр., ссылаясь на свое, eines nahmhaften Künstlers, Persönlichkeitsrecht. Оставивъ безъ послѣдствій жалобу отвѣтчика на рѣше

Столь же возможнымъ оказывается устраненіе затрудненій, рождаемыхъ правиломъ о предоставленіи издателю древней рукописи „авторскаго права" въ теченіе 50 лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ (ст. 30). Несомнѣнно, что законъ разумѣетъ здѣсь исключительно право на извлеченіе матеріальныхъ выгодъ, даваемое въ награду за доставленіе полезной обществу рукописи.

Что въ ст. 30 рѣчь идетъ скорѣе объ издательскихъ, чѣмъ авторскихъ правахъ, подтверждается, между прочимъ, фактомъ лишенія издателя древней рукописи права воспрещать другимъ лицамъ издавать въ самостоятельной обработкѣ ту же рукопись (2 ч. 30 ст.).

ніе аппелляціонной инстанціи удовлетворившей искъ, Рейхсгерихтъ въ этомъ дѣлѣ высказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Заказчикъ можетъ по пріобрѣтенному полному праву на произведеніе искусства отчудить его выставлять или даже уничтожить, но онъ не долженъ этимъ посягать на художественныя свойства произведенія, а черезъ то и на личное право художника... Измѣненіемъ художественнаго произведенія отвѣтчица нарушила остающееся въ силѣ несмотря на полученныя ею права авторское право художника" (Durch die Veränderúng des Kunstwerks habe sie das trotz Uebertragung des Eigenthums uestbestehende Ur heberecht des Kiiustlers verletzt). Разсужденія Германскаго высшаго суда чрезвычайно характерны на почвѣ примѣненія германскаго закона, буква котораго въ гораздо меньшей степени, чѣмъ новый русскій законъ, оттѣняетъ личныя права автора. Рейхсгерихтъ называетъ право заказчика „правомъ собственности" и ссылается, между прочимъ, на аналогію § 12 закона 9 января 1907 г. Этому § въ нашемъ Положеніи соотвѣтствуетъ ст. 20, по которой лицо, пріобрѣвшее авторское право вполнѣ или въ части, не вправѣ вносить самовольныя измѣненія въ произведеніе. Несомнѣнно однако что указанное право художника на искъ о воспрещеніи измѣненій вытекаетъ не изъ спеціальной нормы закона—спеціальная норма и въ Германіи и у насъ говорить о договорѣ „отчужденія" авторскаго права—а изъ болѣе общаго начала, которое въ нашемъ случаѣ означаетъ, что авторское право на всякое художественное произведеніе, т. е., значитъ, включая исполненныя на заказъ изображенія, такъ же, какъ и художественные портреты и бюсты, возникаетъ и продолжается единственно въ лицѣ художника. Такъ обстоитъ дѣло въ Германіи, такъ обстоитъ оно и у насъ.

Такое лишеніе было бы недопустимымъ посягательствомъ на авторскую личность и авторское право, если бы издатель рукописи дѣйствительно отождествлялся съ авторомъ [1]).

Что касается предоставленія авторскаго права издателю газетъ и журналовъ, то это находится въ прямомъ, непримиримомъ и неустранимомъ противорѣчіи съ провозглашеннымъ самими составителями закона началомъ: „субъектъ авторскаго права — творецъ произведенія". Законъ игнорируетъ редактора, игнорируетъ его творчество. Не упомянувъ о редакторѣ, законъ даетъ основаніе думать, что полнота авторскихъ правъ на періодическое изданіе принадлежитъ одному издателю. Соотвѣтствуетъ ли это цѣли и задачамъ закона, старавшагося воздавать suum cuique? Ст. 14 объединяетъ издателей газетъ, журналовъ и повременныхъ изданій съ издателями словарей, альманаховъ и иного рода сборныхъ трудовъ, составленныхъ изъ отдѣльныхъ произведеній различныхъ авторовъ: всѣ эти лица пользуются авторскимъ правомъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ со времени появленія произведенія въ свѣтъ. Но между издателемъ, скорѣе составителемъ, словаря или альманаха, съ одной стороны, и издателемъ газеты съ другой, какъ

---

[1]) Въ противоположность издателю древней рукописи, имъ не созданной, а только найденной, составитель сборника народнаго искусства: народныхъ пѣсенъ и мелодій, пословицъ, сказокъ, повѣстей, былинъ (см. подробное перечисленіе въ ст. 13) можетъ явиться дѣйствительнымъ субъектомъ авторскихъ правъ въ отношеніи обработаннаго „сборника".

Статья закона о „древней рукописи" (Inedita) уже встрѣчаетъ осужденіе въ юридической литературѣ, какъ правило лишнее и давно отвергнутое на Западѣ. Г. Шендорфъ высказываетъ опасеніе, что суды у насъ именно на основаніи подобныхъ правилъ могутъ заключить, „что у насъ всякій умственный трудъ защищенъ, что было бы крайне нежелательно" (Право, 1911 г., № 28). Многіе читаютъ совершенно достаточнымъ возмездіемъ для такого издателя вознагражденіе, связанное съ первымъ опубликованіемъ рукопи-

субъектами права, существуетъ неизмѣримая разница. Въ то время, какъ составитель словаря или альманаха создаетъ новые продукты духовнаго творчества, хотя бы путемъ компиляціи старыхъ, издатель газеты, по общепринятому представленію, является лишь участникомъ въ снабженіи газеты экономическими средствами для извлеченія прибыли изъ чужого творчества. Къ этому творчеству причастны сотрудники, авторы отдѣльныхъ произведеній, и редакторъ, группирующій, дополняющій, дающій направленіе, размѣщающій матеріалъ согласно единому плану и общей идеѣ. Проектъ Гражд. Улож. впервые соединилъ вмѣстѣ всѣхъ указанныхъ издателей, въ томъ числѣ издателя газеты и журнала, и отвергнулъ права редактора. Онъ исходилъ изъ того: 1) что право издателей есть авторское право производное и 2) что авторское право отождествляется съ правомъ извлеченія матеріальной выгоды изъ произведенія, которая въ повременныхъ изданіяхъ должна идти въ пользу издателя, а не редактора. Составители новаго закона, очевидно, также придерживаясь убѣжденія, что право на доходы отъ повременнаго изданія принадлежитъ исключительно издателю (хотя это не совсѣмъ вяжется съ нашими газетными обычаями), сочли нужнымъ усвоить точку зрѣнія Проекта гражданскаго уложенія. Но кто является носителемъ, такъ сказать,

---

см. Kohler, посвятившій немало вниманія вопросу объ Inedita, пришелъ къ безповоротному выводу, что неправильно съ юридической точки зрѣнія и вредно для интересовъ просвѣщенія предоставленіе даже ограниченныхъ авторскихъ правъ издателю рукописей и надписей, см. Kohler'a: Das literarische und artistische Kunstwerk und sein Autorschutz, S. 15, а также его Autorrecht, S. 164.

Нашъ законъ обнаруживаетъ чрезвычайную щедрость, давая издателю Inedita предупредительно, помимо всего прочаго, столь длинный срокъ защиты.

Само собою разумѣется, что все это не касается изданія древней рукописи въ особой отдѣлкѣ в системѣ, гдѣ имѣются уже права автсрекія.

истинно-авторскихъ правъ на газету и журналъ, въ комъ законъ видитъ литературнаго представителя періодическаго изданія и творца отдѣльныхъ нумеровъ,— этому составители закона, въ данномъ случаѣ не посвятили должнаго вниманія. Не найдемъ отвѣта на вопросы, которые возникаютъ и будутъ возникать на практикѣ: вправѣ ли редакторъ газеты преслѣдовать нарушителя за позаимствованіе и другіе акты, затрагивающія не экономическіе интересы, а литературную честь изданія? Можетъ ли редакторъ реагировать на систематическую перепечатку, безъ указанія источника, никѣмъ неподписанныхъ матеріаловъ, на недобросовѣстное искаженіе перепечатываемаго? Если въ этихъ случаяхъ выступать долженъ не редакторъ, а издатель, то въ чемъ будетъ заключаться „законный интересъ издателя на защиту", коль скоро матеріально онъ не пострадалъ и не страдаетъ?

Трудно допустить, чтобы, при отсутствіи прямого закона, наши суды все-таки рѣшились на признаніе правъ редактора въ тѣхъ же предѣлахъ, въ которыхъ признаются личныя права автора тѣмъ болѣе, что духовная связь редактора съ изданіемъ, несомнѣнно, слабѣе связи оригинальнаго произведенія съ его творцомъ. Однако и полное отрицаніе правъ редактора во многихъ случаяхъ едва ли соотвѣтствовало бы истинной цѣли закона. Когда нарушеніе является прямымъ посягательствомъ на творческую работу редактора и когда никто иной, кромѣ редактора, по самой природѣ вещей не можетъ возбудить преслѣдованіе, редакторъ все же долженъ имѣть право иска о воспрепятствованіи нарушеніямъ. [1])

---

[1]) Было бы гораздо цѣлесообразнѣе, если бы понятіе „авторъ" и „авторское право" употреблялись въ точно опредѣленномъ смыслѣ: этого мы въ правѣ требовать отъ закона, соприкасающагося со столь деликатной матеріей, какъ область искусства и науки. Хотя для серьезнаго юриста, теоретика или практика, терминъ

Послѣ смерти автора, въ пятидесятилѣтній срокъ (ст. II), въ теченіе котораго, по мысли закона, лицо автора обыкновенно исчезаетъ изъ воспоминаній, идеальной носительницей авторскаго права является эта, такъ сказать, еще не ушедшая окончательно, личность автора, насколько она продолжаетъ существовать въ его близкихъ людяхъ (наслѣдникахъ). Идея о нѣкоторомъ продолженіи личности наслѣдодателя въ его наслѣдникахъ, оказавшая такую большую услугу наслѣдственному праву и отвергнутая сторонниками матеріалистическихъ ученій, въ настоящее время пріобрѣтаетъ реальное значеніе въ правѣ, благодаря развитію представленія о личныхъ правахъ гражданина, требующихъ защиты и послѣ смерти физическаго субъекта.

стоитъ на второмъ планѣ сравнительно съ сущностью дѣла,—особенно въ Россіи, гдѣ редакція дѣйствующихъ законовъ систематически воспитываетъ въ изслѣдователѣ недовѣріе къ терминологіи вообще,—но все же нельзя игнорировать совершенно значеніе правильныхъ терминовъ.Подъ авторскимъ правомъ,если отрѣшиться на время отъ общественныхъ чертъ института и стоять исключительно на точкѣ зрѣнія частно-правной, можно понимать, во всякомъ случаѣ, только специфическое право творца произведенія. Между тѣмъ законодатель трактуетъ объ авторскомъ правѣ издателя, оговариваясь въ мотивахъ, что въ этомъ случаѣ имѣется въ виду „авторское право производное". Законъ въ этомъ отношеніи слѣпо идетъ за германскимъ законодательствомъ, подверженнымъ старымъ традиціямъ и едва ли заслуживающимъ подражанія въ данномъ случаѣ. Замѣчаемое въ Положеніи обиліе „авторовъ" есть нѣчто, не только противорѣчащее нашему правосознанію и жизни, не только способное внести путаницу въ судебную приктику, но угрожающее даже прямымъ вредомъ для интересовъ третьихъ лицъ, каковы кредиторы мнимыхъ „авторовъ". Можно привести много примѣровъ, когда безразличное отношеніе закона къ терминамъ „авторъ" и „авторское право" въ состояніи колебать все зданіе авторскаго права, если только судебная практика не придетъ своевременно на помощь разумнымъ толкованіемъ закона на основаніи его истиннаго содержанія. Когда рѣчь идетъ о субъектахъ авторскаго права, прежде всего необходимы принципіальность, проведеніе грани между творцомъ и не-творцомъ, отдѣленіе овецъ отъ козлищъ.

Такое личное благо, какъ честь, ограждается закономъ отъ посягательствъ не только при жизни, но и въ продолженіе извѣстнаго промежутка послѣ смерти лица. Въ области авторскаго права вся сила охраны по смерти автора зиждется именно на сознаніи непрерывающейся личной связи автора съ его произведеніемъ до тѣхъ поръ пока живутъ люди, наиболѣе близкіе автору. Мы имѣемъ дѣло какъ бы съ посмертнымъ авторскимъ правомъ, представителями и субъектами котораго являются наслѣдники.

Подъ наслѣдниками разумѣются наслѣдники по закону, завѣщанію, а также легатарій, если ему спеціально завѣщано авторское право. Участіе другихъ легатаріевъ, въ какомъ-либо осуществленіи авторскихъ правъ недопустимо, такъ какъ подобные легатаріи ни въ одномъ смыслѣ не являются продолжателями личности автора.

Вызванное, по объясненію законодательныхъ мотивовъ, соображеніями цѣлесообразности,—нѣкоторое расширеніе наслѣдственныхъ правъ родителей и супруга, получающихъ авторское право, при отсутствіи другихъ наслѣдниковъ, „въ собственность", какъ говоритъ законъ, т. е. цѣликомъ—не въ части—а вмѣстѣ въ „общую собственность", въ равныхъ доляхъ (ст. 6), гармонируетъ, несомнѣнно, и съ принципами авторскаго права и съ обще-гражданскими тенденціями наслѣдственнаго права.

Проектированное СПБ. Литературнымъ Обществомъ правило о томъ, чтобы въ случаѣ, ежели авторъ не оставилъ завѣщанія, авторское право переходило къ супругу и дѣтямъ, а при ихъ отсутствіи—къ родителямъ, братьямъ и сестрамъ и ихъ дѣтямъ (Докладъ, стр. 33), не встрѣтило сочувствія законодателя. Интересно отмѣтить, что Литературное Общесово аргументировало свое предложеніе тѣмъ, что цивилисты вообще смотрятъ отрицательно на переходъ правъ въ дальнимъ родичамъ. Почему же однако протестъ противъ „веселаго наслѣдника" и „американскихъ дядюшекъ" долженъ былъ бы начинаться именно съ авторскаго права? Резонно почтенное Общество указывало, что при системѣ наслѣдниковъ по закону много литературныхъ наслѣдствъ переходитъ не къ тѣмъ близкимъ, которые были дѣйствительно „близкими" по жизни и духу

покойному. „Чего стоитъ одна жена Пушкина, можно сказать, дважды погубившая его: одинъ разъ, когда она его подвела подъ пулю Дантеса; а другой разъ, когда благодаря ей и ея ходатайствамъ двадцатипятилѣтній срокъ (авторскаго права) былъ превращенъ въ пятидесятилѣтній, который именно на сочиненіяхъ Пушкина отразился особенно тяжело... Чтобы указать на примѣръ ненормальности литературнаго наслѣдованія дальнихъ родичей, укажемъ на возмутительный переходъ авторскихъ правъ Лермонтова къ лицу, совершенно ему чуждому" (Докладъ К-ссіи Лит. О-ва, стр. 35). При всей убѣдительности этихъ указаній Положеніе объ авторскомъ правѣ не могло однако сузить самый кругъ наслѣдниковъ, тѣмъ болѣе, что изъ примѣровъ Литературнаго Общества видно, что даже жена не всегда—истинно—близкій автору человѣкъ, способный быть носительницей его личности послѣ его смерти. Законъ въ данномъ случаѣ не счелъ нужнымъ далеко отступить отъ принятыхъ гражданскимъ правомъ началъ о наслѣдованіи, считая, что мѣриломъ близости при посмертномъ переходѣ авторскаго права должна служить та же родственная связь, какая принимается во вниманіе въ настоящее время при наслѣдованіи вообще. Авторамъ, которые пожелаютъ для себя измѣнить эти начала, придется не пренебрегать духовными завѣщаніями.

На унаслѣдованное произведеніе искусства авторское право въ лицѣ самихъ наслѣдниковъ никогда не возникаетъ: личность творца произведенія — всегда и неизмѣнно источникъ и мѣрило правъ и правомочій. Даже произведенія, публикуемыя впервые наслѣдниками въ любой моментъ послѣ смерти автора, пріурочены закономъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ въ отношеніи срока защиты, къ фигурѣ ихъ творца, а не наслѣдника [1]).

---

[1]) На посмертныя произведенія — категорически предписываетъ законъ—срокъ авторской защиты долженъ исчисляться со времени смерти автора, хотя бы въ подлежащихъ статьяхъ Положенія было указано исчисленіе срока со времени появленія въ свѣтъ произведенія (ст. II, ч. 2). Нашему законодателю удалось избѣгнуть соблазна продолжительной французской практики, принимающей во вниманіе при посмертныхъ произведеніяхъ только время ихъ

Къ наслѣдникамъ переходитъ авторское право не въ качествѣ самостоятельнаго, экономическаго блага, а какъ нѣчто, неразрывно связанное съ духовнымъ обликомъ праводателя, имѣющее цѣнность личную наряду съ имущественной. Поэтому наслѣдникъ не только пользуется исключительнымъ правомъ на денежныя выгоды произведенія, но ему принадлежитъ и право охраны моральныхъ интересовъ, связанныхъ съ произведеніемъ. Наслѣдникъ вправѣ по закону преслѣдовать лицъ, посягающихъ на содержаніе произведенія, пользующихся произведеніемъ, хотя и въ дозволенныхъ предѣлахъ, но безъ указанія источника заимствованія. Изъ того, что пріобрѣтатель всѣхъ или отдѣльныхъ имущественныхъ правомочій не вправѣ издавать либо публично исполнять произведеніе съ измѣненіями, безъ согласія наслѣдниковъ автора (ст. 70) слѣдуетъ, что наслѣдникъ уполномоченъ закономъ разрѣшать такія измѣненія, а стало быть и самъ можетъ производить всякія передѣлки въ произведеніяхъ наслѣдодателя. Это право наслѣдниковъ широкое и даже черезчуръ широкое, допускающее возможность злоупотребленія произведеніемъ въ ущербъ общественнымъ интересамъ [1]).

опубликованія. Впрочемъ французскіе юристы вынуждены настаивать. что законъ этимъ не признаетъ самобытнаго права наслѣдниковъ, что здѣсь все дѣло въ практическихъ соображеніяхъ, а именно въ желаніи поощрить наслѣдника къ печатанію посмертныхъ трудовъ своего праводателя. См. Pouillet, op. cit, p. 221: S a loi, dans ce cas, règle la durée du droit sur la vie du publicateur, ce n'est pas qu'elle le considére le moins du monde comme un auteur Elle a craint que le propriétaire de l'ouvrage posthume n'ayant aucun interêt ou ayant un mince interêt a le publier (черезъ продолжительное время послѣ смерти наслѣдователя) le laissât dans l'oubli ou même ne se fit aucun scrupule de le detruire.

[1]) Личное начало унаслѣдованнаго авторскаго права опредѣляетъ собой не только права отдѣльныхъ наслѣдниковъ, но и ихъ взаимныя правоотношенія. Объединенныя всѣ вмѣстѣ, какъ нера-

За исчезновеніемъ авторскаго права, какъ личнаго достоянія, съ истеченіемъ такъ называемаго „срока авторской защиты“, субъектомъ правъ на произведеніе становится общество, къ которому переходятъ и выгоды отъ произведенія искусства и охрана его отъ посягательствъ. Это положеніе является краеугольнымъ камнемъ института авторскаго права.

Произведеніе не превращается въ безхозяйную вещь, которую можетъ принять въ свое исключительное обладаніе (оккупировать) всякій, въ res nullius. Хотя законъ говоритъ о «прекращеніи авторскаго права», но онъ разумѣетъ прекращеніе въ лицѣ автора и его наслѣдниковъ. Вмѣстѣ съ этимъ прекращеніемъ одновременно возникаетъ, безъ всякаго промежутка, новое право въ лицѣ общества, и законодатель, ограничивая наслѣдниковъ (и самого автора) извѣстнымъ срокомъ, имѣлъ въ виду именно скорѣйшее наступленіе господства

дѣльное цѣлое, въ лицѣ умершаго автора, права наслѣдниковъ находятся межъ собой въ постоянной связи и зависимости. Поэтому, если бы, напримѣръ, послѣ принятія наслѣдства сонаслѣдникъ отказался отъ своего права, послѣднее переходитъ къ другимъ наслѣдникамъ.

Можно себѣ представить случай, когда изъ двухъ наслѣдниковъ по завѣщанію, вступившихъ въ фактическое обладаніе авторскимъ правомъ, одинъ затѣмъ умеръ, не оставивъ съ своей стороны правопреемниковъ ни по закону, ни по завѣщанію. Какова судьба правъ умершаго? Отвѣтъ: они достаются пережившему наслѣднику. Иной порядокъ вообще допустить немыслимо: вѣдь, о выморочности на авторскомъ правѣ нѣтъ и рѣчи, равнымъ образомъ общественнымъ достояніемъ оно не можетъ стать въ части. Переходъ права отъ сонаслѣдника къ сонаслѣднику оказывается здѣсь единственно возможнымъ и единственно законнымъ, ибо хотя законъ говоритъ о такомъ переходѣ только между соавторами (см. стр. 104), но права сонаслѣдниковъ, совокупныхъ продолжателей и носителей авторской личности, должны конструироваться, по разуму закона, именно аналогично съ тѣмъ, какъ конструируются права соавторовъ (насколько такая аналогія не противорѣчитъ самому существу отношеній).

Въ какой мѣрѣ отвѣчаютъ дѣйствительности эти выводы—нетрудно указать другіе примѣры, подобные приведеннымъ—покажетъ будущая практика.

всего общества надъ произведешемъ искусства, что не подлежитъ никакому сомнѣнію. Съ точки зрѣнія формально-юридическій взглядъ на общество, какъ на субъекта права, является чѣмъ-то неопредѣленнымъ, На самомъ дѣлѣ слѣдуетъ согласиться, что общество такъ же, какъ и государство, можетъ обладать правами, и въ этомъ отношеніи не потеряли до сихъ поръ смысла слова Моля, сказанныя имъ по другому поводу: «Правильную границу между государственнымъ правомъ и общественнымъ найти легко, такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, къ которой изъ двухъ областей принадлежатъ извѣстныя жизненныя отношенія, именно составляютъ ли они часть сознательнаго государственнаго организма или естественное произведеніе человѣческаго интереса» [1]). Все авторское право движется въ сторону усиленія общественнаго элемента. Недалеко, быть можетъ, время, когда общество будетъ фактически осуществлять свои права на произведеніе черезъ свои органы.

Что это представительство общественныхъ органовъ является необходимымъ, чувствуется уже нынѣ и будетъ особенно ощущаться впредь, при примѣненіи на практикѣ нормъ авторскаго права.

Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, сомнѣваться, что общество, обладающее, какъ мы видѣли, нѣкоторыми правами еще даже при жизни автора, а тѣмъ болѣе управомоченное послѣ его смерти, должно самостоятельно ограждать свои интересы? Спрашивается: какимъ образомъ оно, напр., могло бы реагировать на то, что наслѣдникъ дѣлаетъ въ произведеніи измѣненія, подрывающія въ корнѣ значеніе самаго произведенія, въ виду его несочувствія идеямъ и идеаламъ автора или по другимъ причинамъ? Категорическое воспрещеніе наслѣднику касаться содержанія произведенія можетъ

---

[1]) Робертъ Моль, Энциклопедія Государственныхъ наукъ, 1868 г., стр. 147.

привести къ другой крайности. Такое воспрещеніе лишіало бы наслѣдника возможности вносить измѣненія, иногда прямо необходимыя съ теченіемъ времени для поддержанія авторитета произведенія, скажемъ, курса гражданскаго права, написаннаго при дѣйствіи впослѣдствіи отмѣненныхъ законовъ. Удовлетворительно проблема могла бы быть разрѣшена только тогда, если бы возникающія недоразумѣнія каждый разъ разрѣшались при участіи какъ самихъ наслѣдниковъ, такъ и представителей общества. Именно отсутствіе такого органа и привело законодателя къ уничтоженію всякаго ограниченія для наслѣдника и къ установленію его неограниченнаго права на измѣненія. Sed quid costodiet custodes? спрашиваетъ французскій юристъ [1]) по поводу права наслѣдниковъ на измѣненія—и отвѣчаетъ:

A notre avis, pourront intervenir tous cenx qui justifieront d'un intérêt personel, si minimime soit—il: ainsi l'anteur d'une édition loyale, auquel par exemple une édition abrégée, et paltant moins coûtense, viendrait faire une concurrence illicite amsi, en matiere artistique, le proprietaire de l'oenvre originale auquel des reproductions defectuueses peuvent faire tort. Ainsi encore, et surtout, les parents de l'auteur qui portent le même nom patronymique que lui: ce qù'il s'agit de defendre en effet, c'est le renom atristique dont l'éclat resaillit sur la famille tout entiere.

Такимъ образомъ по мнѣнію Masse'a, можетъ дѣйствовать владѣлецъ «законнаго изданія», терпящій вредъ отъ нелойяльнаго измѣненія (а если такого лица не существуетъ?) и даже родные автора, носящіе одну съ нимъ фамилію.

Такъ далеко едва ли, однако, можно итти, тѣмъ болѣе, что и по словамъ самого Masse'a, всѣ эти лица не осуществляютъ правъ на произведеніе (n'exercent le droit moral), а дѣйствуютъ лишь въ собственныхъ интересахъ и въ мѣру этихъ интересовъ.

---

[1]) Masse, Le droit moral de l'auteur sur son oeuvre littéraire ou artistique 1906, p. 67.

Примиреніе правъ наслѣдниковъ съ одной стороны и общества — съ другой, и притомъ не только специально при измѣненіяхъ въ произведеніи, должно послѣдовать путемъ установленія особаго органа.

Литературное общество проектировало ограничить права наслѣдниковъ еще въ томъ, чтобы при извѣстныхъ условіяхъ понудить ихъ даже къ изданію произведенія. Предлагалось установить, какъ правило, что если черезъ 5 или болѣе лѣтъ послѣ смерти автора какое-либо изъ его произведеній по какой бы то ни было причинѣ отсутствуетъ на книжномъ рынкѣ и правопреемники автора не имѣютъ намѣренія издавать его вновь, то каждый желающій имѣть право сдѣлать это при соблюденіи предписанныхъ формальностей (Доклада стр. 37). Понятно, что произвольное уклоненіе наслѣдниковъ отъ изданія заключаетъ въ себѣ извѣстное нарушеніе правъ общества. Но развѣ невозможно допустить, что у наслѣдника будетъ, причина чисто моральнаго свойства, которая заставитъ его не издавать произведенія въ теченіе времени болѣе 5 лѣтъ послѣ смерти автора? Очевидно, что и здѣсь идетъ рѣчь о коллизіи правъ двухъ субъектовъ, наслѣдника и общества, требующей особаго разрѣшенія въ каждомъ конкретномъ случаѣ. См. Masse, Le droit moral de l'auteur etc, p. 67.

Когда произведеніе становится цѣликомъ общественнымъ достояніемъ, защита правъ общества въ это время, противъ недобросовѣстныхъ посягательствъ на произведеніе требуетъ не только принципіальнаго признанія общества субъектомъ права, но прямого и полнаго приспособленія его органовъ къ осуществленію этого права [1]).

---

[1]) Во Франціи вопросъ объ общественныхъ органахъ для защиты и охраны произведеній искусства отъ посягательствъ не только со стороны третьихъ лицъ, но и со стороны наслѣдниковъ автора недавно лишь вызвалъ большое оживленіе какъ въ юридической, такъ и въ общей литературѣ. Октавъ Мирбо предлагалъ, чтобы цензура была преобразована въ институтъ для опеки надъ произведеніями великихъ писателей Франціи, другіе требовали участія въ данномъ случаѣ университетовъ и академій. Нѣкоторые настаиваютъ во Франціи даже на учрежденіи для указанной цѣли особаго министерства (см. Masse, op. cit, 135).

Судьба выдающихся произведеній ума послѣ смерти ихъ твор-

ГЛАВА VI.

Отвѣтственность за нарушеніе авторскаго права.

Составители закона заботились не только о выясненіи и освѣщеніи природы авторскаго права, его субъекта и объекта, но также о прочныхъ средствахъ возстановленія нарушеннаго авторскаго права—и въ созданіи этихъ средствъ видѣли особую свою заслугу. Нельзя, однако сказать, чтобы именно здѣсь составителями достигнуты были всѣ наилучшіе результаты.

Положеніе объ авторскомъ правѣ знаетъ мѣры на случай нарушенія и по случаю нарушенія. Къ первымъ относятся мѣры превентивнаго характера—уничтоженіе или передача истцу по оцѣнкѣ орудій изготовленія и самихъ экземпляровъ (ст. 24). Ко вторымъ: a) наказаніе за умышленное нарушеніе, b) денежное взысканіе за причиненный ущербъ. Останавливаясь на гражданскихъ послѣдствіяхъ нарушенія, слѣдуетъ отмѣтить, что новое въ правилахъ о возмѣщеніи ущерба отъ незаконнаго пользованія чужимъ произведеніемъ заключается въ категорическомъ и точномъ постановленіи о томъ, что при опредѣленіи размѣра вознагражденія судъ руководствуется, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, справедливымъ усмотрѣніемъ (ст. 23 и др.) [1].

цовъ въ Россіи показала, что у насъ такого рода общественное вмѣшательство и общественное представительство всего болѣе кстати.

Отсутствіе общественной инниціативы можетъ привести къ тому, что послѣ смерти автора, при извѣстной ситуаціи, постороннія лица—издатель или кто-либо другой—въ состояніи будутъ использовать, даже въ имущественномъ отношеніи, права и выгоды, по существу принадлежащія обществу...

Останавливаться дольше на этомъ предметѣ авторъ не находитъ возможнымъ. Вообще, затронутый здѣсь вопросъ имѣетъ значеніе лишь съ точки зрѣнія проблемъ будущихъ реформъ, его можно только намѣтить.

[1]) Постановленія о томъ, что нарушившій авторское право умышленно или по неосторожности долженъ вознаградить потерпѣвшаго за весь убытокъ, а нарушившій авторское право добросовѣстно,

Имущественныя интересы автора достаточно гарантируются противъ нарушеній. Иначе дѣло обстоитъ въ отношеніи огражденія личныхъ правъ автора: здѣсь опредѣленной отвѣтственности въ гражданскомъ порядкѣ законъ не устанавливаетъ. Оскорбленному въ своихъ личныхъ правахъ автору пришлось бы такимъ образомъ прибѣгнуть къ уголовному суду, а если бы посягательство не заключало въ себѣ состава преступленія, авторъ лишенъ былъ бы всякой защиты, хотя бы его духовные интересы страдали самымъ чувствительнымъ образомъ... Едва ли однако такая почти полная безотвѣтственность нарушителя не матеріальныхъ интересовъ автора дѣйствительно входила въ разсчеты составителей новаго закона.

Проектъ гражданскаго уложенія, отвергая возможность денежнаго вознагражденія за причиненный автору не-матеріальный вредъ, поступалъ послѣдовательно. Разсуждая, между прочимъ, объ опубликованіи чужого произведенія подъ своимъ именемъ (плагіатѣ), редакторы гражданскаго уложенія замѣчали: «Присвоеніе авторскаго имени съ одной стороны является посягательствомъ на чужую авторскую славу, а съ другой стороны оно причиняетъ имущественный вредъ автору литературнаго произведенія. Какъ посягательство на авторскую славу, дѣяніе это, конечно, нарушаетъ личные интересы автора и является дѣяніемъ безнравственнымъ. Но такая безнравственность дѣянія сама по себѣ не даетъ еще права требованія потерпѣвшимъ вознагражденія за убытки» [1]). Послѣдовательность Проекта гражд. улож. заключалась

по извинительной ошибкѣ, отвѣчаетъ за убытокъ въ размѣрѣ, не превышающемъ полученной прибыли (ст. 21 и 22), сами по себѣ ничего специфическаго не содержатъ. Они - прямые выводы изъ общихъ принциповъ возврата убытковъ и неправомѣрнаго обогащенія. Ср., между прочимъ, Н. А. Полетаевъ, Иски изъ незаконнаго обогащенія, 1892 г., стр. 54.

[1]) Проектъ Гражд. Улож. съ объясненіями, кн. 3, т. 3, 1902 г. стр. 385.

въ томъ, что редакторы самое авторское право считали правомъ чисто имущественнымъ, и во-вторыхъ въ томъ, что Проектъ признавалъ возможность взысканія вознагражденія за не-матеріальный вредъ только въ опредѣленныхъ случаяхъ (причиненіе смерти, увѣчья, посягательство на честь и свободу), къ категоріи которыхъ нарушеніе авторскаго права не относилось. Новый законъ никакимъ ограниченіямъ въ этомъ смыслѣ не подверженъ. Между тѣмъ присужденіе вознагражденія за моральный вредъ не только не противорѣчитъ въ чемъ-либо идеѣ личныхъ правъ автора, но наоборотъ, служитъ лишь къ подтвержденію и укрѣпленію этихъ правъ. Именно развитіе авторскихъ правъ служило на Западѣ одной изъ причинъ распространенія самаго ученія о возмѣщеніи не-матеріальнаго вреда.

Согласятся ли наши судьи примкнуть къ получающей въ послѣднее время универсальное распространеніе практикѣ романскихъ народовъ и Англіи, допускающихъ возможность возмѣщенія не-имущественнаго вреда? Во всякомъ случаѣ, сравнительно съ дѣйствующими гражданскими законами, также не заключающими серьезныхъ препятствій къ усвоенію англо романскаго начала денежной сатисфакціи за нравственный вредъ, [1]) Положеніе объ авторскомъ правѣ устраняетъ одну изъ самыхъ значительныхъ преградъ, вводя институтъ свободнаго, или справедливаго усмотрѣнія при опредѣленіи количества вознагражденія потерпѣвшему [2]). Трудно думать, что судьи удержатся

---

[1]) Пассекъ, Неимущественный интересъ въ обязательствѣ, 1893, стр. 65 и слѣд., Бѣляцкинъ, Возмѣщеніе моральнаго (не-имущественнаго) вреда, „Право“ № 29 и сл.—1911 г.

[2]) То, что ст. 21 говоритъ объ „убыткѣ“ отъ нарушенія авторскаго права, рѣшающаго значенія не имѣетъ: законъ предписываетъ возмѣщать весь убытокъ, но не только лишь убытокъ. Характерно, что Проектъ Гражд. Ул., откуда позаимствована въ измѣненномъ видѣ, большая часть постановленій Положенія объ

отъ присужденія автору, кромѣ имущественнаго ущерба, вознагражденія и за вредъ не-имущественный, когда, по обстоятельствамъ дѣла, признаютъ такое присужденіе справедливымъ и нужнымъ. [1])

Вѣдь, наши авторы не могутъ пользоваться даже тѣмъ могучимъ средствомъ защиты попираемыхъ гражданскихъ правъ, какимъ служатъ иски и требованія о воспрещеніи отвѣтчику будущихъ нарушеній (англійскія injunctions, нѣмецкія Unterlassungsklagen) въ возложеніемъ на отвѣтчика штрафа (или ареста) за каждое отдѣльное нарушеніе. Хотя и у насъ истецъ вправѣ въ судебномъ порядкѣ домогаться воспрещенія нарушителю будущихъ нарушеній, но о штрафѣ или арестѣ у насъ не можетъ рѣчи за отсутствіемъ закона [2]), почему эта именно мѣра не гарантируетъ автора въ достаточной мѣрѣ отъ систематическихъ терзаній его произведеній со стороны охотниковъ на чужую славу и чужія заслуги.

Издатель глумится надъ авторомъ, сопровождая произведеніе обидными примѣчаніями, вставляя въ каждое изданіе оскорбительныя предисловія, — какъ реагировать автору на подобное нарушеніе его права, путемъ какого требованія? Даже расторженіе договора— часто недостаточное удовлетвореніе для автора, тѣмъ болѣе, что такое право не всегда вытекаетъ изъ договора, въ которомъ издатели обыкновенно заранѣе оговариваютъ нарушенія, могущія повлечь прекращеніе договора.

Достойно вниманія, что по Проекту Гражданскаго

авторскомъ правѣ, подъ терминомъ „убытки" разумѣетъ и „нравственный вредъ" (см. ст. 1655, изд. 1906 г.).

[1]) О возмѣщеніи не-матеріальнаго вреда, какъ общемъ ученіи— Minozzi, Studio sul danno non patrimoniale, 1909, Dorville, De l'intérêt moral dans les obligations, 1901, Lehman, Die Schutzlosigkeit der immaterielien Lebensgüter beim Schadensersatz, 1884.

[2]) См. по этому поводу „Право", 1908 г., стр. 1230 и слѣд.

Уложенія за дѣйствія издателя, затрагивающія личность автора, послѣдній могъ бы требовать удовлетворенія въ видѣ денежнаго вознагражденія, такъ какъ по этому проекту при нарушеніи договоровъ и обязательствъ допускается, въ видѣ общаго правила, возмѣщеніе не-матеріальнаго (нравственнаго) вреда (ст. 1655, ч. 2). Такимъ образомъ съ отдѣльнымъ изданіемъ закона объ авторскомъ правѣ положеніе вещей внѣшнимъ образомъ какъ будто даже ухудшилось.

До суда уже доходятъ дѣла о систематическихъ перепечаткахъ чужихъ произведеній въ недозволенныхъ предѣлахъ и безъ указаній источника заимствованія. Вправѣ ли гражданскій судья оставить во всѣхъ этихъ случаяхъ автора безъ всякой защиты? Нѣтъ, не вправѣ. Между тѣмъ эта защита по существу своему ни въ чемъ иномъ выразиться не можетъ, какъ только въ формѣ денежнаго вознагражденія въ удовлетвореніе за нравственный вредъ.

Право возмѣщенія вреда за нарушеніе авторскихъ правъ принадлежатъ автору и его наслѣдникамъ. Само собою разумѣется, что при господствѣ общества надъ произведеніемъ искусства не можетъ быть рѣчи ни объ уголовной контрафакціи, ни о другихъ нарушеніяхъ авторскихъ правъ путемъ эксплоатаціи произведенія. Самый смыслъ господства общества заключается въ свободномъ пользованіи всѣхъ и каждаго произведеніемъ, въ виду отсутствія особой организаціи порядка пользованія и необходимости поэтому предоставить это самодѣятельности отдѣльныхъ членовъ общества. Но пользованіе должно быть правомѣрнымъ, исключающимъ посягательство на неприкосновенность произведенія и пренебрежительное отношеніе къ его содержанію (коверканіе, вставки). Ни законъ объ авторскомъ правѣ, ни спеціально уголовный законъ ничего не говорятъ о послѣдствіяхъ нарушенія общественныхъ правъ на произведеніе. Не предусмотрѣно

даже, какъ это ни странно, изданіе кѣмъ либо чужого произведенія, ставшаго общественнымъ достояніемъ, подъ своимъ именемъ. Если бы такое изданіе имѣло мѣсто, оно каралось бы всеобщимъ негодованіемъ, противъ такого изданія соціальный организмъ боролся бы, какъ противъ паразитарнаго явленія. Но какъ съ точки зрѣнія юридической? Законно ли подобное дѣяніе? Очевидно, что здѣсь приходится обращаться къ генеральному смыслу и цѣли закона, согласно которымъ такой поступокъ долженъ квалифицироваться, какъ общая неправомѣрность, какъ противорѣчіе общественному праву.

620 ст. Уголовнаго Уложенія, въ томъ видѣ, какъ она измѣнена съ изданіемъ Положенія объ авторскомъ правѣ, наказываетъ умышленное нарушеніе авторскаго права и самовольное изданіе и размноженіе произведенія съ цѣлью сбыта (контрафакція), а также самовольное изданіе чужого произведенія подъ своимъ именемъ (плагіатъ). Но дѣла о нарушеніи авторскаго права, въ томъ числѣ о преступномъ плагіатѣ, могутъ начинаться не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго, подъ которымъ законъ разумѣетъ автора, наслѣдника и вообще правопреемника. Стало быть остаются безъ уголовной защиты, между прочимъ: изданіе наслѣдникомъ подъ своимъ именемъ произведенія своего праводателя, такое же дѣйствіе издателя въ случаѣ смерти автора, не оставившаго наслѣдниковъ, то же дѣйствіе всякаго третьяго лица по истеченіи срока защиты авторскаго права. Такъ скупится государство на уголовныя кары, когда рѣчь идетъ о защитѣ правъ общества. Между тѣмъ, когда дѣло касается правъ самаго государства или юридическихъ лицъ публичнаго права на выморочное имущество, защита дается субъекту выморочнаго права не только по наступленіи выморочности, но и при самомъ открытіи наслѣдства, въ ожиданіи выморочности.

Такимъ образомъ и въ дѣлѣ установленія отвѣтственности за посягательства на произведенія искусства, такъ же, какъ въ другихъ случаяхъ, составители закона при практическомъ проведеніи своихъ идей въ жизнь допустили немало пробѣловъ:

судебная практика должна будетъ восполнить всѣ эти пробѣлы, придать закону видъ завершеннаго зданія. Сама идея законодателя не скрыта отъ внимательнаго взора; она проглядываетъ въ той или другой нормѣ, въ томъ или иномъ разсужденіи составителей; она способна указать судьѣ надлежащій путь, каждый разъ, какъ онъ пожелаетъ прибѣгнуть къ ея помощи. Нельзя упрекать законодателя въ томъ, что онъ не сдѣлалъ всѣхъ выводовъ изъ своихъ логическихъ построеній, не довелъ своего соціальнаго замысла до конца, не усвоилъ того, что и на Западѣ составляетъ еще только предметъ чаяній, надежду грядущаго. Но и въ рамкахъ сдѣланнаго нѣкоторые недостатки закона вполнѣ объяснимы и притомъ именно тѣмъ, что въ другихъ отношеніяхъ обусловливаетъ даже его достоинства. Составители все время старались смотрѣть на дѣло съ извѣстной высоты, — съ той высоты, которая соотвѣтствовала бы достоинству предмета и его значенію для жизни и культуры. Законодатель избѣгалъ мелочныхъ постановленій и мелочной регламетаціи...

Онъ старался дать лишь общія указанія и директивы, сознавая, что на первомъ планѣ для исполнителей должна быть мысль закона, а его буква — на второмъ.

ГЛАВА VIII.

Роль суда по Положенію объ авторскомъ правѣ 20 марта 1911 г.

Какъ было указано въ началѣ очерка, значеніе Положенія 20 марта 1911 г. не исчерпывается реформой спеціальной области авторскаго права. Положеніе затрагиваетъ проблему обще-правового характера о предѣлахъ компетенціи суда при разборѣ спорныхъ дѣлъ. Составители окончательно отрѣшились отъ старой точки

зрѣнія на судью, какъ механическаго исполнителя закона.

Предоставленіемъ опредѣлять размѣръ вознагражденія во всѣхъ случаяхъ „справедливому усмотрѣнію, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла", законъ сразу пошелъ противъ мнѣнія тѣхъ, которые такъ противились у насъ мысли о свободномъ усмотрѣніи судьи (das freie Ermessen), видя въ этомъ институтѣ пересаживаемый на нашу почву ненужный „иностранный цвѣтокъ". Съ трибуны Государственной Думы было высказано, что свободное усмотрѣніе судьи въ дѣлѣ оцѣнки ущерба, вызваннаго правонарушеніемъ, составляетъ одну изъ главныхъ цѣнностей новаго закона [1]). Уничтоженіе старыхъ пріемовъ, опредѣленія ущерба при нарушеніи авторскаго права путемъ ариѳметическихъ вычисленій и замѣна ихъ правомъ справедливаго судейскаго усмотрѣнія приведутъ, надо думать, къ оживленію судебной дѣятельности въ сферѣ авторскаго права. Всѣ тѣ процессы, отъ которыхъ ранѣе приходилось отказываться, не смотря на несомнѣнность нарушенія, въ виду невозможности вычислить математически точно размѣръ вреда, смогутъ теперь предстать на судъ, смогутъ получить законное разрѣшеніе. Откроется работа для суда, тяжущихся и ихъ представителей.

Законъ знаетъ трудность задачи суда въ данномъ случаѣ, но сознательно не далъ ему предустановленныхъ мѣрокъ для обязательнаго руководства, не установилъ никакого метода оцѣнки.

Остается ли необходимымъ для истца точно устанавливать размѣръ причиненнаго вреда (366 ст. Уст. гр. судопр.) и только при обнаруженіи объективной невозможности примѣняется справедливое усмотрѣніе, или же судъ можетъ назначить сумму по соображе-

---

[1]) См. рѣчь докладчика О. Пергамента. Ст. отч. Г. Д., засѣданіе 89. стр. 1428 и слѣд.

ніямъ справедливости внѣ всякой зависимости отъ доказыванія размѣровъ дѣйствительно причиненнаго ущерба?

Говоря о «размѣрѣ вознагражденія», а не о размѣрѣ ущерба, законъ этимъ даетъ самую широкую формулу для судейскаго усмотрѣнія. Что суду необходимо будетъ руководствоваться, согласно закону, „всѣми обстоятельствами дѣла", означаетъ лишь запретъ подъ видомъ «судейскаго усмотрѣнія» проводить „произвольное усмотрѣніе", какъ это не дозволяется во всѣхъ другихъ случаяхъ, не допустимость, чтобы судья былъ уполномоченъ, выражаясь словами Laun'a [1]), Eigennutz, Laune, Protection, Schikane zu Triebfedern seines Handelns zu machen. Проектъ Гражданскаго Уложенія по поводу «всѣхъ обстоятельствъ дѣла» указывалъ: «Руководящая мысль... статьи та, что судъ... будучи обязанъ руководствоваться обстоятельствами дѣла и по возможности сообразно съ нимъ опредѣлять размѣръ вознагражденія за нарушеніе авторскаго права, не ограниченъ обязанностью присуждать истцу вознагражденіе только въ размѣрѣ строго доказанныхъ убытковъ, но можетъ назначить сумму вознагражденія по своему усмотрѣнію въ томъ размѣрѣ, который по обстоятельствамъ дѣла можетъ быть признанъ основательнымъ» [2]). Судъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ долженъ рѣшать, слѣдуетъ ли отъ истца требовать предварительно данныхъ о дѣйсвительномъ размѣрѣ ущерба или же истцу должно быть присуждено «справедливое вознагражденіе» безъ этихъ данныхъ. Такая точка зрѣнія является единственно правильной, ибо если въ одномъ случаѣ справедливо понудить истца представить доказательство размѣра и

---

[1]) Das freie Ermessen und seine Grenzen, 1910, s. 176.

[2]) Кн. 3, т. 3, изд. 1902 г., стр. 390.

количества вреда, то въ другомъ случаѣ такихъ доказательствъ нѣтъ и быть не можетъ [1]).

Мало того, не всегда даже необходимо устанавливать, что ущербъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто: одна возможность ущерба даетъ суду основаніе для присужденія вознагражденія потерпѣвшему нарушеніе авторскаго права. Достаточно доказать правдоподобіе вреда — гипотетическій вредъ — и разумное рѣшеніе судьи должно, по обстоятельствамъ дѣла, его оцѣнить [2]). Какъ признано однимъ рѣшеніемъ миланскаго суда, „непоколебимымъ положеніемъ юриспруденціи является то, что при нарушеніяхъ авторскаго права, предполагающихъ всегда нѣкоторую недобросовѣстность, одно извращеніе истины (simulazione del vero) даетъ поводъ считать, что имѣется для автора ущербъ, хотя бы такъ называемый потенціальный“ [3]).

Иное примѣненіе нашего закона не соотвѣтствовало бы цѣли, которую ставили себѣ составители, и могло бы свести къ нулю самое постановленіе о справедливомъ усмотрѣніи.

Чѣмъ можетъ руководствоваться нашъ судья при опредѣленіи размѣра вознагражденія и какому контролю подлежитъ онъ въ этомъ случаѣ? Судья принимаетъ во вниманіе характеръ произведенія, и интересъ къ нему со стороны публики, большую или меньшую извѣстность автора, его доходъ отъ прежнихъ произведеній и многое другое. Учитывается не только дѣйствительный ущербъ—damnum emergens,—но и потерянная прибыль—lucrum cessans.

---

[1]) Имѣющіяся доказательства должны быть, разумѣется, представлены. Если въ нихъ нѣтъ исчерпывающихъ данныхъ о количествѣ ущерба, они имѣютъ значеніе приблизительныхъ указаній и не стѣсняютъ судъ въ окончательномъ опредѣленіи суммы вознагражденія, по свободному усмотрѣнію.

[2]) Rosmini, Legislazione e ginrisprudenza sui diritti d'autore, 1890 p. 570.

[3]) Rosmini, ibid.

Подлежитъ ли учету степень умысла нарушителя, вопросъ могущій вызвать споры. Такъ какъ Положеніе объ авторскомъ правѣ не содержитъ спеціальныхъ предписаній объ опредѣленіи количества присуждаемаго вознагражденія въ зависимости отъ умысла нарушителя, то суды не вынуждаются у насъ измѣрять разряды вины нарушителя. Не считаютъ обязательнымъ этотъ масштабъ также французскіе и итальянскіе суды и большинство цивилистовъ. Указаніе италіанскаго юриста Enrico Rosmini [1]), что „хотя законъ не разграничиваетъ степеней вины—igradi dolla colpa—но ни въ какомъ случаѣ не воспрещаетъ этого судьѣ, почему подобная практика была бы не нарушеніемъ закона—contraria alle legge—но бладѣтельнымъ его толкованіемъ", мало основательно и не можетъ встрѣтить сочуствія нашихъ гражданскихъ судей. Такъ какъ вознагражденіе присуждается, какъ возмѣщеніе для потерпѣвшаго, а не наказаніе для нарушителя, то оно должно, при отсутствіи противоположнаго указанія въ законѣ, соотвѣтствовать, по общему правилу, понесенному ущербу, а не винѣ нарушителя. Компенсацію за утерю нужно давать автору, какъ при умыслѣ нарушителя, такъ и при простой небрежности въ полномъ объемѣ и въ мѣру вреда.

Что касается контроля надъ судейскимъ усмотрѣніемъ, то, конечно, таковой принадлежитъ инструкціи, пересматривающей дѣло по существу и могущей, въ случаѣ надобности, повысить или понизить сумму вознагражденія „по своему усмотрѣнію". Напротивъ, ограничена въ данному случаѣ компетенція кассаціонной инстанціи, такъ какъ обстоятельства, при которыхъ назначается автору сумма вознагражденія за ущербъ, цѣлесообразность и т. д. относятся къ существу дѣла и не подлежатъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ,

---

[1]) Lègislazione e Giurisprudenza sui diritti d' autore. 1890, p. 566.

за исключеніемъ случаевъ злоупотребленія усмотрѣніемъ—Ermessensmissbrauch [1]) Такое злоупотребленіе усмотрѣніемъ будетъ налицо, когда при назначеніи суммы вознагражденія судъ допуститъ: а) умышленный произволъ, т. е. дѣяніе не только неправомѣрное, но весьма часто и преступное, в) противорѣчіе закону общему либо спеціальному объ авторскомъ правѣ, или же с) отклоненіе отъ какого-либо обще-признаннаго начала справедливости. Въ послѣднемъ случаѣ кассаціонной инстанціи приходится, въ видѣ исключенія, касаться даже фактическихъ обстоятельствъ дѣла.

Самодѣятельность суда проявляется и при заключеніяхъ о томъ, имѣется ли налицо самое нарушеніе авторскаго права, такъ какъ законъ говоритъ лишь о „нарушеніи" (ст. 21 и 22) и никакихъ указаній, въ чемъ слѣдуетъ его каждый разъ усматривать, не даетъ, предоставляя и эти справедливому усмотрѣнію суда. Къ тому же справедливому усмотрѣнію судъ прибѣгнетъ при возникновеніи споровъ о томъ, имѣется ли налицо „произведеніе искуства", въ какомъ случаѣ оно можетъ быть названо новымъ и самостоятельнымъ, каковы измѣненія, которыя издатель можетъ дѣлать въ произведеніи безъ разрѣшенія автора, въ чемъ заключаются уважительныя основанія, дающія автору право отказаться отъ договора съ издателемъ и пріобрѣтателемъ и пр. и пр.

Можно сказать, что ни въ одномъ принципіальномъ вопросѣ составители закона не игнорировали этой судейской самодѣятельности, всегда и неизмѣнно полагаясь на свободное сужденіе судьи и лишь выражая надежду, что опору для этого сужденія добросовѣстный судья найдетъ въ знаніи и опытѣ спеціалистовъ экспертовъ, приглашаемыхъ въ помощь суду—(Хотя

---

[1]) См. Oertmann, Freies und unfreies Ermessen, Deutsche Juristen—Zeitung, 1912, S. 190. Laun, Das freie Ermessen und seine Grenzen, 1910 S. 176, а также Rosmini, Diritti d' autore, № 297.

законъ не установилъ никакихъ специальныхъ правилъ для этой экспертизы, не создалъ особыхъ комитетовъ на подобіе существующихъ въ Германіи).

Это отношеніе къ дѣятельности суда чрезвычайно знаменательно и является на почвѣ рускаго права въ сущности первымъ серьезнымъ опытомъ раскрѣпощенія гражданскаго судьи. Если при изданіи судебныхъ установъ 1864 г. предполагалось освободить судью отъ связывавшихъ его умъ и совѣсть предуказанныхъ формъ, то, во всякомъ случаѣ, эта цѣль могла бы быть достигнута въ совершенствѣ только при соотвѣтствующемъ измѣненіи матеріальныхъ законовъ, при замѣнѣ казуистической и подробной регламентаціи гражданско-правовыхъ отношеній общими формулами, позволяющими судьѣ оцѣнивать индивидуальныя особенности отдѣльнаго случая.

Такимъ именно новымъ матеріальнымъ закономъ является Положеніе объ авторскомъ правѣ, охватывающее интересы столь разносторонніе и вмѣстѣ столь важные для общества и гражданъ. Взвѣшивать эти интересы каждый разъ и рѣшать, какому изъ нихъ должно быть отдано предпочтеніе, предоставлено судейской совѣсти, судейскому такту и опыту.

Подобнымъ взглядомъ на роль гражданскаго судьи нашъ законъ пріобщился къ новѣйшимъ тенденціямъ европейскаго положительнаго права (Германское Гражданское Уложеніе и въ особенности Швейцарское Уложеніе.)

Законодатель поставилъ передъ нашимъ судьей громадной важности задачу, правильное разрѣшеніе которой должно благотворно отразиться на всемъ нашемъ гражданскомъ правосудіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Одобренный Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою и Высочайше утвержденный 20 Марта 1911 года законъ объ авторскомъ правѣ.

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній установить прилагаемое при семъ Положеніе объ авторекомъ правѣ.

II. Пунктъ 1 статьи 1184 Законовъ гражданскихъ (Св. Зак., т. X, ч. 1, изд. 1900 г.) изложить слѣдующимъ образомъ;

1184. Особенный порядокъ наслѣдованія, различный отъ общаго, установляется въ слѣдующихъ случаяхъ: 1 въ наслѣдованіи авторскаго права;

III. Статью 31 Устава Гражданскаго Судопроизводства (Св. Зак., т. XVI, ч. 1., изд. 1892 г. и по Прод. 1906 г.) дополнить новымъ (5) пунктомъ, изложивъ таковой слѣдующимъ образомъ:

31. Вѣдомству мирового судьи не подлежатъ: . . . .
5) дѣла о предоставленіи права переложенія музыкальнаго произведенія на инструменты, воспроизводящія его механически.

IV. Статьи 217 и 1040 Устава Гражданскаго Судопроизводства (Св. Зак., т. XVI, ч. 1, изд. 1892 г.) изложить слѣдующимъ образомъ.

217. Дѣла о нарушеніяхъ авторскаго права начинаются, по усмотрѣнію истца, или въ томъ окружномъ судѣ, въ вѣдомствѣ коего послѣдовало нарушеніе сего права, или въ томъ, коему подсуденъ отвѣтчикъ по мѣсту жительства.

1040. Пріобрѣтеніе съ публичнаго торга литературнаго, музыкальнаго, художественнаго или фотографическаго произведенія не даетъ покупщику авторскаго права на это произведеніе.

V. Статьи 620 и 622 Высочайше утвержденнаго, 22 марта 1903 г., Уголовнаго Уложенія (П. С. З. № 22704) изложить слѣдующимъ образомъ:

620. Виновный въ умышленномъ нарушеніи чужого авторскаго права наказывается:

арестомъ или денежною пенею не свыше пятисотъ рублей.

Если нарушеніе сего права учинено самовольнымъ изданіемъ или размноженіемъ произведенія, съ цѣлью его сбыта, то виновный наказывается:

заключеніемъ въ тюрьмѣ.

Если же виновный самовольно издалъ чужое произведеніе подъ своимъ именемъ, то онъ наказывается:

заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ не ниже трехъ мѣсяцевъ.

622. Торговецъ, виновный въ храненіи для продажи или ввозѣ изъ-за границы для продажи или въ продажѣ предмета, завѣдомо изготовленнаго въ нарушеніе авторскаго права или привилегіи на изобрѣтеніе, наказывается:

арестомъ или денежною пенею не свыше пятисотъ рублей.

VI. Не ожидая введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго, 22 марта 1903 года, Уголовнаго Уложенія въ полномъ его объемѣ, ввести въ дѣйствіе, по дѣламъ о нарушеніяхъ авторскаго права, статьи 620 и 622 сего Уложенія и въ отношеніи къ этимъ нарушеніямъ—главу первую Уголовнаго Уложенія (Св. Зак., т. XV, изд. 1909 г.).

VII. Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Дѣла о нарушеніи чужого авторскаго права (Угол. Улож., ст.ст. 620 и 622) начинаются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго. Приговоръ о наказаніи виновнаго отмѣняется, если принесшій жалобу примирится съ виновнымъ прежде исполненія приговора.

XIII. Статью 200 и пунктъ 5 статьи 1260 Устава Уголовнаго Судопроизводства (Св. Зак., т. XVI, ч. 1. по Прод. 1909 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

200. Окружнымъ судамъ, въ общемъ порядкѣ судопроизводства подсудны всѣ уголовныя дѣла, изъятыя изъ вѣдомства мировыхъ судей, дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ статьями 73, 74, 78—80, 82—90, 93—98, 500 (ч. 1 п. 2, ч. 2 и 3) и 524—527 Уголовнаго Уложенія (т. XV, изд. 1909 г.), а равно дѣла о нарушеніяхъ авторскаго права, предусмотрѣнныхъ статьями 620 и 622 того же Уложенія.

[Примѣчанія къ сей (200) статьѣ въ Сводѣ и по Продолженію 1909 года остаются въ силѣ].

1260, п. 5. Дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ статьями 73, 74, 78—80, 82—90, 93—98,—500 (ч. 1 п. 2, ч. 2 и 3) и 524 и 527 Уголовнаго Уложенія (т. XV, изд. 1909 г.), а равно дѣла о нарушеніяхъ авторскаго права, предусмотрѣнныхъ статьями 620 и 622 того же Уложенія,—подлежатъ разсмотрѣнію и рѣшенію окружнаго суда.

IX. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Во все время существованія повременнаго изданія не допускается выпускъ въ свѣтъ другихъ изданій одного съ нимъ наименованія.

X. Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Воспроизведеніе, безъ согласія фабриканта, механическихъ нотъ (дисковъ пластинокъ, цилиндровъ и т. п.), предназначенныхъ для исполненія произведенія посредствомъ граммофоновъ, фонографовъ, піанолъ и тому подобныхъ инструментовъ, если на этихъ нотахъ означены фирма или имя и фамилія фабриканта,—воспрещается. Самовольно издавшій механическія ноты, обязанъ вознаградить потерпѣвшаго за весь причиненный ему убытокъ. Размѣръ вознагражденія установляется судомъ, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, по справедливому усмотрѣнію.

XI. Примѣчаніе 2 къ статьѣ 420, приложеніе къ нему, статью 1185 и примѣчаніе къ ней Законовъ Гражданскихъ (Св. Зак., т. X, ч. 1, изд. 1900 г. и по Прод. 1906 г.), а также примѣчаніе 2 къ статьѣ 158 и статьи 1683, 1684 и 1685 съ примѣчаніемъ къ ней Уложенія о Наказаніяхъ (Св. Зак.. т. XV, изд. 1885 г. и по Прод. 1906 г.)—отмѣнить.

XII. Дѣйствіе настоящаго закона распространить на губерніи Царства Польскаго и Прибалтійскія. Статьи 1971, 3981—3993, 3994 и примѣчаніе къ ней Свода Гражданскихъ Узаконеній губерній

Прибалтійскихъ (Св. мѣстн. узак. губ. Остзейск., ч. III, изд. 1864 г.) — отмѣнить.

XIII. Въ отношеніи литературныхъ, музыкальныхъ и художественныхъ произведеній, появившихся въ свѣтъ до вступленія настоящаго закона въ силу, постановить слѣдующія правила:

1. Законъ объ авторскомъ правѣ примѣняется къ появившимся, уже въ свѣтъ: а) произведеніямъ, сроки авторскаго права на кои. установленные приложеніемъ къ примѣчанію 2 къ статьѣ 420 Законовъ Гражданскихъ (Св. Зак., т. X, ч. 1, изд. 1900 г.), а равно статьею 1971 и примѣчаніемъ къ статьѣ 3994 Свода Гражданскихъ Узаконеній губерній Прибалтійскихъ (Св. мѣстн. узак. губ. Остзейск. ч. III, изд. 1864 г.), не истекли до вступленія сего закона въ силу, причемъ охраною авторскаго права означенныя произведенія пользуются въ теченіи установленныхъ до вступленія сего закона въ силу сроковъ, если сроки сіи продолжительнѣе сроковъ, опредѣляемыхъ настоящимъ закономъ, и б) произведеніямъ иностранныхъ подданныхъ, которые не пользовались до вступленія сего закона въ силу охраною въ Россіи, если срокъ авторскаго права на эти произведенія, по законамъ страны, въ подданствѣ коей состоитъ авторъ, не истекъ до вступленія настоящаго закона въ силу.

2. Дѣйствіе настоящаго закона не распространяется на произведенія, появившіеся въ свѣтъ до вступленія сего закона въ силу, если выпускъ ихъ не составлялъ нарушенія авторскаго права по законамъ, дѣйствовавшимъ до его вступленія въ силу.

3. Установленные настоящимъ закономъ сроки исковой давности примѣняются ко всѣмъ нарушеніямъ авторскаго права, по коимъ, ко дню вступленія закона объ авторскомъ правѣ въ силу, не истекъ установленный дѣйствующими законами срокъ давности.

4. Къ издательскимъ договорамъ, заключеннымъ до времени вступленія настоящаго закона въ силу, статьи 9, 67, 68, 71 и 72 Положенія объ авторскомъ правѣ не примѣняются.

Положеніе объ авторскомъ правѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ:

Общія положенія.

1. Авторское право распространяется:

1) на литературныя произведенія какъ письменныя, такъ и изустныя (рѣчи, лекціи, рефераты, доклады, сообщенія, проповѣди и т. п.);

2) на музыкальныя произведенія, въ томъ числѣ и на музыкальныя импровизаціи;

3) на художественныя произведенія (живопись, гравированіе и другіе виды графическаго искусства, ваяніе и зодчество), и

4) на фотографическія и подобныя имъ произведенія, охраняемыя на основаніяхъ, въ главѣ шестой указанныхъ.

2. Автору принадлежитъ исключительное право всѣми возможными способами воспроизводить, опубликовывать и распространять свое произведеніе.

3. Не считается нарушеніемъ авторскаго права пользованіе чужимъ произведеніемъ для созданія новаго произведенія, суще-

ственно отъ него отличающагося, а равно снятіе копій съ чужого произведенія исключительно для личнаго употребленія и безъ помѣщенія притомъ въ копіяхъ художественнаго произведенія подписи или монограммы автора подлинника.

4. Авторское право признается:

1) въ отношеніи произведеній, появившихся въ свѣтъ въ Россіи — за всѣми авторами и ихъ правопреемниками, независимо отъ ихъ подданства;

2) въ отношеніи произведеній, появившихся въ свѣтъ за границею, — за авторами, состоящими въ русскомъ подданствѣ, и за ихъ правопреемниками, независимо отъ подданства послѣднихъ, и

3) въ отношеніи произведеній, не появившихся въ свѣтъ, — за всѣми авторами и ихъ правопреемниками, независимо отъ ихъ подданства и мѣстонахожденія произведенія.

5. Авторское право на произведеніе, составленное совокупно нѣсколькими лицами и образующее одно нераздѣльное цѣлое, принадлежитъ всѣмъ авторамъ, причемъ имѣютъ соотвѣтственное примѣненіе правила объ общей собственности.

6. Авторское право послѣ смерти автора переходитъ къ его наслѣдникамъ.

Примѣчаніе. Въ порядкѣ наслѣдованія по закону на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ (Св. Зак., т. X, ч. 1) устанавливаются слѣдующія изъятія для авторскаго права:

1) Къ супругу, оказывающемуся единственнымъ наслѣдникомъ въ отношеніи авторскаго права, оно переходитъ не въ указанной долѣ, а въ полномъ объемѣ;

2) къ родителямъ, оказывающимся единственными наслѣдниками, въ отношеніи авторскаго права, оно переходитъ не въ пожизненное владѣніе, а въ собственность, и

3) когда остались супругъ и родители, но нѣтъ другихъ наслѣдниковъ въ отношеніи авторскаго права, то имѣютъ соотвѣтственное примѣненіе правила объ общей собственности, причемъ супругъ и родители наслѣдуютъ въ равныхъ доляхъ.

7. Если авторъ не распорядился при жизни своимъ авторскимъ правомъ и послѣ него не осталось наслѣдниковъ, то авторское право прекращается съ дня смерти автора.

Авторское право послѣ смерти одного изъ авторовъ произведенія, составленнаго совокупно нѣсколькими лицами, переходитъ, если умершій не распорядился своимъ авторскимъ правомъ при жизни и не оставилъ наслѣдниковъ, къ остальнымъ авторамъ того произведенія.

8. Договоръ объ отчужденіи авторскаго права, объ уступкѣ права на изданіе или о предоставленіи права перевода, публичнаго исполненія произведенія или какого-либо иного изъ принадлежащихъ автору правъ другому лицу долженъ быть изложенъ на письмѣ.

9. Предусмотрѣнные въ предыдущей (8) статьѣ договоры относительно будущихъ произведеній автора сохраняютъ силу на срокъ не свыше пяти лѣтъ, хотя бы въ договорѣ была условлена большая его продолжительность или безсрочность.

10. Авторское право не можетъ быть предметомъ взысканія при жизни автора — безъ его согласія, а послѣ его смерти — безъ согласія его наслѣдниковъ. Право на изданіе или иное изъ принадлежащихъ автору правъ, предоставленное по договору другому

лицу, можетъ быть предметомъ взысканія по долгамъ сего лица, но лишь въ предѣлахъ договора.

11. Авторское право на литературныя, музыкальныя и художественныя произведенія принадлежитъ автору въ теченіи всей его жизни, а наслѣдникамъ или инымъ правопреемникамъ его — въ теченіе пятидесяти лѣтъ со времени смерти автора.

На произведенія, появившіяся въ свѣтъ послѣ смерти автора, срокъ авторскаго права исчисляется со времени смерти автора, хотя бы въ подлежащихъ статьяхъ еего Положенія было указано исчисленіе срока со времени появленія въ свѣтъ произведенія.

12. Срокъ авторскаго права на произведеніе, составленное совокупнымъ трудомъ нѣсколькихъ лицъ и образующее одно нераздѣльное цѣлое, исчисляется для правопреемниковъ авторовъ со времени смерти того автора, который пережилъ остальныхъ.

13. Составители сборниковъ народныхъ пѣсенъ и мелодій, пословицъ, сказокъ, повѣстей, былинъ и тому подобныхъ произведеній народнаго творчества, сохранившихся въ изустномъ преданіи а равно составители сборниковъ рисунковъ и иныхъ произведеній народнаго искусства, имѣютъ авторское право на эти сборники въ теченіе пятидесяти лѣтъ со времени ихъ изданія.

Право это не препятствуетъ другимъ лицамъ издавать тѣ же произведенія въ самостоятельной обработкѣ или въ самостоятельныхъ сборникахъ.

14. Издатели газетъ, журналовъ и другихъ повременныхъ изданій, а также словарей, альманаховъ и иного рода сборныхъ изданій, составленныхъ изъ отдѣльныхъ произведеній различныхъ авторовъ, имѣютъ авторское право на эти изданія въ теченіе двадцати пяти лѣтъ со времени появленія ихъ въ свѣтъ. Сотрудникъ означенныхъ изданій имѣетъ авторское право на свое отдѣльное произведеніе, если противное не установлено въ договорѣ.

15. Распоряженіе произведеніемъ, составяеннымъ совокупнымъ трудомъ нѣсколькихъ лицъ и состоящимъ изъ частей, сохраняющихъ самостоятельное научное, литературное, музыкальное или художественное значеніе, можетъ послѣдовать лишь съ общаго согласія всѣхъ авторовъ, если изъ существа взаимныхъ отношеній авторовъ не явствуетъ противное; каждый изъ соавторовъ сохраняетъ, однако, авторское право на свое отдѣльное произведеніе.

16. Срокъ авторскаго права, въ случаяхъ исчисленія его со времени появленія въ свѣтъ произведенія, опредѣляется: для произведеній, издаваемыхъ томами,—особо для каждаго тома; для изданій періодическихъ—особо для каждаго нумера, книжки или тетради; для произведеній, издаваемыхъ выпусками,—со времени появленія въ свѣтъ послѣдняго выпуска, если промежутки между изданіемъ отдѣльныхъ выпусковъ не превышаютъ двухъ лѣтъ, а въ противномъ случаѣ—со времени появленія въ свѣтъ каждаго отдѣльнаго выпуска.

17. Если произведеніе появилось въ свѣтъ безъ означенія фамиліи автора (анонимно) или подъ вымышленнымъ именемъ (псевдонимно), авторское право на него продолжается въ теченіе пятидесяти лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ произведенія; но если, до истеченія этого срока, авторомъ либо правопреемниками его заявлено будетъ авторское право на произведеніе, то они вступаютъ въ свои права, на общемъ основаніи.

18. Срокъ авторскаго права исчисляется съ 1 Января того го-

да, въ которомъ авторъ умеръ или произведеніе появилось въ свѣтъ.

19. При всякихъ разрѣшаемыхъ закономъ заимствованіяхъ изъ чужого произведенія обязательно указаніе автора и источника заимствованія.

20. Лицо, которому вполнѣ или въ части уступлено авторское право на произведеніе, не въ правѣ безъ согласія автора или его наслѣдниковъ издавать или публично исполнять это произведеніе съ дополненіями или сокращеніями и вообще съ измѣненіями, кромѣ такихъ, вызываемыхъ явною необходимостью измѣненій, въ согласіи на которыя авторъ не могъ бы по доброй совѣсти отказать.

21. Лицо, умышленно или по неосторожности нарушившее права автора или его правопреемниковъ, обязано вознаградить потерпѣвшаго за весь причиненный ему убытокъ.

22. Лицо, дѣйствовавшее добросовѣстно и нарушившее авторское право по извинительной ошибкѣ, отвѣтствуетъ предъ авторомъ или его правопреемниками за причиненный имъ убытокъ въ размѣрѣ, не превышающемъ полученной прибыли.

23. Размѣръ вознагражденія, причитающагося автору или его правопреемникамъ на основаніи статей 21 и 22 сего Положенія, установляется судомъ, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, по справедливому усмотрѣнію.

24. Въ случаѣ противозаконнаго изданія, посредствомъ тисненія, произведенія, изданные экземпляры, а также орудія, изготовленныя исключительно для сего изданія, какъ-то: стереотипные шрифты, доски, камни и прочее, по требованію потерпѣвшей стороны, или передаются ей по цѣнѣ, опредѣленной соглашеніемъ, либо по оцѣнкѣ суда, въ счетъ возмѣщенія причиненныхъ убытковъ, или же приводятся въ состояніе, негодное къ употребленію, и оставляются у ихъ собственника.

Если изданіе признано противозаконнымъ лишь относительно извѣстной части произведенія и эта часть можетъ быть отдѣлена отъ остальной, то только указанная часть произведенія приводится въ негодность или передается истцу.

Приведенію въ негодность или передачѣ истцу подлежатъ всѣ противозаконно изданные экземпляры и орудія противозаконнаго производства, которыя окажутся какъ у издателя, такъ и у книгопродавца, типографщика и вообще у лицъ, имѣющихъ эти экземпляры для распространенія.

Примѣчаніе. Незаконнымъ изданіемъ почитается и самовольное переложеніе музыкальнаго произведенія на всякаго рода механическія ноты.

25. Искъ о вознагражденіи за убытки, причиненные нарушеніемъ авторскаго права, а также требованія, указанныя въ предыдущей (24) статьѣ, могутъ быть предъявлены, по усмотрѣнію истца, въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства безъ возбужденія уголовнаго дѣла.

26. Право на искъ о вознагражденіи за убытки, причиненные нарушеніемъ авторскаго права, погашается истеченіемъ, со времени его нарушенія, пятилѣтняго срока давности.

Возникающіе изъ нарушенія авторскаго права иски объ отобраніи (ст. 24) противозаконно изданныхъ экземпляровъ и орудій противозаконнаго производства могутъ быть, въ предѣлахъ срока авторскаго права, предъявляемы, пока существуютъ самодовольно

изданные экземпляры и орудія, изготовленныя для сего производства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Авторское право на литературныя произведенія.

27. Публичное изложеніе непоявившагося въ свѣтъ литературнаго произведенія или опубликованіе содержанія такого произведенія безъ согласія автора не допускается.

28. Частныя письма, не предназначавшіяся авторомъ къ напечатанію, могутъ быть изданы лишь съ обоюднаго согласія автора и лица, которому они были писаны; въ случаѣ же смерти кого либо изъ означенныхъ лицъ и за отсутствіемъ особаго съ ихъ стороны распоряженія—съ согласія лицъ, имѣющихъ послѣ нихъ право наслѣдованія по закону. По истеченіи пятидесяти лѣтъ со времени смерти послѣдняго изъ лицъ, которыя вели между собою переписку, для изданія частныхъ писемъ требуется согласіе лишь, переживших супруговъ и дѣтей названныхъ лицъ.

29. Дневники и всякія частныя записки, не предназначавшіеся къ напечатанію, могутъ быть изданы послѣ смерти автора лишь съ согласія лицъ, имѣющихъ послѣ него право наслѣдованія по закону, если по сему предмету умершимъ не было сдѣлано особаго распоряженія. По истеченіи пятидесяти лѣтъ со времени смерти автора, для изданія требуется согласіе лишь пережившаго супруга и дѣтей автора.

30. Издатель древней рукописи пользуется авторскимъ правомъ на свое изданіе въ теченіе пятидесяти лѣтъ со времени появленія его въ свѣтъ; это право не препятствуетъ, однако, другимъ лицамъ издавать, въ самостоятельной обработкѣ, ту же рукопись.

31. Передѣлка повѣствовательнаго произведенія въ драматическую форму или драматическаго произведенія въ повѣствовательную форму безъ согласія автора или его наслѣдниковъ не допускается.

32. Перепечатка въ Россіи изданныхъ за границею литературныхъ произведеній не допускается безъ согласія лицъ, имѣющихъ по законамъ страны, въ которой были изданы эти произведенія, авторское на нихъ право, поскольку это право не простирается за предѣлы установленныхъ настоящимъ Положеніемъ сроковъ авторскаго права.

33. Авторъ сочиненія, изданнаго въ Россіи, а также русскій подданный, издавшій свое сочиненіе за границею, и ихъ наслѣдники пользуются исключительнымъ правомъ перевода его на другіе языки, если на заглавномъ листѣ или въ предисловіи сочиненія ими заявлено о сохраненіи за собою этого права.

Исключительное право перевода принадлежитъ автору въ теченіе десяти лѣтъ со времени изданія подлинника, подъ условіемъ напечатанія перевода авторомъ въ теченіи пяти лѣтъ со времени изданія подлинника.

Обратный, на языкъ подлинника, переводъ съ перевода не допускается въ теченіе всего срока авторскаго права на подлинное произведеніе.

34. Произведенія, изданныя одновременно на нѣсколькихъ языкахъ, признаются на всѣхъ этихъ языкахъ подлинниками.

35. Появившіяся въ свѣтъ за границею сочиненія иностранныхъ подданныхъ могутъ быть издаваемы въ Россіи въ переводѣ на русскій или иные языки и безъ согласія авторовъ или ихъ правопреемниковъ, если необходимось такого согласія не установлена въ договорахъ объ охранѣ авторскихъ правъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными государствами.

На основаніи такихъ договоровъ иностраннымъ подданнымъ не могутъ быть предоставлены большія права, чѣмъ тѣ, которыми пользуются русскіе подданые по силѣ статьи 33 настоящаго Положенія; въ означенныхъ предѣлахъ исключительное право перевода сочиненій, появившихся за границею, можетъ быть предоставлено иностраннымъ подданнымъ только подъ условіемъ равной охраны правъ русскихъ подданныхъ въ договаривающемся государствѣ.

36. Переводчикъ пользуется авторскимъ правомъ на свой переводъ. Это право не препятствуетъ, однако, другимъ лицамъ самостоятельно переводить то же произведеніе.

37. Не составляютъ предмета авторскаго права: законы и правительственныя распоряженія, постановленія законодательныхъ учрежденій, земскихъ, городскихъ, сословныхъ и другихъ общественныхъ собраній и матеріалы, на коихъ эти законы, распоряженія и постановленія основаны, а также рѣшенія судебныхъ установленій.

38. Рѣчи, произнесенныя публично въ законодательныхъ учрежденіяхъ, въ судебныхъ установленіяхъ, въ земскихъ въ городскихъ, сословныхъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ и, вообще, во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ, могутъ быть печатаемы въ повременныхъ изданіяхъ, а также въ отдѣльныхъ очетахъ о засѣданіяхъ означенныхъ учрежденій и собраній, безъ согласія автора. За авторомъ сохраняется, однако, исключительное право на изданіе какъ отдѣльныхъ рѣчей, такъ и сборника ихъ.

39. Въ литературныхъ произведеніяхъ допускаются небольшія выписки изъ появившихся уже въ свѣтъ чужихъ сочиненій или даже полная перепечатка чужихъ, незначительныхъ по объему, произведеній, подъ условіемъ помѣщенія такихъ выписокъ или перепечатокъ въ сочиненіи, составляющемъ самостоятельное цѣлое, или же въ хрестоматіяхъ и другихъ сборникахъ съ учебною, научною, либо технической цѣлью.

40. Въ газетахъ, журналахъ и прочихъ повременныхъ изданіяхъ допускается перепечатка изъ другихъ повременныхъ изданій извѣстій о текущихъ событіяхъ и новостяхъ дня, а равно иногороднихъ сообщеній по телеграфу и телефону, хотя бы получаемыхъ отъ собственныхъ корреспондентовъ. Другія статьи повременныхъ изданій могутъ быть перепечатываемы въ тѣхъ случаяхъ, когда по отношенію къ нимъ не послѣдовало воспрещенія автора.

Постоянныя изъ одного и того же изданія перепечатки воспрещаются.

Иногороднія сообщенія по телеграфу и телефону, снабженныя запретительною оговоркою, не дозволяется воспроизводить въ мѣстныхъ газетахъ въ теченіе восемнадцати часовъ со времени ихъ опубликованія.

41. Постановленія настоящей главы имѣютъ соотвѣтственное примѣненіе къ авторскому праву на географическіе, топографи-

ческіе, астрономическіе и иного рода карты, глобусы, атласы, рисунки по естествознанію, строительные и другіе техническіе планы, рисунки, чертежи и тому подобныя произведенія, если по главной цѣли своей и назначенію такія пронвведенія не относятся къ числу художеетвенныхъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Авторское право на музыкальныя произведенія.

42. Авторское право на музыкальное произведеніе заключаетъ въ себѣ также исключительное право композитора на составленіе и изданіе сокращеній, извлеченій и попурри изъ его музыкальнаго произведенія, на переложеніе его, въ части или въ цѣломъ, на одинъ или нѣсколько голосовъ, другіе тона, отдѣльные инструменты или цѣлый оркестръ, на переинструментовку произведенія, а также на переложеніе его на всякаго рода механическія ноты (диски, пластинки, цилиндры и т. п.), предназначенныя для исполненія произведенія посредствомъ граммофоновъ, фонографовъ піанолъ и тому подобныхъ инструментовъ.

Если композиторъ лично или, съ его разрѣшенія, другое лицо воспользовались правомъ переложенія музыкальнаго произведенія на инструменты, воспроизводящіе его механически (фонографы, граммофоны и т. п.), для его продажи, то этимъ дается право и всякому другому, имѣющему въ предѣлахъ Россіи механическое для сего заведеніе, войти въ соглашеніе съ композиторомъ относительно уступки права такого же переложенія, а въ случаѣ отказа композитора—ходатайствовать о представленіи этого права предъ судомъ, который одновременно съ разрѣшеніемъ ходатайства опредѣляетъ по справедливому усмотрѣнію и размѣръ причитающагося композитору вознагражденія, а также условія и способъ его осуществленія.

43. Не признается нарушеніемъ авторскаго права на музыкальное произведеніе: 1) изданіе варіацій, транскрипцій, фантазій, этюдовъ на цѣлое или часть чужого музыкальнаго произведенія или вообще заимствованіе изъ него, если всѣ эти сочиненія настолько уклоняются отъ оригинала, что должны быть разсматриваемы какъ новое и самостоятельное музыкальнее произведеніе, и 2) приведеніе въ изданіяхъ съ учебною цѣлью, въ видѣ примѣровъ, отдѣльныхъ мѣсть изданнаго или публично исполненнаго музыкальнаго произведенія.

44. Перепечатка въ Россіи музыкальныхъ произведеній, изданныхъ за границею, не допускается безъ согласія лицъ, имѣющихъ по законамъ страны, въ которой были изданы эти произведенія. авторское на нихъ право, поскольку это право не простирается за предѣлы установленныхъ настоящимъ Положеніемъ сроковъ авторскаго права.

45. Композиторъ можетъ воспользоваться для своего сочиненія текстомъ, заимствованнымъ въ части или въ цѣломъ изъ напечатаннаго уже литературнаго произведенія. Изданіе этого текста допускается лишь вмѣстѣ съ музыкальнымъ произведеніемъ или отдѣльно отъ него въ концертной программѣ. Однако, пользованіе литературнымъ произведеніемъ, написаннымъ именно съ цѣлью

служитъ текстомъ для музыкальнаго произведенія, разрѣшается композитору не иначе, какъ съ согласія автора литературнаго произведенія.

46. Авторское право на музыкальное произведеніе съ текстомъ написаннымъ по заказу композитора, принадлежитъ, въ цѣломъ его составѣ, композитору, но право на отдѣльное изданіе такого текста имѣетъ, за отсутствіемъ иного соглашенія, авторъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Право публичнаго исполненія драматическихъ, музыкальныхъ и музыкально-драматическихъ произведеній.

47. Авторское право на драматическое, музыкальное, и музыкально-драматическое произведеніе заключаетъ въ себѣ также исключительное право на публичное исполненіе сихъ произведеній.

48. Право композитора на публичное исполненіе музыкальнаго произведенія охраняется лишь въ томъ случаѣ, если имъ на каждомъ экземплярѣ музыкальнаго произведенія указано, что композиторъ оставилъ за собою это право.

49. Для публичнаго исполненія музыкальнаго произведенія съ текстомъ достаточно согласія композитора.

50. Публичное исполненіе музыкальнаго произведенія допускается безъ согласія композитора:

1) если исполненіе ни непосредственно, ни косвенно не преслѣдуетъ цѣлей наживы;

1) если исполненіе совершается во время народныхъ празднествъ, или,

3) если выручка назначена исключительно для благотворительныхъ цѣлей и исполнители вознагражденія не получаютъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Авторское право на художественныя произведенія.

51. Отчужденіе художникомъ художественнаго произведенія не переноситъ на пріобрѣтателя авторскаго права на это произведеніе если въ договорѣ не упомянуто объ этомъ.

52. За отсутствіемъ иного соглашенія, художнику принадлежитъ авторское право на художественныя произведенія, исполненныя имъ по заказу другого лица. Правило это не распространяется на портреты и бюсты; право повторять, выставлять и издавать таковые принадлежитъ лицу, съ котораго написанъ партретъ или сдѣланъ бюстъ, либо его наслѣдникамъ.

53. Собственникъ художественнаго произведенія не обязанъ допускать художника къ пользованію этимъ произведеніемъ для повторенія, размноженія или изданія его.

54. Снятіе копій съ художественнаго произведенія, пріобрѣтеннаго непосредственно отъ художника въ собственность для храмовъ Божіихъ, Императорскихъ дворцовъ, музеевъ, правительственныхъ и общественныхъ установленій, допускается, съ разрѣшенія подлежащей власти, и безъ согласія художника.

55. Признается нарушенiемъ авторскаго права на художественное произведенiе повторенiе, размноженiе или изданiе произведенiя, въ цѣломъ или въ части:

1) всякимъ способомъ, относящимся къ тому же роду искусства, и

2) не только съ подлинника, но и съ копiи.

56. Не признается нарушенiемъ авторскаго права на художественное произведенiе:

1) изображенiе произведенiй живописи средствами ваянiя и, наоборотъ, произведенiй ваянiя средствами живописи;

2) воспроизведенiе отдѣльныхъ художественныхъ произведенiй въ самостоятельномъ научномъ изслѣдованiи или же въ книгѣ, предназначенной для учебныхъ цѣлей, и притомъ исключительно для поясненiя текста;

3) повторенiе художественныхъ произведенiй, находящихся на улицахъ, площадяхъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ, въ иной отрасли того же рода искусства;

4) помѣщенiе отдѣльныхъ частей художественнаго произведенiя въ издѣлiяхъ заводской, фабричной и ремесленной промышленности, и

5) помѣщенiе произведенiй на публичной выставкѣ.

57. Каждый можетъ производить постройки и сооруженiя по опубликованнымъ авторомъ архитектурнымъ, инженернымъ и инымъ техническимъ планамъ, чертежамъ и рисункамъ, если авторъ, при самомъ опубликованiи, не оговоритъ, что такое право онъ сохраняетъ за собою. Лицо, прiобрѣвшее отъ автора техническiе планы, чертежи или рисунки, за отсутствiемъ иного соглашенiя, можетъ производить по нимъ постройки и сооруженiя, но не можетъ безъ согласiя автора переуступать этого права постороннимъ лицамъ.

58. Въ случаяхъ противозаконнаго воспроизведенiя всякаго, художественныхъ произведенiй, за исключенiемъ архитектурныхъ произведенiй и сооруженныхъ памятниковъ, имѣютъ соотвѣтственное примѣненiе правила статьи 24, съ тѣмъ, однако, что подлежащiя приведенiю въ негодность, художественныя произведенiя а равно служащiя исключительно для ихъ изготовленiя орудiя (формы, камни, доски и т. п.), могутъ, по ходатайству нарушителя авторскаго права и за его счетъ, вмѣсто приведенiя въ негодность, быть изъяты изъ пользованiя и подвергнуты описи и аресту на срокъ дѣйствiя авторскаго права на сiи произведенiя.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Авторское право на фотографическiя произведенiя.

59. Фотографу принадлежитъ исключительное право повторенiя, размноженiя и изданiя фотографическаго произведенiя свѣтописнымъ, механическимъ, химическихъ или инымъ подобнымъ способомъ.

Въ отношенiи портретовъ и другихъ фотографическихъ произведенiй, исполненныхъ по заказу, авторское право принадлежитъ лицу, сдѣлавшему заказъ.

60. Для сохраненiя за фотографомъ авторскаго права на фото-

графическія изображенія требуется означеніе на каждомъ экземплярѣ:

1) фирмы или имени, фамиліи и мѣста жительства фотографа или издателя фотографіи, и

2) года выпуска въ свѣтъ фотографическаго произведенія.

61. Авторское право на фотографическія произведенія ограничивается десятью годами со времени появленія въ свѣтъ произведенія.

Означенный срокъ увеличивается до двадцати пяти лѣтъ, если фотографическія произведенія изданы въ видѣ сборниковъ или серій снимковъ, представляющихъ самостоятельный художественный, историческій или научный интересъ.

Авторское право на фотографическія произведеній, являющіяся составною частью литературныхъ произведеній, хотя бы въ видѣ приложенія къ нимъ, продолжается на весь срокъ дѣйствія авторскаго права на означенныя литературныя произведенія.

62. Не признается нарушеніемъ авторскаго права на фотографическія произведенія:

1) снятіе копіи для личнаго употребленія;

2) помѣщеніе произведенія на публичной выставкѣ;

3) воспроизведеніе его въ самостоятельномъ научномъ изслѣдованіи или же въ книгѣ, предназначенной для учебныхъ цѣлей и притомъ исключительно для поясненія текста, и

4) воспроизведеніе его, хотя бы цѣликомъ, въ издѣліяхъ промышленности заводской, фабричной и ремесленной.

63. Къ фотографическимъ произведеніямъ имѣютъ соотвѣтственное примѣненіе статьи 4—8, часть 2 статьи 11 и статьи 14, 16 и 18—26 настоящаго Положенія.

64. Правила настоящей главы примѣняются не только къ фотографическимъ, но и къ другимъ, подобнымъ фотографіи, произведеніямъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Издательскій договоръ.

65. Въ силу издательскаго договора авторъ, уступившій другому лицу (издателю) право на одно или нѣсколько изданій своего произведенія, обязанъ предоставить послѣднее въ распоряженіе издателя, который, съ своей стороны, обязанъ издать это произведеніе въ надлежащемъ видѣ и въ условленномъ количествѣ экземпляровъ и принять всѣ обычно соблюдаемыя мѣры къ распространенію изданія.

66. Издатель, насколько это представляется необходимымъ для огражденія правъ его по издательскому договору, пользуется въ отношеніи какъ автора, такъ и третьихъ лицъ, авторскимъ правомъ на произведеніе, съ тѣми лишь изъятіями, которыя установлены въ законѣ или договорѣ.

67. Переуступка пріобрѣтеннаго издателемъ прова другому лицу допускается только съ согласія автора или его правопреемниковъ.

68. За отсутствіемъ соглашенія относительно срока изданія произведенія, издатель обязанъ выпустить его въ свѣтъ въ соотвѣтствующій обстоятельствамъ срокъ и, во всякомъ случаѣ, не

позже трехъ лѣтъ со дня заключенія договора или полученія произведенія, если оно передано позже. Если изданіе не послѣдуетъ въ теченіе трехъ лѣтъ, то договоръ, по заявленію автора, прекращается.

Равнымъ образомъ, по заявленію автора, договоръ прекращается если обнаружатся уважительныя обстоятельства, хотя и не предусмотренныя въ статьѣ 684 Законовъ Гражданскихъ (Св. Зак. т. X, ч. 1, изд. 1900 г.), но вынуждающія его отказаться отъ опубликованія своего произведенія; въ этомъ случаѣ авторъ обязанъ возмѣстить издателю понесенныя имъ издержки по изданію.

69. За отсутствіемъ соглашенія относительно числа изданій или количества экземпляровъ, издатель литературнаго или художественнаго произведенія имѣетъ право на одно изданіе въ количествѣ не свыше одной тысячи двухсотъ экземпляровъ, издатель же нотъ— на одно изданіе въ количествѣ не свыше двухсотъ экземпляровъ.

70. Издатель не въ правѣ, безъ согласія автора или его наслѣдниковъ, вносить какія-либо дополненія сокращенія и вообще измѣненія ни въ самое произведеніе, ни въ заглавіе его, ни въ обозначеніе въ немъ автора, за исключеніемъ лишь такихъ, вызываемыхъ явною необходимостью, измѣненій, въ согласіи на которыя авторъ не могъ бы по доброй совѣсти отказать.

71. Авторъ, уступившій право на изданіе своего произведенія, можетъ предпринять новое изданіе немедленно послѣ того какъ уступленное имъ изданіе распродано издателемъ. Автору принадлежитъ право выкупить отъ издателя оставшіеся нераспроданными экземпляры по цѣнѣ, назначенной для ихъ продажи при выпускѣ изданія въ свѣтъ.

За отсутствіемъ иного соглашенія, авторъ можетъ предпринять новое изданіе по истеченіи пяти лѣтъ со времени появленія, а если уступлено право на нѣсколько изданій,—то по истеченіи столькихъ пятилѣтій, сколько изданій уступлено.

72. Въ полномъ собраніи своихъ произведеній авторъ можетъ помѣстить и такія произведенія, право на изданіе коихъ уступлено имъ другимъ лицамъ, если со времени появленія ихъ въ свѣтъ прошло болѣе трехъ лѣтъ, а въ отношеніи музыкальныхъ и художественныхъ произведеній—болѣе десяти лѣтъ. Авторъ, однако, не въ правѣ продавать эти произведенія отдѣльно отъ полнаго собранія.

73. Авторъ, уступившій право на изданіе своего произведенія, можетъ вновь издать его, если оно настолько существенно переработано, что должно быть разсматриваемо, какъ новое произведеніе.

74. Уступка права на изданіе драматическаго, музыкальнаго или музыкально-драматическаго произведенія не заключаетъ въ себѣ уступки права на публичное его исполненіе и на переложеніе музыкальныхъ произведеній на инструменты воспроизведеній на инструменты воспроизводящіе ихъ механически.

75. Уступка права на изданіе литературнаго произведенія не заключаетъ въ себѣ уступки права:

1) на переводъ его на другіе языки и

2) на передѣлку повѣствовательнаго произведенія въ драматическую форму или драматическаго произведенія въ повѣствовательную форму.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

къ тексту.